

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

12. 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство территориального развития, национальной политики и массовых коммуникаций ЧР.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
27 марта 2009 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00064

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхив

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

<http://www.vaynah.at.ua>

<http://www.j-vaynah.ru>

Журнал выходит один раз в месяц. 16+

Журнал набран на компьютерной базе ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

23.12.13

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

- Абузар АЙДАМИРОВ. *Дороги моей жизни.*
Автобиографический очерк. Окончание.....2
Амин ДАВДИЕВ. *Ирча сурт хлинца а бляьргашна*
*хьалха... Дийцар.....*21
Гарби АЛЪТЕМИРОВ. *Адамалла. Дийцар.....*29
Мохьмад АЛИЕВ. *Диц ца делла дика. Дийцар.....*33
Лейла КУСАЕВА. *Бабушка Мо. Рассказ.....*41
Валид ДОКАЕВ. *Прозаические миниатюры.*
*Афористика.....*45

ПОЭЗИЯ

- Алвади ШАЙХИЕВ. *Баллада о крепости.....*14
Супьян ХАЛИДОВ. *Гергарчарах лаьцна. Стихаш.....*32
Асхаб АЛИЕВ. *Голос Мамы. Стихи.....*37

ДРАМАТУРГИЯ

- Абу ИСМАИЛОВ. *Эдал. Драма в стихах. Окончание.*
Перевод с чеч. автора.....16
Муса АХМАДОВ. *Люди в ночи. Пьеса.*
Перевод с чеч. Лидии ДОВЛЕТКИРЕЕВОЙ.....49

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

- Ольга ЕРМОЛАЕВА. *Грибоедов. Поэма. Окончание.....*24

ДЕБЮТ

- Хава ГАМАРИГОВА. *Позабыв, что было, навсегда.*
Стихи.....40

ПАМЯТЬ

- Вахид АДУЕВ. *Патриот с судьбою эмигранта.....*66

ПОРТРЕТ

- Айнды ЯКУБОВ. *Адвокат с большой буквы.....*71

ПУБЛИЦИСТИКА

- Роза МЕЖИЕВА. *Наши гости, или Просто*
*замечательные люди.....*79
Муслим ГАПУЕВ. *Рожденный под счастливой звездой.*
Окончание.....83

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

- С любовью к учителю.....*89

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- Роза БЕРСАНОВА. *Художница из Пригородного.....*89

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....

91

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2013 ГОД.....

92

*Проза***Абузар Айдамиров****Дороги моей жизни***

Автобиографический очерк

Окончание. Начало в №№ 10, 11

Руководство книжного издательства отнюдь не думало приступить к изданию романа и выдать мне аванс. К осени Галаев ушел на пенсию, а Лорсанукаев перешел на журналистскую работу.

Директором книжного издательства назначили Дзейтова Хажбекира Хусейновича, главным редактором – Гапаева Абдуллу.

Хажбекир Дзейтов был честный, мужественный, благородный человек, кьонах в полном смысле этого слова. Его дети могут гордиться таким отцом. С первого же дня своего назначения на эту должность он начал всячески оказывать мне помощь в издании романа. Выдал мне аванс и по моей просьбе редактором рукописи назначил Хамзата Саракаева, при этом освободив его от всех других дел, поручил ему только работать над рукописью у себя дома.

Вскоре Власова А.В. перевели в Москву, а Бузуртанова М.О. на другую работу в республике. Новым секретарем стал Фотеев В.К. Мой непримиримый враг Тацитов А.И. остался на своей должности.

Кажется, это было в начале 1985 года. Когда я приехал в книжное издательство, Дзейтов Х.Х. встретил меня взволнованно. Он обращался со мною по имени и отчеству.

– Я с тревогой ждал вашего приезда, Абузар Абдулхакимович. Мне стыдно смотреть вам в глаза, – сказал он растерянно.

– Что случилось, Хажбекир? – спросил я.

– Да знаете, Абузар Абдулхакимович, меня вызвали в обком КПСС, категорически запретили издать роман «Молния в горах».

– Из-за этого ты так расстроился?

– Я же вам дал слово, теперь не знаю, что мне делать?

– А я думал, у тебя случилось какое-то несчастье! Моя книга не стоит того, чтобы ты так волновался. Я бы сжег рукопись книги, чтобы не упал волосок с твоей головы!

Хажбекир успокоился.

– «Молнию в горах» мы издадим обязательно, – сказал он, – только придется выждать перемен в обкоме. Думаю, вскоре кое-кто уедет из республики. Теперь у меня одна просьба. Мы выдали вам аванс за «Молнию в горах». Первая же ревизия потребует взыскать эту сумму. Вы должны добровольно вернуть ее или мы вынуждены будем взыскать ее через суд. Подавать на вас в суд... это немыслимо. Денег у вас нет. Я слышал, что вы сказали Власову, что, пока не издадут «Молнию в горах», вы не будете печатать ни одной строчки в республике. Разрешите нам переиздать ваши ранние произведения и отпечатать новый роман «Подъемы», чтобы возместить выданный вам аванс?

Я дал согласие. Другого выхода у меня не было. Так в 1985 году вышла в свет книга «Ненан дог», в которую вошли все мои ранее изданные повести, рассказы, стихи, в 1986 году – незаконченный роман «Ирхеш» («Подъемы»).

В конце 1985 года книжное издательство вручило мне рецензию Ю. Айдаева на роман «Молния в горах», в которой он раскритиковал его, чтобы этот роман никогда не увидел свет. Конечно, по заказу Тацитова А.И.

Но и я тоже не остался в долгу. Я представил издательству справку по

*Публикуется в сокращении.

рецензии Ю. Айдаева на сорока машинописных страницах, в которой пункт за пунктом аргументированно опровергал его инсинуации.

1975-1986 гг. были для меня самыми трудными в жизни.

По заказу обкома КПСС и органов КГБ отдельные товарищи писали совершенно необоснованные, клеветнические измышления на «Долгие ночи» и «Молнию в горах». Чтобы опровергать их клевету, мне приходилось писать по десятку страниц на каждого. Не голословно, а аргументированно, ссылаясь на классиков марксизма-ленинизма, на научные труды по истории, литературоведению, философии и т.д. В те годы я поневоле хорошо изучил труды Маркса, Энгельса, Ленина, материалы съездов и пленумов КПСС. Некоторые мои письма и справки можно сравнить с добротными кандидатскими диссертациями по истории и литературоведению, по вопросам национально-освободительной борьбы народов мира.

Все рецензенты, которые отвергали «Долгие ночи» и «Молнию в горах», требовали от меня исключить из романов войну, жестокость царских генералов, истребление народа, уничтожение аулов, колониальный гнет и т.д. Предлагали писать только о прогрессивных последствиях присоединения Чечни к России, показывать русские войска как освободителя чеченского народа от какого-то невидимого гнета, рабства и невежества. Местные рецензенты отвергали романы, ссылаясь на несоответствие их идейного содержания концепции о добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России. Чеченские оппоненты тонко, завуалированно, а нечеченские – открыто требовали осуждения в романах «реакционного ислама, чеченского духовенства».

Старший редактор издательства Н.П. Гриценко о необходимости проповеди атеизма:

«Автору необходимо подумать об атеистической теме романа. Очень уж спокойно он описывает мусульманскую религию, несколько героев, которых он с симпатией описывает – это муллы. Многочисленные упоминания о намазах, которые совершают герои романа, описание мусульманских обычаев и молитв рисуют чеченцев глубоко верующим народом, а так ли это было на самом деле? Таким образом, автору не удалось реализовать рекомендации рецензента».

Ю. Поваляев – редактор издательства:

«С помощью панисламизма господствующие классы мусульманских стран, разжигая национальную и религиозную рознь, стремились укрепить свои позиции и задушить национальные движения трудящихся Востока...»

Среди чеченцев все громче раздавались голоса турецких эмиссаров: «Чеченцы! Объединяйтесь с братьями-мусульманами, идите в Турцию, единоверцы вам помогут». Эти корни не раскрыты в романе...»

Н.П. Гриценко:

«Еще раз советую автору выбросить из романа так называемую кавказскую войну, имама Шамиля и его приближенных...»

В. Чалмаев (критик):

«В вопросе об освещении роли ислама и исламизма, вопросе очень остром в наши дни, автор должен был придерживаться того направления, которое показывает глубочайшую мысль, высказанную на XXVI съезде КПСС... И так, две свои важнейшие задачи – задачу реального, т.е. антинародного смысла исламизма и предательской сущности наивов – роман не решает. Слабость романа – отсутствие и слабое раскрытие реакционной сущности исламизма...»

И. Минтяк – редактор издательства:

«Считаю, что роман в данном варианте по своему строю и духу несостоятелен, антинаучен... Пагубность «Долгих ночей» в современных условиях острой идеологической борьбы очевидна. Как очевидна пагубность и других работ А. Айдамирова – по тем же идейно-художественным мотивам (редактор имеет в виду путевые записки «Под чужим небом» – А.А.) ...Исходя из марксистско-ленинских положений и документа о добровольном вхождении Чечни в состав России, категорически возражаю против издания «Долгих ночей» в предлагаемом варианте...»

Выше я привел рецензии только по двум книгам, и далеко не все. Кроме этих, были отзывы и на «Хронологию истории Чечено-Ингушетии», и на путевые записки «Под чужим небом», а также мои ответы на них. В этих многочисленных письмах я отвергал клевету на меня и на мое творчество, доказывал свою правоту, т.е. защищал правду об историческом прошлом чеченского народа. Каждое мое письмо было очередной схваткой, ударом оппонентам. Эта борьба походила на борьбу боксеров на ринге. Между прочим, об этом очень хорошо написано в статье А. Шайхиева и А. Осмаева «Фальши не приемлю никакой...» (Журнал «Ичкерия», 1993 год, №1).

Почти все мои произведения мне приходилось издавать с боем, потерпевшие поражение я откладывал в архив на долгие годы. Эта борьба отвлекала меня от литературного творчества. На эти опровержения я потратил огромное время, силы и энергию, чего хватило бы на несколько таких романов, как «Долгие ночи». А проведенные бессонные ночи, моральные травмы невозможно описать.

Последняя моя книга «Лаьмнийн некъашкахула» вышла в 1975 году. С тех пор до 1985 года в течение 10-ти лет не издали ни одно мое произведение. С мая 1979 года газеты не печатали мою публицистику. Я умышленно давал газетам очерки, статьи и отрывки из романа «Молния в горах», чтобы проверить позицию газет, вернее, отношение ко мне обкома КПСС и КГБ.

В то же время был наложен запрет на упоминание моего имени в печати, радио, телевидении. В печати появлялись статьи о чечено-ингушской литературе, но без моего имени. Накануне юбилейных торжеств 200-летия добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России, в 1981 году, в Москве издали книгу очерков Р. Ахматовой «Рассвет и горы», редактором которой был Тацитов А.И.

В разделе о чеченской и ингушской литературе были перечислены имена всех писателей: ушедших из жизни, ныне здравствующих, молодых и начинающих, кроме моего имени. То же самое и в статье М.О. Бузурганова «Родство наших сердец», напечатанной в «Литературной России» в дни литературы и искусства Чечено-Ингушетии в Москве, в которых участвовал и я («Литературная Россия», 8 октября 1982 г.) Отсутствовало мое имя и в статье Ю. Айдаева «Во имя братства. Национальное и интернациональное в чеченской и ингушской литературе. («Грозненский рабочий», 11.06.1980 г.)

Мои друзья Х. Туркаев и М. Сулаев очень хорошо и много написали о моем творчестве ранее. Но в их статьях тех лет названы все чеченские и ингушские писатели, даже молодые, кроме меня. (Х. Туркаев. «Критерий – правда о жизни. Заметки о чечено-ингушском романе». «Грозненский рабочий», 23.04.1982 г.), М. Сулаев «Синталлабийн кIоргене. Таьххьарчу шерашкахьлерчу нохчийн прозех лаьцна тидамаш». («Ленинан некъ», 24.08.1986 г.), «Преображение человека» («Грозненский рабочий», 18.07.1986 г.). Не назвали мое имя и в сборнике научных трудов ЧИИИСФ «Чеченский и ингушский роман», изданном в 1986 году.

Кажется, это было в 1982 году. Из программ и учебников США исключили «Долгие ночи». Руками старшеклассников инквизиторским методом вырывали и сжигали страницы этого романа. Изъяли «Долгие ночи» со всех библиотек республики, даже конфисковали у многих частных лиц.

Между тем, все эти годы наша семья находилась в материально бедственном положении. Да и никогда мы не были материально обеспечены. Когда я учился в Москве, я и семья существовали на мою стипендию в 135 рублей.

Мои романы «Долгие ночи» на русском языке и «Молния в горах» на чеченском языке были включены в тематические планы книжного издательства на 1979 и 1981 годы. Включили их еще до моей опалы. Уверенный, что получу гонорар за эти книги, я начал строительство дома, в котором живу ныне. Деньги я занимал у родственников и односельчан. Потом книги не издали. Не осталось даже надежды на их издание. Я оказался в долгах. После моих встреч с Власовым А.В. каждый раз Мухажар спрашивала:

– Что тебе сказали? Издадут книги?

Чтобы не расстраивать ее, я бойко отвечал:

– Скоро издадут! Уже начали работать!

Проходили год за годом, а книги не издавали. Люди не напоминали мне о долгах, но их надо было вернуть. Чтобы не произносить имя моего брата Абу, Мухажар звала меня – Бузар. Однажды, когда я возвратился домой из очередной поездки в обком, Мухажар сказала мне:

– Бузар, ты что-то скрываешь от меня. Я по твоим глазам вижу, что-то творится в твоём сердце. Ты молча переживаешь, не делишься со мною. Между нами никогда не было тайн. Вместе делили счастье и горе. Почему ты не говоришь мне правду? Или боишься, что у меня не хватит мужества перенести очередной удар?

– Мухажар, наши книги не издадут... – ответил я одним духом.

– Почему?

– От меня требуют, чтобы я на одну треть сократил «Еха буйсанаш» и убрал многие места со второй книги.

Она задумалась.

– Бузар, за нами много долгов. Не дай Бог, если кто из нас умрет, у нас нет ни копейки на похороны... А смерть идет по пятам. Что будет с нами завтра, знает только Аллах. Если мы умрем оба, как дети расплатятся с долгами? Нельзя ли пойти на уступки, сделать то, что говорят власти?

– Нельзя, Мухажар...

– Почему?

– Видишь ли, Мухажар, народ уже читал «Еха буйсанаш». Если я переделаю роман в угоду властям, как я посмотрю людям в глаза? Они скажут, что я продался властям или струсил. Я вложил в эти книги свою душу, кровь. Я написал правду. Не хочу потерять свою честь и совесть под старость. Лучше будем жить в бедности, как мы жили с тобой более тридцати лет...

Она вскочила с места.

– Бузар, почему ты раньше не сказал мне это? Не изменяй ни одного слова из книг! Ради твоей чести вместе с детьми я умру с голода! В крайнем случае, мы с тобою пойдем побираться куда-нибудь далеко, где нас никто не знает. Ты только не падай духом, Бузар, сделай так, как тебе велят твоя честь и совесть!

Потом, чтобы расплатиться с долгами, мы с Мухажар решили продать нашу библиотеку. Я составил длинный список книг, поехал в Грозный. Директором книготорга был Руслан Мальсагов, бывший главный редактор книжного издательства, очень порядочный человек.

– Из-за финансовых затруднений я вынужден продать эти книги, – я положил список на стол. – И я не хотел бы, чтобы об этом узнали люди.

Руслан просмотрел список.

– Эти книги имеют огромный спрос. У нас их раскупят за час. Если мы примем их в магазин, мы должны удержать 20% комиссионных. В твоём положении это большие деньги. Мы оценим их максимальными ценами, и я пошлю к тебе покупателя, который закупит их оптом.

Спустя недели приехал один ингуш. Он на машине УАЗ сделал три рейса, увозя книги, вручив мне около десяти тысяч рублей. Проводив гостя, я вернулся в библиотеку. Мухажар сидела на полу перед опустевшими полками, держа голову обеими руками, и плакала навзрыд.

– Ты почему плачешь, Мухажар? – спросил я.

Она не ответила сразу.

– Ты начал собирать эти книги еще в Киргизии... Собирал более тридцати лет... В них были твоя радость и утешение... Я не должна была согласиться продать их...

Потом, успокоившись, сама начала утешать меня:

– Ничего, Бузар, когда у нас будут деньги, мы тебе купим такие же книги. Даже больше и лучше...

Мы поженились с Мухажар в сентябре 1950 года. Мне тогда было 20 лет, ей – 16. В день выселения она училась в третьем классе, и на этом закончилось ее образование. Она медленно читала мои произведения. «Долгие ночи» первого издания она прочитала дважды, когда читала второе издание, не успела прочитать, остановилась на 83 странице...

Мухажар была умной, доброй, милосердной, благородной, мужественной женщиной, верной, надежной спутницей моей трудной жизни. Преданная жена и добрая мать. Она никогда не жаловалась на нашу бедность. Она знала, что я делаю очень важное дело, морально поддерживала меня в самые трудные минуты. Ее любили и уважали все, даже если лишь один раз встречались с ней. Если я сделал что-то для нашего народа, в этом большая заслуга Мухажар.

1 апреля 1992 года в 10 часов утра в возрасте 58 лет она скоропостижно умерла от инсульта. Похоронили ее 2 апреля в 10 часов утра...

В феврале 1989 года работники народного образования Советского (Шатоевского) района и жители селения Агишты Веденского района, по инициативе общественно-политического движения, возглавляемого Лечи Салиговым, без моего ведома выдвинули мою кандидатуру в народные депутаты СССР по Гудермесскому избирательному округу № 397. В округ входили восемь районов: Веденский, Гудермесский, Надтеречный, Наурский, Ножай-Юртовский, Советский, Шалинский и Шелковской.

Когда Л. Салигов приехал ко мне с этой вестью, я выговорил ему:

– Вы поступили очень плохо. Почему вы сделали это, не спросив меня, без моего согласия?

– В этом не было надобности. Тебя выдвинул народ. Я приехал к тебе не за согласием. Райком, обком и прочие будут приставать к тебе, чтобы ты отказался баллотироваться. Я приехал к тебе, чтобы ты не попался на их уговоры. Мы ставим перед тобою альтернативу: народ или партия?

– Я всегда за народ. Но выборы же в руках партийно-советских органов. Они подберут кандидатуру, и народ изберет тех, кого ему навяжут. Они никогда не пропустят мою кандидатуру. Во-вторых, если даже меня изберут, из меня не получится политика или государственного деятеля. Лучше оставьте эту затею.

Салигов не хотел дальше разговаривать со мною. Сказал, что приедет делегация из Советского района получить мое согласие баллотироваться. На третий день приехали работники Советского РайОНО. Приехали хитро, захватив с собою Мусу Ахмадова. Знали, что я не откажу ему.

Как я и предвидел, обком КПСС и КГБ отдали руководству восьми районов и окружной избирательной комиссии указание не пропустить мою кандидатуру. В Советском районе все прошло благополучно, но руководство

Веденского района закрыло на замок Дом культуры села Агишты, чтобы не допустить выдвижение моей кандидатуры. На глазах руководства района жители с. Агишты сорвали замок Дома культуры, провели собрание, заставили председателей райисполкома и сельского Совета заверить протокол собрания подписями и печатями.

Гудермесский окружной комитет отказался зарегистрировать мою кандидатуру. Более ста агиштинцев приехали в Гудермес, заняли здание горкома, где размещался окружной комитет, с требованием моей регистрации. Комиссия отказалась. Под давлением агиштинцев секретарь Гудермесского горкома КПСС Хадзарагов А.В. поехал в Грозный, привез секретаря обкома КПСС Бекова С.М. Но и ему не удалось уговорить агиштинцев, он вынужден был уступить им и дать указание зарегистрировать мою кандидатуру.

Нас было пять кандидатов в депутаты. Делегаты от восьми районов на собрание в Гудермесе должны были тайным голосованием избрать одного кандидата или альтернативных двух кандидатов. Порядок был такой: если один кандидат из пяти получит больше 50% голосов от выборщиков, он становится единственным кандидатом в депутаты. Если ни один из пяти не получит более 50 % голосов, то из пятерых – два, которые получили больше голосов, баллотировались в депутаты. Районные руководители подготовили делегатов против меня. Никого из посторонних в зал не пускали. Каким-то путем Мусе Ахмадову удалось проникнуть в зал и его пламенная речь оказала огромное влияние на делегатов. При тайном голосовании я получил 55% голосов. Но моя победа меня нисколько не радовала. Меня всегда удивляли люди, которые стремились занимать какие-то должности, посты, одним словом, быть руководителями. Сколько раз мне предлагали в районе должности заведующего РайОНО, зав. отделом культуры, редактора газеты, секретаря райкома КПСС, впоследствии председателя правления СП. Иногда и навязывали. Я отказывался. Мне претила зависимость, заискивание, раболепство многих людей перед вышестоящими. Все это противопоказано моему характеру, морально-нравственным принципам. Я хотел быть свободным, независимым, свободно заниматься творчеством. Это депутатство мне не нужно было еще и потому, что я начал работать над третьей книгой трилогии.

Надеясь на то, что, если со мною будет альтернативная кандидатура, меня не изберут на выборах, я обратился к делегатам с просьбой оставить со мной одного из четверых, который получил больше голосов. Мою просьбу удовлетворили. Однако на выборах избиратели отдали за меня 75% голосов. Таким образом, против своей воли, я стал народным депутатом СССР. Тем не менее за три года моего депутатства я сделал очень много добрых дел, особенно для простых людей.

С избранием меня народным депутатом СССР произошли положительные перемены в издании моих книг и публикации статей.

Добрейший и великодушный Хажбекир Дзейтов не замедлил использовать эти перемены. В 1989 году он издал «Молнию в горах», а в 1990 году переиздал «Долгие ночи» массовым тиражом – 30000 экз. В 1991 году – «Хронологию истории Чечено-Ингушетии» и, наконец, в 1992 году переиздал «Молнию в горах».

В августе 1991 года Указом Президента СССР меня, И. Базоркина и А. Сулейманова наградили орденом «Дружбы народов». Орден я не получил в связи с путчем ГКЧП и распадом СССР.

В 1992 году я представил издательству книгу, в которую включил повести «Кхолламан цхьа де», «Маршонан кIентий» и историческую хронику «Калугера йийсар». Как сказано выше, «Кхолламан цхьа де», написанную в начале 60-х годов, книжное издательство отвергло по идейно-политическим мотивам. В 1992 году журнал «Орга» напечатал ее в незаконченном виде («Орга», № 3). «Маршонан кIентий» составляла главы из романа «Маршонан цIарах». «Калугера йийсар» то же самое – «Шемалан леламаш» в доработанном варианте.

В издательстве долго возились с ней, лежала она и после типографского набора, потом я потерял надежды на ее издание. Оказывается, ее издали накануне войны. Об этом я и не знал. В 1997 году сын Магомед нашел один экземпляр на базаре у книготорговца.

До 1987 года я не писал для газет после того, как запретили печатать мою публицистику. Когда вышел роман Е. Чебалина «Час двуликого», Ю. Айдаев и какой-то Мамаев (псевдоним) дали роману высокую оценку на страницах газеты «Грозненский рабочий». Тогда я написал статью «Кто же двуликий?» Герой, автор или рецензенты романа «Час двуликого»? «Грозненский рабочий» отказался напечатать ее. Тогда я послал ее в «Литературную газету», там тоже отказались. В марте 1983 года, в дни литературы и искусства Чечено-Ингушетии в Москве, я лично поговорил с главным редактором «ЛГ» по поводу этой статьи, но ничего не добился. «Грозненский рабочий» напечатал ее только после моего избрания народным депутатом СССР («ГР», 11.02.1990 г.).

После избрания меня депутатом работу над третьей книгой трилогии я забросил – был занят депутатскими обязанностями, в 1989 году много времени я уделял публицистике, выступлениям на радио и телевидении.

«...О люди! Мы создали вас мужчиной и женщиной и сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга. Ведь самый благородный из вас пред Аллахом – самый благочестивый...» (Коран, 49 сура, 13 аят). «И распределили Мы их по земле народами; среди них и праведные, среди них и худшие, чем это. И испытали Мы их добром и злом, – может быть, они обратятся!» (7, 167). «...А если бы пожелал Аллах, то Он сделал бы вас единым народом, чтобы испытать вас в том, что Он даровал вам. Старайтесь же опередить друг друга в добрых делах (5, 53). «...Он вводит в Свою милость, кого пожелает, а несправедливые – нет у них ни покровителя, ни защитника» (42, 6). «...Да погибнет народ, который не верует!» (23,46).

Всевышний наделил каждый народ отличающими его от других психологией, характером, языком, обычаями, традициями и т.д., которые вместе взятые цементируют его единство, привязывают к родной земле, укрепляют родственные связи, оберегают его от внешней опасности и т.д. Если данный народ пренебрегает всеми этими дарами Аллаха, перенимает в худшем виде чужеродные язык, характер, обычаи и традиции, то этот народ сворачивает с истинного пути, Аллах подвергает его суровому испытанию.

Митинги и общественно-политические партии противоречат психологии, характеру, традициям и обычаям чеченского народа. Общеполитические, тейповые, родовые и общинные вопросы всегда решались коллективно избранными народом мудрыми, честными, благочестивыми, мужественными старейшинами, и не на собраниях разношерстной невежественной толпы, а на Советах старейшин. Кроме того, ислам осуждает разделение единоверных мусульман на любые группы, партии и движения (6 сура, 160 аят).

В 1990 году, по проискам врагов чеченского народа, в республике разгорелись митинговые страсти, расплодилось десятки общественно-политических партий и движений под политическими и религиозными лозунгами, которые привели к началу раскола единства народа. Потом коварно разбили народ на регионы, тукхумы, тейпы и внесли раздоры между вирдами. Затем создали карикатурный Мехк-Кхел из безграмотных, невежественных стариков.

Я видел в этих событиях грядущую национальную трагедию, которую описал в романах «Долгие ночи», «Молния в горах» и в «Хронологии истории Чечено-Ингушетии». Казалось бы, наконец-то образуются те чеченцы, которые прочитали их.

В республику нахлынули чужеродные политические деятели, вернее – агенты, провокаторы, авантюристы из Прибалтики, Украины, Поволжья, со всех республик Кавказа, которые публично подстрекали чеченцев против

России. Чеченцы – единственный народ в бывшем СССР – насильственным путем разогнал свой Верховный Совет и правительство, начал изгонять руководителей всех структур снизу доверху, проклинать, подвергать остракизму коммунистов и интеллигенцию, всех здравомыслящих соплеменников. Обезумевшие старики на митингах, махая посохами, со священными словами «Аллаху акбар!» призывали народ к священной войне против России и русских. Начали грабить государственное и общественное имущество, поезда, убивать и похищать людей и т.д.

Ведь ни один здравомыслящий человек, имеющий хотя бы среднее образование, если он не враг своего народа, не мог призывать к войне с Россией. Со времен Ивана Грозного Российское государство было завоевателем, захватчиком, поработителем других народов. В достижении своих захватнических, амбициозных целей оно было неразборчивым в средствах. Жестокое, вероломное, злопамятное, мстительное. Не зря Маркс, Энгельс и Ленин называли Российское государство «жандармом Европы», «хребтом», «оплотом», «резервной армией европейской реакции», «тюрьмою народов», самим «варварским государством в мире» и т.д.

В XVIII-XIX вв. и при советской власти чеченский народ систематически испытывал на себе неслыханную жестокость, вероломство, вандализм и варварство Российского государства. Свои исторические романы и «Хронологию истории Чечено-Ингушетии» я написал не только, чтобы восстановить историческую правду о чеченском народе, не только, чтобы защитить его национальную честь и достоинство, но и чтобы предупредить и предостеречь его от новых национальных трагедий. Чтобы он не повторял свои прошлые ошибки, не совершал необдуманные поступки, остерегался Российского государства, этого двуглавого хищника.

Чеченский народ столетиями обманывали чужеродные пришлые феодалы, имамы, разного рода приезжие и проезжие авантюристы, агенты иностранных держав. Я хотел, чтобы чеченский народ извлек урок из своего исторического прошлого, чтобы он никогда не стал жертвой чужих интересов.

Я прекрасно знал, что и на сей раз никто не услышит мой голос. Тем не менее совесть не позволяла мне молчать. Забросив работу над третьей книгой трилогии, я начал заниматься публицистикой. Из моих около ста очерков, публицистических статей, выступлений почти половина приходится на 1989-1995 гг.

Я противник всякой войны и насилия в любой их окраске, под любым лозунгом, ибо, прикрываясь ими, государства, правители, политические партии, мафиозные группировки разжигают вражду между народами, развязывают войны, в которых погибают и калечат сотни миллионов простых людей, приносят народам неисчислимые бедствия.

Я не хотел, чтобы вечно доверчивый чеченский народ в очередной раз стал жертвой интересов российских политиков, мафиозных группировок, спецслужб иностранных государств.

Поэтому в своих статьях я призывал народ к разуму, единству, покорности Аллаху, следовать заветам и наставлениям пророка Мухаммеда (1.в.в.), не поддаваться обману, лицемерным призывам провокаторов, авантюристов, экстремистов и прочих, которые толкают чеченский народ в пропасть.

В этом отношении я следовал учению великого шейха Кунта-Хаджи (Дела реза хуьлда цунна), как противник всякой войны и насилия.

С такими призывами я обращался не только к народу, но неоднократно говорил в личных беседах с Джохаром Дудаевым в сентябре 1991 года, в ноябре 1993 года, 4 октября 1994 года в присутствии всех его вице-премьеров и приближенных. 30 сентября 1994 года я, Шайхи Арсанукаев, Якуб Вагапов, Магомед Музаев, Саид-Магомед Хасиев обратились к Д. Дудаеву с письмом,

в котором предупреждали его о надвигающейся национальной трагедии, предлагали ему ряд мер по предотвращению ее и установлению мира и спокойствия в республике.

В январе 1995 года, когда шли бои в Грозном, Д. Дудаев послал ко мне своего доверенного человека посоветоваться со мною по ряду вопросов, как ему поступить в данной ситуации. Я предложил ему, пока военный перевес на стороне бойцов Сопротивления, немедленно заключить почетный мир с Россией, в котором Россия обязуется восстановить разрушенный город, нанесенный чеченскому народу материальный и моральный ущерб, привлечь к уголовной ответственности и наказать виновников войны и т.п.

В августе 1996 года, накануне хасавюртовской встречи с А.Лебедем, ко мне приехал А. Масхадов посоветоваться по поводу предстоящей встречи. Я говорил ему, что народу не нужна эта война, что он в крайне бедственном положении, и, если война затянется еще на один год, народ погибнет. Я уговорил его на приемлемых условиях подписать мирный договор с Россией.

В Иордании на арабском языке изданы мои книги: «По горным дорогам» (1985 г.), «Именем свободы» (1988) и «Долгие ночи» (1998 г.). Первые две книги перевел и издал генерал Хамид Юнус, а «Долгие ночи» – Набийл ибн Жабраил.

В конце октября 1990 года я посетил Иорданию. Со мной был Хасан Туркаев и Магомед-Саид Плиев. Переводчик и издатель на арабском языке «По горным дорогам» и «Завещания брата» генерал Хамид Юнус раньше был у меня в гостях. Теперь я побывал у него. Был я в гостях у Набийл ибн Жабраила. Тогда он работал над переводом «Долгих ночей».

Иорданские чеченцы устроили нам торжественный прием. На этом приеме два чеченца (один ученый, другой – генерал, дядя и племянник) упрекнули меня из-за исторической хроники «Одиссея Шамиля». Оказалось, что они оба по происхождению аварцы. Мне пришлось резко осадить их.

В Аммане меня как народного депутата СССР принял председатель парламента, с которым у нас состоялась беседа в течение часа.

Спустя 22 года после перевода на русский язык наконец в 1996 году в Москве издали «Долгие ночи». Издал роман главный редактор журнала «Нефтяник» Хожа Гериханов.

В июне 1996 года братья Хожа и Ихван Герихановы организовали в Москве презентацию романа «Долгие ночи», в которой участвовали ученые и писатели нашей республики и других республик Северного Кавказа. Спустя больше года в газете «Исламский порядок» появилась статья, в которой обливали грязью меня и нескольких участников презентации – докторов философских наук, профессоров Салмана Вацанаева и Андарбека Яндарова, доктора философских наук, профессора Светлану Алиеву (Кабардино-Балкария), президента Народной Академии ЧРИ Руслана Ахтаханова, даже Махмуда Эсамбаева, который вовсе не знал об этой презентации. (М. Тарамов. «Опять засветился!». «Исламский порядок», август 1997 г., № 19).

О предстоящей презентации я узнал за пять дней. Меня пригласили на это мероприятие в Москву, но я не поехал. Я не хотел посетить столицу государства, которое погубило более 100 тысяч женщин, детей и стариков, превратило в руины города и села моей страны, обрекло на голод и нищету мой народ.

В ноябре 1993 года ученый совет Государственного университета ЧР избрал меня Почетным профессором, в 1996 году Народная Академия и в 1997 году Академия наук ЧРИ – академиком.

В последние годы я написал мемуары «Дороги моей жизни» на более 600 машинописных страницах, в которых подробно рассказываю о моей жизни и творчестве, о семье, о друзьях, товарищах.

Друзей среди писателей у меня было мало. Арби Мамакаев, Магомед Мамакаев, Магомед Сулаев и Ахмед Сулейманов. Особенно близкими мне по духу были А. Мамакаев и М. Мамакаев. Впервые с Арби я встретился в апреле 1957 года в Алма-Ате. После возвращения на родину он работал литконсультантом в СП, тогда и началась наша дружба. Когда я приезжал в Грозный, он не разрешал мне ночевать в гостинице, приводил к себе, хотя они с женою Маей жили в тесной комнатухе на улице Р. Люксембург. Дружба наша продлилась ровно год. В августе 1958 года, когда в Грозном происходили античеченские выступления, Арби находился у меня в гостях. Ранее он перенес два инфаркта. Известие о событиях в Грозном у него вызвали третий и последний приступ инфаркта. Он умер на глазах своего двоюродного брата Альви Мамакаева (он работал тогда секретарем Ножай-Юртовского РК КПСС), его жены, заместителя министра здравоохранения республики Цутиева и главврача районной больницы.

Магомед Мамакаев был старше меня на двадцать лет. Тем не менее он относился ко мне как к ровеснику и с глубоким уважением. Он был талантливый поэт и писатель, мужественный, благородный человек.

Из молодых писателей верными мне друзьями остались Муса Ахмадов и Муса Бексултанов. В трудные для меня дни они всегда находились рядом со мною, морально поддерживали меня. Мухажар любила их как своих сыновей.

Среди национальных писателей у меня был один единственный друг – Нафи Григорьевич Джусойты из Южной Осетии. Мудрый, мужественный, всесторонне образованный человек, настоящий горец. До 1989 года мы встречались редко, но переписывались часто. Будучи народными депутатами СССР, в 1989-1991 гг. мы встречались часто.

В 1999 году я завершил работу над третьей книгой трилогии. Я назвал ее «Дарц» («Гроза»). Книга посвящена событиям в Чечне и Ингушетии в 1901-1913 гг. Главный герой романа – известный абрек, национальный герой чеченского народа Зелимхан Харачоевский. Фонд памяти Зелимхана Харачоевского взялся за его издание.

Из того, что написано мною ранее, неизданными остались только путевые записки «Под чужим небом», более 100 машинописных страниц.

Ныне я работаю над своеобразным, так сказать, нравственно-философским трактатом «Вайн амалш» («Наши нравы»). Уже написано около трехсот машинописных страниц, из которых 90 страниц напечатала газета «Даймохк» (май-август 1994 г).

В этом очерке я кратко рассказал о дорогах моей жизни. Эти дороги с самого начала до сегодняшнего дня были тернистыми. Я пережил много горя, претерпел бедность. Но мне повезло с семьей. О Мухажар я рассказал выше. Наши дети Яхийта, Совдан, Машар и Магомед воспитаны в самых лучших обычаях и традициях нашего народа. Они скромные, добрые, милосердные, безгранично любят и уважают родителей. Все они получили высшее педагогическое образование. Яхийта и Машар – филологи. Совдан и Магомед – историки. Все дочери работают учителями. Машар хорошо пишет прозу, талантливый художник, надеюсь, из нее получится хороший литературовед и критик.

В свои последние годы жизни Мухажар предчувствовала приближение смерти. Умная, глубоко верующая, она не боялась смерти.

В последний год своей жизни с большим тактом, понемногу, обрывками она передавала мне завещание. Больше всего она думала о моей судьбе, как я буду жить без нее, кто позаботится обо мне. Не раз говорила мне, чтобы после ее смерти, спустя ровно год я женился на скромной, умной, доброй местной женщине, которая поймет мою душу, характер, будет уважать меня и дело, которому я посвятил свою жизнь, станет мне опорой на старости лет.

Спустя год после смерти Мухажар все четверо детей собрались у меня, рассказали, что мать взяла с них слово, что спустя ровно год после ее смерти они пожениат

меня. Оказалось, Мухажар говорила детям то же, что и мне. Я отказался. Потом они часто повторяли это, ссылаясь на то, что обязаны исполнить завещание матери. Просили, чтобы я сам выбрал себе жену либо разрешил им поискать подходящую женщину. Я строго запретил им говорить на эту тему.

Спустя некоторое время, боясь заговорить со мною об этом, они написали письмо на двух машинописных страницах, в мое отсутствие положили на мой рабочий стол. Они писали, что их мать была одинокой, т.е. без родителей, братьев и сестер, со слабым здоровьем, но ты ни разу не обидел ее, любил, берег, относился к ней с глубоким уважением. Никогда не употреблял алкогольные напитки, ни разу, даже в шутку, не ухаживал ни за одной женщиной. Был ей верным мужем, а для детей – добрым, заботливым отцом. Мы заботимся о тебе, писали они, но все равно тебе нужна жена, ибо вечером мы уходим к своим семьям, а ты остаешься один. Наша мать никогда не вернется. Женись сам или разреши нам позаботиться об этом. Мы будем относиться к ней с глубоким уважением, лишь бы она была к тебе добра и заботилась о тебе и т.д.

Уже прошло шесть лет после смерти Мухажар. Яхийта и Совдан, которые жили в Мескетах, всегда были рядом со мною. Яхийта ежедневно поздно ночью уходила домой. Совдан жила у нас дома. Обеим не только приходилось заботиться обо мне, но и принимать многочисленных гостей, которые приезжали ко мне. Я видел, что им очень трудно, но не решался дать им согласие по ряду причин.

Мухажар была умной, доброй, милосердной, преданной женой, готовой отдать свою жизнь за мою честь и достоинство. Она безропотно, мужественно прошла со мною долгий, трудный путь длиной в сорок один год и шесть месяцев. Только женщина чистой души, мужественная женщина, любящая, преданная жена могла перед своей смертью сделать такое завещание своему мужу и детям. Поэтому совесть обязывала меня быть верным ее памяти. Мог бы я найти вторую такую, как Мухажар? А если судьба сведет меня с глупой, черствой или равнодушной к тому делу, которому я посвятил всю свою жизнь женщиной? Совесть не позволяла мне привести другую в дом, в котором жила всеми любимая мать. Я знал, что такое мачеха. Хотя дети и упрашивали меня жениться, им тяжело будет видеть чужую в доме, в котором жила их мать. Да еще, если мачеха будет черствой, бездушной, не полюбит их, она принесет разлад в семью, нарушит мир. Вот почему я упорно отказывался жениться.

На седьмой год после смерти Мухажар дети тайком от меня сами начали искать мне жену. Магомед и Машар, которые жили в Грозном, нашли Хадижат. Она работала в Министерстве сельского хозяйства. Магомед и Машар подружились с ней, близко узнали, изучили ее характер, семью, прошлое. Она была замужем, родители выдали ее за нелюбимого человека, на третий год развелась, с десятимесячным сыном вернулась к родителям. Тринадцать лет жила с родителями и с семьей старшей сестры. Ей было тридцать восемь лет. Жизнь не баловала ее.

О замужестве не думала, боялась повторить первую ошибку. Магомед и Машар полюбили ее и, наконец, предложили ей выйти замуж за своего отца. После долгих уговоров она согласилась.

Мать и сестры не возражали. Потом приехал Магомед, со слезами на глазах просил меня дать согласие. Я выговорил ему, что они без моего ведома и согласия устроили это дело. Отказаться я не мог, ибо этим поставил бы в крайне неудобное положение Магомеда, Машар, Хадижат и ее родственников.

Я поехал в Грозный, Машар устроила нашу встречу. С Хадижат мы встречались несколько раз. Она оказалась умной, образованной, скромной, миловидной молодой женщиной. Я рассказал ей о Мухажар, о детях, почему я не женился до сих пор и, если я решусь жениться, какая женщина мне нужна. Хотя и известный, но человек я бедный и т.д. Кроме того, я старше ее лет на тридцать, такая разница впоследствии может оказать нежелательное влияние на наши взаимные чувства. Хадижат сказала, что бедность, житейские невзгоды ее не пугают, а разница в возрасте не помеха взаимным чувствам, лишь бы

человек был добрым, милосердным и благородным, что для нее большая честь стать моей супругой, но ни одна женщина не может заменить Мухажар, сказала, что и раньше слышала о ней много хорошего. Заменить детям родную мать тоже никто не сможет, но она будет любить их, будет добра к ним, ибо у нее такой характер. Однако у нее сын. Ради него она жила и живет, без его согласия она не может выйти замуж. Но, не по годам умный, серьезный, сын Аюб дал ей свое согласие и благословил наш брак.

Министром сельского хозяйства, где работала Хадижат, был Алсултанов Лом-Али, которого Мухажар и я любили как своего сына. Решение данного вопроса я поручил ему, и Лом-Али решил все вопросы, связанные с нашим браком.

25 октября 1998 года Лом-Али и Магомед в сопровождении большой свиты моих друзей привезли Хадижат в мой дом. Яхийта и Совдан заранее подготовили все, чтобы принять Хадижат, в том числе и гостей. Труд Мухажар и мой по воспитанию детей не пропал бесплодно. Я думал что когда в дом приведут другую женщину, они растеряются, будут плакать, как в таких случаях обычно поступают дети. Яхийта и Совдан сами встретили ее, высадили из машины, обняли и ввели в дом. Это вовсе не значит, что их сердца не кипели от горя. Но они не выдали себя, вели мужественно и благородно.

Так я женился на Телиповой Хадижат Селимсолтановне, родом из Ведено, харачоевского тейпа, дочери Селимсолта, уважаемого в районе и далеко за его пределами участника Великой Отечественной войны, и Наисат из простой, благородной чеченской семьи.

Аллах и на сей раз оказал мне Свою милость. Хадижат – добрая, милосердная, скромная женщина, проявляет ко мне всестороннюю заботу, с глубоким уважением относится к моим творческим делам, морально поддерживает меня, старается оказать практическую помощь. И самое главное – с глубоким уважением чтит память Мухажар. Очень любит моих детей, внуков и внучек. И это чувство у них взаимное.

В октябре мне исполнится 70 лет.

Я прожил эти годы честно. Я был честен и перед своей семьей, и перед своим народом.

Многие ученые и писатели стыдятся своих трудов, написанных при советской власти. Мне нечего стыдиться. Все написанное мною, хорошее и плохое, я написал сознательно, добровольно. Я трудился не ради славы и материальных выгод, а ради моего народа, надеясь, что мои труды принесут ему хотя бы мизерную пользу.

Из-за моих жизненных позиций, принципов, неумения преклоняться и пресмыкаться я никогда не пользовался благосклонностью властей. В последние годы живу на скромную пенсию, которая ныне достигла 430 рублей. В эти трудные годы материально меня поддерживали мои родственники – Лом-Али Алсултанов и Умар-Хаджи Янсуков. Если бы не их поддержка, я давно впал бы в крайнюю нищету.

Но я остался верен своим принципам. Лучше жить и умереть нищим, чем жить богатым, но бесчестным. Я не забыл ни одного из моих благодетелей, которые оказали мне моральную и материальную поддержку в трудные дни моей жизни. Их имена написаны в моих мемуарах «Дороги моей жизни».

Июль 1999 года.

Алвади Шайхиев**Баллада о крепости**

Однажды молодой джигит
Собрался в чужедальний край;
Коня седлая во дворе,
Он стал прощаться с отчим домом.
Но вдруг спросил его отец:
– Ответь-ка честно, не скрывай,
А есть ли крепость у тебя
В краю чужом и незнакомом?

– Отец, не смейся. Знаешь сам,
Что, кроме этого клочка
Землицы,
Нету уголка,
Где мы могли бы притулиться.
Зато тверда моя рука,
Зато не гнется сталь клинка,
Зато надежный мой скакун
Летит стремительнее птицы.

– Сынок, послушай-ка меня, –
Отец ему сказал. –
Ты не спеши седлать коня
И отстегни кинжал!

Сын отпустил тогда на луг
Нетерпеливого коня,
Не стал он возражать отцу,
Хотя душа рвалась от боли.
В глубокое раздумье впал,
Судьбу несчастную кляня,
Но сделать ничего не мог,
Оставшись дома поневоле.

Пошел он к матери своей,
Чтоб горем поделиться с ней:
– Поверь, не отпускать меня
У дады вовсе нет причины.
Меня насадкой посчитав,
Он десять тысяч раз не прав,
Ведь дома печку сторожить –
Совсем не дело для мужчины.

На сверстников моих взгляни –
Их удаль знают все кругом.
В горах нет места, где б они
На скакунах не гарцевали.
А разве им я не чета?
Ведь я не хуже их ни в чем.
Я тоже молод и силен –
За что ж мне мыкаться в печали?

Ни слова не сказала мать,
Лишь грустно голову склоня,
Тихонько вышла за порог,
Больна сыновнею тоскою...
Шли дни неспешной чередой,
Покуда птичья щебетня
Не возвестила о весне –
Кончине зимнего покоя.

И снова молодой джигит
Собрался в чужедальний край;
Коня седлая во дворе,
Он стал прощаться с отчим домом.
И вновь спросил его отец:
– Ответь-ка честно, не скрывай,
А есть ли крепость у тебя
В краю чужом и незнакомом?

– Отец, не смейся. Знаешь сам,
Что, кроме этого клочка
Землицы,
Нету уголка,
Где мы могли бы притулиться.
Зато тверда моя рука,
Зато не гнется сталь клинка,
Зато надежный мой скакун
Летит стремительнее птицы.

– Сынок, послушай-ка меня, –
Отец ему сказал. –
Ты не спеши седлать коня
И отстегни кинжал!

Грозно гриву разметал
Скакун, уздечкою звеня...
И вновь послушался отца
Джигит, кляня сыновью долю.
А что поделать может он?
Лишь только верного коня,
Как прежде, вывести на луг
И отпустить его на волю.

Джигиту в четырех стенах
Остаться – словно в сердце нож.
А матери совсем невмочь
Глядеть на этикие муки.
– Сынок, родимый, что с тобой?
Сам на себя ты не похож.
Ведь так нельзя, в конце концов,
Себя ты взять обязан в руки.

Имей терпение.
Смотри,
Не поддавайся суете,
И старших не спеши судить,
И обуздай свою досаду.
Будь терпеливым,
Но притом
Не забывай и о мечте.
Твой час придет наверняка –
И торопить его не надо.

Вот снова явится весна –
Ты вдаль отправишь скакуна.
Ну а покамест так живи,
Чтоб время зря не пропадало.
И на пхохане¹ покажись,
И сверстников своих держись,
И на красавиц погляди –
У нас в ауле их немало.

Скоро скачки предстоят –
Ты разве этому не рад?
Ведь у тебя прекрасный конь,
Он не уступит в жарком споре.
Пускай увидит край родной
Отвагу, твой задор былой!
Мужчиной будь, не позволяй,
Чтобы тебя сломило горе!

– Да, понимаю я теперь,
Что был не прав, судьбу кляня.
Действительно, мой конь – огонь,
И он не подведет, я знаю.
И больше жалоб на судьбу
Ты не услышишь от меня.
С надеждою гляжу я вдаль,
Обид былых не вспоминая.

... Пришла весна – и склоны гор
Одела в радужный узор.
Земля стяхнула пути сна
И оживает понемногу.
И снова верного коня
Джигит седлает у плетня,
И взгляд стремится за горизонт,
Собравшись в дальнюю дорогу.

Он говорит отцу:
– Поверь,
Пути назад мне нет теперь.
Отец, не принуждай меня,
Чтоб дома я остался снова.

Ведь в гости друг меня позвал,
И я приехать обещал.
И вот сейчас пришла пора
Сдержать свое мужское слово.

Ты помнишь друга моего?
На скачки приезжал он к нам.
Все семь кругов мы вровень шли
И скачки выиграли вместе.
А после на веселый той
Его и пригласил ты сам.
И в нашем доме за столом
Сидел он на почетном месте...

– Ну что ж, – сказал в ответ отец, –
Я убедился, наконец,
Есть друг надежный у тебя –
И можно ли желать другого?
Достойным дружбы этой будь,
Немедля отправляйся в путь.
Конечно же, пришла пора
Проведать друга дорогого.
Хочу я, чтобы ты отдал
Ему в подарок мой кинжал.
Я верю, друг твой никогда
Высокой не уронит чести.
И погостить у нас опять
Ты не забудь его позвать,
Чтоб крепла дружба с каждым днем,
Бывать почаще надо вместе.

А крепость – что?
В ней проку нет:
Не защитит она от бед,
Лишь друг способен стать навек
Надежной крепостью твоею.
Он никогда не подведет
И рядом будет в час невзгод,
И для тебя – его рука
Опоры каменной вернее.
Коль дружба истинная есть,
Быть верным ей – мужская честь.
А тот, кто дружбы не нашел,
Счастливым не бывал понине.
Ты счастлив, сын! Так в добрый путь!
Спеши ветрам подставить грудь.
И крепостью для друга будь
Везде – в горах и на равнине!

¹ То же, что годекан, место схода для бесед на площади аула.

Абу Исмаилов**ЭДАЛ**

Драма в стихах (в двух частях)

*Окончание. Начало в №№ 9-11.
Действие происходит в одном из горных селений
Чечни в середине XVII века*

Часть вторая**Картина четвертая**

*В доме Ады. Салихат стоит возле
двери, ведущей в соседнюю комнату.
Отбегает от двери и быстро садит-
ся на тахту. Входит Абидат. Сали-
хат бросается ей навстречу.*

САЛИХАТ: О чем они там говорили,
нана?

АБИДАТ (*обнимает дочь. Плачет*):
О том, что взрослой стала моя дочь,
Что вырос юноша в селе соседнем.

САЛИХАТ: Нана, нана,
ты должна помочь
Дочери своей, девочке бедной.
Гости те незваные ушли иль нет?
И каким был моего отца ответ?

АБИДАТ (*успокаивает*):
Не волнуйся, дочь моя, они ушли.
И ответа в этом доме не нашли.
Но они вернутся. Ты должна
Обо всем сейчас подумать и сполна
Дать ответ – согласна ты иль нет.
Ждет твоего решения отец.
У нас единственный ребенок ты,
И мы тебя в обиду не дадим!

САЛИХАТ: Нана, я еще совсем мала,
И об этом никогда не думала.

АБИДАТ: Ты для людей уже невеста.
И с этим спорить очень тяжело.
В жизни каждому дается место –
Надо выбирать себе его.
Покамест живы, оба мы хотим,

Чтоб обрела свое ты счастье.
Тот дом богат, и сын у них один,
Решайся, Салихат.

САЛИХАТ (*в отчаянии*):
Не нужно никаких богатств
Мне с нелюбимым человеком этим!

АБИДАТ: Подумай,
еще сутки впереди.

Собирается уходить.

САЛИХАТ: Пстой, нана, не уходи!
Не могу я более скрывать.
Другой, другой живет в моей груди
И заставляет сердце трепетать!

АБИДАТ (*удивленно*):
И кто же он?
Ну, говори скорее!
Кто слух твой захватил
Чудесной песней?

САЛИХАТ (*опустив глаза*):
Его имя Эдал.
Ты, наверно, слышала о нем.

АБИДАТ (*садится*):
О Боже! Как не знать
Известного округе всей
Несчастливого Эдала!
О нем все говорят,
Как о юродивом.
Ты плохо поступила –
Берегись беды.

САЛИХАТ: Неправду
люди говорят о нем!
И он мужчина больше, чем они.

АБИДАТ: Я верю. Все же,
Если вдруг отец узнает,
Он нам с тобою это не простит.
Мне, конечно, было бы спокойней...
Буду рада, если он позволит.

САЛИХАТ: Скажи ему
ты обо всем, что знаешь,
И память молодости разбуди.
Он сюда идет, я убегаю...

*Салихат забегает в соседнюю
комнату.*

АБИДАТ: Не знаю...
Посмотри, какое горе
Ты взвалила, дочь, на мои плечи!

Входит Ада. Садится на тахту.

АДА: Ну что, поговорили?

АБИДАТ: Да. Но она не согласна.

АДА: Что? Я разве жду ее согласия?
Ты только лишь предупредить ее
должна была, чтоб завтра
Я ни в чем себя не упрекал.

АБИДАТ: У нее в душе другое имя.

АДА: Кто он?

АБИДАТ: Да мало ли
в селе у нас парней!

АДА: Ты прекрасно знаешь
все о нем!
Говори сейчас же обо всем.

АБИДАТ: Кажется, зовут его Эдал...

Ада (*вскакивает*): Кто?
Прекратить сейчас же разговоры!
Вот это да! О ком ведутся споры?
Кого нашли? Эдала дурного!
Который ходит и под смех людей
Волочит ноги. Только лишь его
Зятем в моем доме не хватало!

АБИДАТ: Они ведь дети –
тешатся любовью.

Как можем мы разбить ее мечты.
Дом Оздамира тоже ведь достойный.
Я с ней согласна. Согласись и ты.

АДА: Ты ведь знаешь –
засмеют нас люди.
Это невозможно – пусть забудет!
Эдал может обрести любовь,
Если кровью отомстит за кровь.
Пусть он будет как гора велик,
И небес касаться головою –
Цену каждого определит
В этом мире лишь людское слово.

*Ада уходит. Вбегает Салихат и
бросается к матери.*

САЛИХАТ: Слышала
я весь ваш разговор.
И о нем узнает скоро Эдал.
Но какой тяжелый приговор
Вынесен ему минутой этой!

Картина пятая

*Лесная поляна. Близится закат
солнца. Небосклон багровый.
Появляются Эдал и Нажа.*

ЭДАЛ: Что делать мне,
подскажи, Нажа?
Вырос я ведь на твоих глазах.

НАЖА: У каждого свои пути на свете,
У каждого мгновение свое.
Несчастные, как мы с тобою, дети
Живут, наверно, на земле еще.
Себя я буду до конца казнить –
Не смог я твои мысли заземлить.

ЭДАЛ: Нажа, не думай,
я ведь не ребенок
И не слепец – и замечаю все.
Ты другом был моим,
И добрым словом,
Надеждой, верой силы придавал
Моей больной душе.

НАЖА: Я им останусь,
пока буду жить.

ЭДАЛ: Людей любил я,
верил им всегда.

И думал – в каждом отыщу себя.
Сегодня я без имени, без дома.
И мне принадлежит
весь мир огромный.

НАЖА (*смотрит на диск
заходящего солнца*):

Грозит поспешность
часто быть бесплодной.
Смотри, как солнце все слабее светит.
Нам мало видеть его лишь сегодня.
Вся сила его – в завтрашнем рассвете.

ЭДАЛ: Я не солнце, даже не звезда.
Всего лишь навсего –
прогнанный пень!
Чем с целым миром спорить –
навсегда
Превращусь я в облачную тень
И дождем на землю возвращусь.

НАЖА: Открой глаза
и посмотри вокруг –
Делами мысли укрепляй, мой друг.

ЭДАЛ: На земле нет
больше моих дел.
Ты прости, только лишь любовь одна
У меня осталась – ей я верю.

НАЖА: Что хочешь делай,
но людей послушай –
Говорит народная молва.
Может быть, ты прав.
И, может, лучше,
Чем я, ты понял этой жизни суть.
Покажет время истину святую,
Раны сердца лишь оно врачует.

*Нажа уходит. Эдал наклоняется
к роднику и из пригоршни пьет воду.
Останавливается возле дерева.*

ЭДАЛ: Прекрасен ты, вечер, для тех,
Кто имеет очаг.
И в трудные дни
находит поддержку любви...
Почему, моя жизнь,
сложилась ты так ненормально?
Никто неужели

в землю мой труп не зароет?
Где ж Салихат?..

*Прислушивается. Обрадованно:
...Идет, идет!*

*Появляется Салихат
с кудалом и черпаком в руках.*

ЭДАЛ: Салихат, я три дня
Ожидаю тебя.
Что нового?
Мне расскажи
Тайны тревожной души.

САЛИХАТ: Мои мысли и сердце,
Как прежде, твои.
Подслушала я разговор стариков.
Отец мой сказал, что если ты
Выполнишь долг свой,
то он согласен.

ЭДАЛ: А ты что мне скажешь?
Согласна ли ты
Жить с человеком,
что с духами связан?

САЛИХАТ: Я буду согласна!

ЭДАЛ: Если мужчины избегнут меня,
Женщины будут
смотреть вслед с опаской,
Такой же, как я, считая тебя!

САЛИХАТ: Я буду согласна!

ЭДАЛ: Если я проклят
родимым отцом,
Если грядущее время не ясно,
Без роду и племени примешь меня?

САЛИХАТ: Я буду согласна!

ЭДАЛ: Если же острым мечом,
Словно скотину, Мяхту я погублю,
Согласна ли будешь любить горячо
Как прежде – и так же нежно?

САЛИХАТ: Я буду согласна!

ЭДАЛ (*Ошеломлен. Мечется
по сцене*):

ЭДАЛ: Как кот с мышонком,
поиграю я с тобой,
Жестокая смерть ждет тебя, Мяхта!

*Уклонившись от удара Мяхты,
резким выпадом Эдал рассекает
плечо противника.*

БУКАРШ: Не убивай его, Эдал!
Он не виновен! Он не убивал
твоего брата.

Мяхта роняет меч. Эдал наносит еще
один удар в плечо. Мяхта падает. Эдал
подходит к нему и внимательно
смотрит на поверженного противни-
ка, затем поворачивается, смотрит на
свой окровавленный меч и, бросив его
на пол, закатывается страшным
хохотом.

ЭДАЛ: Теперь, вот, возьмите...
Теперь я мужчина!..
Ха-ха-ха-ха...

Идет перед замершей толпой.

Уходите отсюда!..
Где Салихат?
Иди же сюда...
Посмотри на мужчину...
Отец мой!

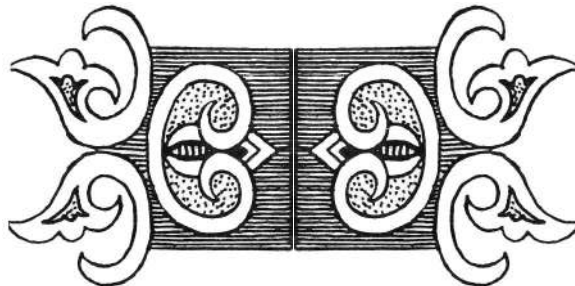
Возьми себе
Этот подарок...
Нет! Нет! Не надо...

*Закрывая руками лицо и кого-то
отгоняя, пятится.
Останавливается.*

Смотрите, лежит!..
Возьмите! Солите!
По вашей же воле
Его я кромсал.
Собирайтесь, шакалы!
Воронье, собирайся!
Для вас я устроил
Роскошный тут пир!
Ха-ха-ха-ха!

В ущелье далеко уходит эхо его
смеха. Эдал, шатаясь, направляется в
лес. Букарш молча подходит к нему и
надевает на голову Эдала свою
шутовскую старую, вывернутую наи-
знанку папаху и вручает «кобылицу».
На фоне красного диска солнца виден
силуэт уходящего Эдала. В центре
стоит Букарш с непокрытой головой.
Солнце садится.

Перевод с чеченского автора

Давдиев Амин**Ирча сурт х1инца а
б1аьргашна хьалха...**

Дийцар

*Вен кхел ян шиь валий г1аларчу беша,
Адам схьагуллуш ду сакъераделла.
Нийсонах кху арахь цхьа а ца веша -
Хуьлучух г1ушлакхехь малх а цецбаьлла.*

*Бехк хилар, цахилар хьеха а ца до,
Ковртаниг – къизаллих дог лабор ду.
Адамийн яххьаш т1ехь къинхетам ца го:
Уьш х1ора ц1ий гаре сатесна ву.*

Дерриге а дахарехь хуьлушдерг т1аьхье йоцуш а, лар ца юьсуш а, ша-шех хуьлуш дац – х1оранна ша локхург бен ца карадо. Ирс а х1оранан а шен-шен ду: цхьаболчеран – серлонехь, вукхеран – бодашлахь, кхечеран – яржинчу Юврийн уьшалшкахь, пхьидийн санна. Серлонехь ирс локхурш ялсамане йобг1начийн кегий тобанаш хила тарло. Бодашлахь там локхучара дуьненах эхарт духку – бетгаса кхеттачу буса уьш хьакхарчийн суьрта бовлу, вовшийн ца бовзийта а, эхь-ийманах ц1анбала а. Ткъа бакъдолчу ирсан з1аьнарш малхо дуьненчу кхарстоза дукха шераш ду: вуьрх1итталг1ачу шарахь октябран бода беьчаьхана...

... Хала дара царлахь да верг, нана ерг, йиша, ваша, зуда, нус вовшах къасто – церан лелар а, дахар а йилбазан хелхарх тера ду. Ткъа уьшалшкахь дуьненан марзо локху цхьана а х1уманна маь1не доцчу адамех терачу Индаг1аша, амма чохь са а долуш, синош сутара а долчу, дуьненна а, эхартана а юккъера башхалла ца йовззал хьекъална з1аьлар а болуш, дика-вонах а, вон-диканах къастон хьесап а доцчу, лачкьийначун а, хьарам лехначун бен чам а ца хууш, оздаллех а, ийманах а, ц1аналлех а бен кхардам а боцчу – къизаллин а, харцонан а кхерчахь бен наб ца кхеташ долу деса Индаг1аш ду уьш...

Юха а дерриге Иалам а кхолош, Иаьржа мох белира дуьненчу, ах б1е шо массаза долу болуш болу. Оцу мохо массо адам а вовшех эдира. Цара керла дин кхоьллира, моттарг1анах Дела а веш. Цара вовшийн даа а дууш, бакьо а, маршо а хестайора. Къизаллехь уггаре а лакхене кхаьчнарг, массарал а сийлахь лорура. Ца хаьара кху къоме доьссинарг х1ун дин ду а, х1ун г1иллакх, я х1ун Иадат ду а. Селхана малх санна адаманна серло луш ваьхнарг, тахана цу къоман мостаг1а лорура. Хьалха цханна гина а, буьйцуш хезна боцу нах кху махкахь динан а, рицкъанан а, хьолан а дай хилира. Цара боьха ву аьлларг нажжас вара, цара магийнарг малик а, бакъволу къонаха а, Делан б1аьхо а вара. Дайн г1иллакхаш: хьаша-да ларар, г1ийлачун терго яр, воккхачуьнга ладог1ар, жимачух къахетар, вовшашца маслапате а, къинхетаме а хилар, божарий а, зударий а эвхьазлонах ларбалар, луларчу къаьмнашца машар лехар (мел дукха дара уьш оздачу г1иллакхо кхийнарш а, лардинарш а) – уьш дерриге а, г1ан хилла, д1адайра. Хетарехь, уьш д1адайра кхин цкъа а цу къомана герга а ца дахка, х1унда аьлча цара дерриге а шайн къоман г1иллакхан а, доьналлин а, бусалба динан ц1аналла а, лакхенан а юьхкира мостаг1аша шайна мехаза дитинчу герзах – Калашниковн автоматах. Герз карахь долчо воккханиг а чийхавора,

гПорасизверг вохка а вухкура, нийсо кхайкхийначун корта а боккхура. Дин муха лело деза а герз лелочара дуьйцура, пачхьалкх муха кхолла еза а, рицкъа муха декъа деза цара дуьйцура...

Хьекъале хила вай, квинхетаме хила вай, адамаллин суьрта дерза вай аьллачунна цара «Кайн кьиг» олий, хье тIе мухIар тухура. ТIаккха вовшашлахь кьийса а къуьйсус, шегий-шегий хьакхийта бохуш, арсаш а хьобкхуш, церан кортош дохура, урс хьокхуш куьг дегийначух бийла а буьйлуш, «хьажахьа, цкъа а устаганна урс ца хьабкхна-те цо» бохуш.

КIуьра юккъехь дIаобхура коьртан хьеш дассаделлачу нехан дахар. Цхьаннан а ницкъ кхочур бацара уьш цу юкьара сехьабаха. Мискачу нехан арзаш хезаш Iедал а дацара, Iедал мичахь ду хууш стаг а вацара. ЦIаро вагийча а, вийча а Iаьржачу кIуьро мисарболато санна юха а озавой шена тIевалавора милла а, кху кьомах хьо хилчахьана. Кху махкана массанхьа а тIе кIурз биллинера: аренаш а, лаьмнийн даккъаш а, диттийн баххьаш а Iаьржачу дIаьвшан томIанах дуьзнера. Йиттина, дIаобллина бедар а, кхийолу хIума а цхьа ши сахьт далале кIарула Iаьржа хуьлура. Кхузахь вехаш волчу массо стеган кийра боьллачу кIуьро церан дегнашна тIехь а кIурз лацабалийтира. Цундела денна адамнаш юккъехь хьабгIнаш дебаш лаьттара. ТIаккха массо а ярташкахь дIабуйлабелира тайпанийн гуламаш. Церан го буьзча, некьийн гарашка делира гIуллакх. ТIаьххьара шийтта стагах лаьтташ йолу Баьпкан-некье йисира. Уьш а цхьана малх кхеттачу дийнахь, Аьрзун гу тIехь гул а белла, Нохчийчоь ах шайн хила еза аьлла, дIасабевлира...

Сийсара са хиллалц конденсатан яь кхехкош наб яза волу Борза, ялгIучохь дакьийна жижиг кхорзуш воллу. Наггахь когаш тIехь Ia а ца лой, кIедачу дивана тIе охьалахло шена тIерачу мехкадаьттийн йобккаша бехийнчу бедаршца. Цуьнан набаро хьаьшначу лере арара схьа аз деара: «Борза. Во Борза!» Араваьллачу Борзин бIаьрг кхийтира да воцчу жIаьлин санна дуьйлина мочхал а долуш, Iаьржачу кхайкхийн охкаеллачу барголашна кIелхьара схьахьуйсучу къаьрзинчу Iаббазан, даиманна а санна, мецачу шина бIаьргах.

– Ассалам Iалейкум! – делира Iаббазан багара, юха а цхьаь ала воллучуха гIаьттинчохь йисира цуьнан дуса кегдинчу ахаргах тера яьржина бат.

– ВаIалейкум салом! – мелла цец а волуш, салам схьа а эцна: – Са а тасале хьо лаа вуй? – хьаьттира набаро гIелвинчу Борзас.

– Лаа ву, кхин ца хиллал лаа ву. Хьо Талор-гIала вогIий?

– Лаа воьдий вайша? Керла хIума-м ца хила цигахь?

– Тахана Iуьйранна диь долуш хабар кхайчна, Талор-гIаларчу нийсонан майданахь шина зудчунний, шина стаганий тоьпаш тухуш ю аьлла. Хьо вагIахь, валал чехка. Пхи минот тоьар юй хьуна тIе хIума юха? Хьастах а хьо лелла а ца ваьлла, царна тоьпаш тоьхна евлчий а бен дIа ца кхечира вайша.

– ХIинцца кхерзина даьлла цхьа ялгIу жижиг ма дара пеша тIехь... селхана делкъал тIехьа бен кхачанах кхетна а ма вац со.

– Ас а ца тоьхна-кх вайша малх бузуш дIасакъаьстинчул тIаьхьа юучу хIуманах бат. ХIинцца хIума кхоллуш хьелахь, юха а тешнабехк хир бу-кх вайшинна. Цул а, ваьшшинна тоьларг а дей, новкъа вала вайшиь. Цигара ваьлча, митинге а вахана, цхьацца жижиган кад бассор бу-кх, – дехаре дийкира Iаббазан гIоргIа аз.

– Дика ду. Ахьа хьайн машен хьалалатае, ас сихха хIума тIе а юьйхина, цIенна догIа туху...

Исс а далале Талор-Галарчу тоьпаш тухучу нийсонан майдана дАкхечира ломара веана ши кьонаха. ХЮкху тайпанарчу меттигах дуьненан бахам а дАлун берш шийлачу Юьйренах чЮгГа самукьадаьлла хьуйсура дуьнене. Цара хастам бора кху махкарчу хьолана а, и хьелаш де-дийно алсамдохуш кьа хьобгуш болчарна а. Церан ши пЕлг биллал долу доца хьеш тешна дара кху мехкан бакьонах а, маршонах а, шайн кханенан зовкьечу ирсах а...

Хинца а майдана схьабалоза бара тоьпаш тоха кечбинарш. Оцу майданан йий а маЬиг масийтталгГа го бина дАлаьцнера кхузахь хила кечдинчуьнга хьовса баьхкинчу наха. Массо а, бетак мотт а хьобкхуш, ирвелла лаьттара. ХЮрш кхорург цхьаь дара – тоьпаш тохар кханенга я кхечу дийне таттар. Нахана юкьахь, халла когаш тЕхь лаьтташ, бЕе шарал хьалабевларш а бара. Цара шайн дагахь доАанаш дора, хАара сурт галлац мукьане а Деле шайн Южалла юхатохар доьхуш...

Декабрь бутт чекхбала масех де бен ца дисинера. Латта, даЬахк санна, шелано чАгГдинера. ГАлин геннарчу даккьашкахь наггахь лайн кАйдарг хааялар бен, цхьанхьа а сецна гуш ло дацара. Юьйранна нилха кхийса доьлла лайн чимаш, хАинца дорцан кЮьре доьрзуш лаьттара, хьобкхучу мохо лаьтгахь совца ца дуьгура уьш. ЦЕххьана мох дикка лах а луш, даккхийрачу чилланан хьесашка зерзира луьста ло. Тамашийна хАума дара Ааламо лелориг: йоцчачу хена чохь масех бос хийцира цо. Наггахь Ааьржачу мархийн дорца юкьара гучу а эkkхаш, маллах тера йолу цхьа серло дуьненчуьра кьайлаяла хьаьддера, хетарехь, тахана кху майданыхь хиндолчун теш хила а, цуьнга хьажа а сатесна яцара иза.

Малхбалехьарчу ГИшлон кевнах а ваьккхина, тЕхиттийна герзаш а долуш, гоьна юкьа бехира хАара адам тахана вовшахкхетарна бехкенаш. Гонахара адамиин моГарш, хьагделла хине хьаьдда жа санна, майданна юккье лестира. ГЮра алсам дерш, хьалхахь болу гИйланаш хьеша а хьобшуш, шайн лерг-бАьрг Ааборе герга Гертара тоьпаш тоха балочарна. Уьш тЮлган пен санна дАчАгГбелира хьалхарчу гоьнехь. Биснарш когийн буьхьигашна тЕе а хАуьттуш, кьамкьаргаш ях а йина, гаттонехь кепа кхийтира...

Собарх а, кьинхетамах а яссаелла яра ГАлин майда. Шаьш Далла белхих даьхкича санна шовкьехь а, цхьане а хАуманна мало йоцуш а чекхдаьккхира мулкалмовтан ГЮьнчаша шайн декхарш. Дуккахболчу моГарерачу хьовсархоша церан даржах а, церан корматаллих а хьаьгна, ганза я хазаза дисинарг лобхуш, дАа баха ца луш, юх-юха а гоьнаш туьйсура...

МаьркАажа хан буьйсане йоьрзуш, араьх бода а Ааржлуш лаьттара. Хинца а кхузара дАбахаза пхи-ялх жАуга яра латийначу цЕраршна гонах а хевшина, кхузахь буьйса яккха севцина. Цара дийцарехь, уьш генара баьхкинера. Кхана юха а балор болуш бу тоьпаш тоха нах бохуш, суьйранна даьржинчу хабаро дАбаха даго а ца битина, шаьш кхана тАаьхьа а ца дуьсуш кхуза ца кхачаьх а аьлла, тховса кху араьх буьйса яккха барт хиллера церан. Нахана тоьпаш тоьхначу тЮлган пенна гергахьа летайора цара цЕрарш, хАунда аьлча хьоркане кхочуш тахана диллина ло цАрула цЕн Юьллура кхарна гергахь, шена тЕра керлачу цИйн хьожа мохан тулГено цхьа башха, хЮрш бахош, кхеран мере а кхобхьуш...

1999 ш.

Ольга Ермолаева**Грибоедов**

Поэма

*Окончание. Начало в №11.***1825-1827**

«Предел орлиных гнезд, столбы, зубцы, пещеры,
Прохладный снежный грот, орешник да кизил,
Прилепленный к стене нездешний бархат серый
Легучей мыши... Гром – я камень покатыл...
Семейства облаков, их превращенья, игры,
Слоистый нежный флот... Как Чатыр-Даг дымит...
Вот к самому лицу – пар крупного калибра:
Я облаком увит и от земли сокрыт.
Вот верхнего шатра зубцы... Поляны. Ветер.
Блится море. Ал и зелен весь зенит.
Синеется вдали Судак. Подходит вечер.
Корабль в Алуште стал – как в воздухе парит.
О, не забыть: ночлег в возвышенной овчарне,
Седло под головой. Звезда из черных туч.
Другая пронеслась пред самыми очками.
Чей гений подхватил огонь с небесных круч?
Таврида, твой чабрец ногами растирали,
Весь воздух окурил настой душистых трав.
И не забыть еще: шестого кочевали,
Все утро проблуждав в туманах, в облаках.
«Чадирь»-шатер. Пешком, подошвой Чатыр-Дага...
Алушта ввечеру. Под сливой мой балкон.
Гор меловых лицо – как древняя бумага,
И виден Кара-Даг вдали за Судаком.
И занавесь дождя предметы все скрывает.
Улитки, сзади мрак, а впереди – светло.
Разодраны в бою, поспешно отступают
Армады... Как меня порывом не снесло!
Волынки пастухов. Корабль, груженный лесом.
Морские ванны, шум. Лесистый Аю-Даг.
Как беспредельна гладь! С однообразным плеском
Сравнила весь песок. За мною – ни следа.
Корабль от флота... Он за пресною водою.
Высокая тропа. Глухой Никитский сад.
Прелестный вид террас. Над Ялтой молодою
Смолистых игл сухой и крепкий аромат.
Тут кипарисник, тень, открытые веранды.
В Мордвиновском саду все горлинки кричат.
И Кушелев внизу, в окрестностях Урьянды,
Пленителен, и полн, и многотенен сад.
Здесь одушевлена таинственно природа,
И, вместе с этим, лень татарской бедноты.
Загадочна душа у русского народа:
Воюя, не собирать с побед своих плоды!
...Продолговатый мыс и Балаклавы мачты.

Как Севастополь бел! Ступени в нем легки.
 Мне мило, как норд-ост на батареях плачет,
 А там, у Инкермана, все светят маяки.
 Я был у маяка. Дельфины, кувыркаясь,
 Салтанку-рыбку в стаю столпили – и пошла!..
 Всю воду кровью вмиг залили, насыщаясь,
 И с ревом стая чаек объедки их брала...
 ...Степан, Степан! Уже три месяца в Тавриде.
 Все скучные места, полынь да солонец.
 Опять нашла тоска. Не знаю, что и выйдет
 Из Персии. С ума схождение? Свинец?..»

«... На вихрях нынче я; все висты, свисты, бредни.
 Под носом у Симона стреляю, дым – трубой.
 Все тут борьба свобод лесных и горных – с бедным
 Вульгарным просвещением под барабанный бой...»
 ...Декабрьская «гроза»... Он в Грозной. Не смутился:
 С фельдъегерем? В Россию? Он, право, очень рад.
 ...В Москву – испить чайку... Фельдъегерь отлучился
 Домой – он все же был порядком простоват.
 И дальше, в Петербург, с фельдъегерем Уклонским...
 Под следствие герой как раз и угодил.
 И вот – сто двадцать дней с надсмотрщиком Жуковским –
 Тот музыку любил, его играть водил.
 Да, да, водил играть. В кондитерской Лоредо
 Отдельный кабинет, где сносный инструмент...
 И Завалишин тут сидел, читал газеты –
 Товарищ поневоле... Под аккомпанемент...
 Герой не принимал участия в восстании.
 Он выпущен на волю с деньгами на проезд
 Туда, туда, где персы воинственнее стали! –
 А он-то алмазтовый в заклад отправил крест!
 «Декабрь. Тифлис. Чреда припадков, лихорадок,
 Я принял твой совет, Степан, и в тень ушел.
 Я слушал всякий вздор, я избегал нападок,
 И нахожу, что это – очень хорошо...»
 «Ах, буду ли когда я в жизни независим
 От службы, от семьи, от должности своей,
 Которую избрал себе я вопреки всем
 Наклонностям природы несдержанной моей...
 Поэзию люблю без памяти, со страстью,
 Но славе нету дел до истовой любви.
 Достоинство ж у нас зависимо от власти,
 Количества рабов, да древности крови.
 Повеса Пушкин Лев приехал, не имея
 Внимания ко мне, не думая привезть
 Мне братнин манускрипт; особою моею
 Как неприятель был он нынче принят здесь:
 Я принести велел свои все пистолеты
 И сверху вниз все двери из комнаты пробил,
 Пока он у меня макал в вино галеты...
 На юнкерство с пальбой я в полк его пустил».
 «Мне Пимен по душе в «Борисе Годунове»,
 А юноша Григорий, как автор, говорит...
 Ты от меня не жди стихов каких-то новых:
 Поход под Эривань все время истребит.
 Ты знаешь, что старик чудесный наш – в опале.

Паскевич нынче стал начальником моим.
 Все: горцы, персияне, почтовые дела ли –
 На мне... Когда мы эту кампанию свершим!
 Я все-таки рожден для поприщ чрезвычайных.
 В простые времена навряд ли я гожусь:
 Душа моя черства от глупостей печальных,
 Про нравственность свою и говорить боюсь.
 Разведай, для чего портной мой, славный Петерс,
 /Ему дала шесть сотен матушка моя/ –
 Мне платья не пошлет уж верно пятый месяц?
 Скажи-ка по-французски ему, что он свинья».
 «Сударыня, я здесь, где пыль летит ужасно,
 Где дует адский ветер – /вдали Аббас-Абад/
 На воздухе открытом, под тихим и прекрасным
 Глубоким небом Персии – писать Вам нынче рад...»

1827-1829

«Я Вам писал уже, и подтверждаю ныне:
 Угрюмец Муравьев здоров, как новый мост.
 В горячке – я. Поклон и Дашеньке, и Нине.
 Аббас-Абад отсюда примерно десять верст...»
 Поход на Эривань! Казак линейский шашкой
 Умеет, как чечен, рубить кусты огня.
 Умеет предсказать – как странно! – без промашки,
 Под всадником каким убьют в бою коня.
 Все дребезги моста, разбитые колеса.
 Прелестен лагерь. Ночь от блох покоя нет.
 Спал во дворе, под дождь. Полдневный жар несносен;
 Жестокий хлад в ночи да звезд враждебных свет.
 Он лошадь потерял. Снабженье провиантом
 Исправно, но с жарой прибавилось больнох.
 Угрюмые глаза гвардейцев, маркитантов:
 Лазутчик персиян снял головы с двоих.
 Эчмиадзин. Узнал, что жителей лорийских –
 «А в Эривани, слышь, жары под сорок пять!» –
 Повырезал кинжал тейранский иль тавризский...
 «Гляди, хлеба спелели, а некому убрать».
 Здесь в сентябре уже все вяло, желто, черно.
 Дурацкая война. Вошли в Нахичевань.
 Вокруг Аббас-Абада вели бои упорно,
 И, захватив его, пошли на Эривань.
 Еще в июле он провел переговоры
 О мире. Проволочка. Паскевич персиян
 Пугнул: «Возьму Тавриз!..» О, эти лисьи взоры!
 Решили взять Тавриз и взяли Эривань.
 И что же? Шах опять ведет себя престранно.
 Паскевич – на Тавриз! Отряд в Тавриз вступил.
 Шах дело тормозит. Паскевич – в путь к Тейрану!
 О, в шах-маты игра! Паскевич победил.
 Местечко Туркманчай. «Мы все в чаду победы...»
 Окончена война – кто этому не рад?
 Герой мой в Петербург без промедленья едет,
 Он мирный, Туркманчайский, туда везет трактат.
 Отмечен был его приезд пальбой из пушки.
 Поэзия! Тебе ли – сей аккомпанемент?..
 Тут – с Турцией война!.. Захлопнулась ловушка:

«По Высочайшей воле...» «Министр-резидент!»
Дождливый серый день. Июль. Размыты дали.
Ужасно надымили, но вот толпа сошла.
Последние друзья героя провожали
Из Петербурга – и – до Царского Села!
И в Царском ни один не проронил ни слова,
Вплоть до того, как сел в коляску тяжело,
Не недоступный, нет, подавленно-суровый, –
Любимое бургонское ему не помогло!
У матери – два дня, да столько ж у Степана.
К сестре. Дитя крестил. Назвали – Александр.
Все таяло, рвалось, пекло. В очках – туманно.
Что говорил? Куда летел, как на пожар?
«Прощай же, брат Степан! Навряд ли мы с тобою...»
«К чему ты?...» «Замолчи. Я знаю персиян.
Уходят там меня... Нет, не дадут покою...
Мне мира не простит мой враг, Аллаяр-хан».
Из Ставрополя он Булгарину напишет:
«Любезная «Пчела», я с мухами... Жара.
Анапу взяли. Рад. От Винтера пусть вышлют
К часам карманным три-четыре ли стекла.
Я запастись забыл, стекло расшиб в дороге,
И по светилам час исчислить принужден...»
А в Персии чума стояла на пороге,
И к ней солдат российский был взглядом пригвожден.
Владикавказ. Начальству высокому в столицу:
«Вы знаете, К.К., что взяли штурмом Карс...
Провести ратификацию Тейран все не решится...
Армянские семейства ведутся за Аракс.
А Персия теперь в войну войдет едва ли,
Так крайне, так жестоко она истощена.
Мы, устранив ее, не перевоспитали.
И вряд ли будет эта задача решена.
Секретно. На границе – чума. Иль величаться
Мне в Персии, иль в Турции мне сулемой дышать?
Чума по карантинам заставит задержаться
Гораздо дольше, чем могу предполагать.
Что делать мне теперь с редчайшим средоточьем
Умов? Какие деньги мне им ассигновать?
Здесь юный дипломат ориентальный тотчас,
Как сонная вода, берется зацветать.
Я просто восхищен, что вещи так ретиво
Вдруг в Астрахань пошли... неведомо куда...
Скорей же удостойте присылкой кредитива.
Ну с чем же я, о боже, появлюсь туда???
Да, все по меньшей мере престранные, ей-богу.
А как с посудой быть? Ей должно быть бы здесь...
В английском магазине купил ее в дорогу.
Нельзя же до Тейрана ничего не есть!
Мне, Ваше Превосход., придется непременно
Потом еще в Тифлис вернуться на семь дней.
Я платья не беру с собой – лишь перемену:
Попортят карантины окуркою своей.
Я исполнял свой долг бестрепетно и свято,
И буду исполнять, покудова дышу...
Чрез бешеные балки Кавказа – по канату,
И нынче вот в чумные области спешу.

Но, ради бога, струн сей пылкости врожденной,
 Природного усердия – Вам, покровитель мой,
 Не следует тянуть рукою непреклонной,
 Иначе эти струны лопнут под рукой.
 Дороговизна здесь! Всяк продавец – грабитель.
 Там рубль серебром, где раньше был абаз.
 Зачем же у меня, дражайший покровитель,
 Ускромилы вы жалованье? Вот не ждал от вас».

Он Амбургеру шлет /один из прежних, близких:
 Был секундант в истории с простреленной рукой,
 Стал генеральный консул, сидит в стенах тавризских/ –
 Он Амбургеру шлет поспешный текст такой:
 «Любезный друг! /июль, двадцать восьмого года/
 Часть в Астрахань ушла, другая часть вещей
 В Георгиевске!.. Этак не выберусь в полгода...
 Поздравьте, я жених. Но за женой своей
 Не ранее зимы вернусь. Она составит,
 Составить может, верно, все счастье мое,
 Когда любить меня хоть вполовину станет
 Так глубоко и нежно, как я люблю ее.
 Я с Ниной Чавчавадзе намерен объяснить,
 Старательней вдвойне начну теперь служить –
 /Ведь знаешь, никогда в Тейран я не просился!/
 Чтоб было чем потом моих детей кормить...»

...В разъездах был. В Тифлис писал: «Скажите Нине,
 Я платье разорвал в дороге. Не дождусь,
 Как год и год пройдет, душа оковы снимет...
 Я буду в Цинондалах отшельником, клянусь».
 «...Удастся ль преклонить к уплате контрибуций?..»
 «...Ищу – по Туркманчаю! – здесь пленных наших след!»
 И все перебирала слова его, как бусы,
 Жена его, беременна в шестнадцать нежных лет...

...Известка на губах, изрезанное платье.
 Во мгле живого сердца еще проходит дрожь...
 Как тот кривой кинжал со снежной рукоятью
 Напомнил мне трофейный афганский страшный нож!
 О тридцать семь убитых там, в миссии в Тейране!
 Их братская могила не слышит русских слез...
 ...И лишь через полгода, в тифлисский сумрак ранний
 Тот нищенский кортеж к жене его довез!
 И мертвого его держали в карантинах –
 По случаю чумы... Он не был знаменит.
 Был вечный сирота в российских палестинах.
 Был в Персии убит, а в Грузии зарыт.

Гарби Альтемиров

Адамалла

Дийцар

Щеца кыйса ницкъ ца тобуш, аькхе чекхьялла, шен бакьонашца толаме яьллачу гуьйрено маждинера Даймехкан жил-Галам. Хьаннаш а, лаьмнаш а лаьттара, можа бархат дуйьхича санна, шайн бос хийцина. Адамийн дегнаш токхе деш еьнера роГера гуьйре а. Бахархой, гуьйре хуьйцуш буьрса Ia догГург хилар хууш, сиха хыйзара Iaьнна кечамаш беш.

Гуьйренан роГера де суьйренга лестина, малх чубуза хьяьдда боьдура. Дийнахь сарралц шайн белхашкахь яа-мала яккхархьама къа а хьегна, гелделла адам а сиха дара шайн-шайн доьзале, хГусаме кхача, Царех вара шен машенахь Соьлжа-ГIала ваханчуьра шайн цIа, Хьалха-Мартан тIе, воГуш волю Мохьмад а.

Некъ беа хетахь а, машено сиха кхачаво хГокху заманахь стаг дIаса, амма цхьаверг бакь дуйьнене новкъа ваккхар а нисло кест-кеста хуьлуш лаьттачу некъан хьовзамаша, цхьаверг ца такхалун долчу декхаре а вуллу бехк болуш а, бехк боцуш а нислучу белхаша...

Иштта Галхан-Юьрга кхоччуш воллура Мохьмад, цIеххьана машен ларамаза карара а яьлла, дуйьхал йогГучу машенна тIе кхийтира иза. Машен чIогIа йохийра, чуьра стаг цалазор тамаша а болуш.

«Делахь, ма ца оьшург дар-кха хьо суна, лазий-те ас и, хГун дийр дара-техьа хIинца», – аьлла йиш йохна, юьхьяьржа хIобтIина, сихонца охьаиккхира Мохьмад.

– Хьайн новкъа схьаван ца Iемина хьуна? ХIара бен сан кхин аьтто а бацара, кху тIехь сайн балха лелара со, доьзал а, къена да-нана а кхабархьама, ваьккхи ахь со доллучух а, – бохуш, ша резацахилар хоуьйтура шофери.

Некъахой сихонца тIегулбелира кхарна. ХГун ду? Мила ду? – бохуш, бала кхочура церан. Уьш накьостий бара бакьонца бехке волчуйнга шен бехк тIелацийта.

– Делахь, сан ваша, со хьуна хьалха чIогIа юьхьяьржа а ма ву, сан лаамца нисделла хГума а дац хIара, хьуна хIара некъан хьовзам ца хилийта, сайна дукха зен хуьлуьйтура ма дара ас. Дукха вохий ма хьовзахьа, коьртаниг вай ца лазош, вер-ваккхар доцуш, кхунах доьлар хета суна, кхидерг вайга нислун долу хГума ду, – аьлла, эсала къамел долийра Мохьмада, хиллачу хьовзамехь шен бехк хилар а чIагIдеш.

– Хьо мичара ву хьо? Це муха ю хьан! – хьаьттира Ханпаша.

– Со Хьалха-МартантIера пешхойн юккьера Мохьмад ву.

– Делахь ца хаьа суна-м, нахана тIехIуьтгучаьрга хьяьжча, хIара-м даккхийчарах дац, делахь а со хьал-бахам совбаьлла лелаш стаг вац. ХIара машена сан балха дIаса лела ца хилча йиш йоцу некъан накьост яра, хIинца вели-кх со кхунах. Ца хаьа суна-м хьобга хГун эр ду а, – аьлла, йиш йохна, шен къамел хадийра Ханпаша.

Нах кхаран хуьлуьчу барте ладоьГуш лаьттара. Церан юкьягIортар оьшуш меттиг яцара кхузахь. ХIара шиь дика кхетам болуш, нохчийн къомехь хила догIу эхь-бехк долуш кIентий хиларна.

– Вай бусулба нах ду, оьзда нохчийн къоман кIентий а ду. Суна хаьа дан дезарг. Ханпаш, хьайна оцу йохийнчу дуйьхал кхин машен ас эцча муха хетара дара хьуна? Со-м хьаха вац, хьан дог а дохийна, сайн хГусаме кхача бакьо йолуш. Нагахь, хьан цхьа безам болуш, оьцур яр-кх аьлла тидаме эцна машен елахь схьаала. Яцахь – базарахь хьяьвсина, ахь боххург оьцур ю, цу тIехь хьайн хГусаме, дений-нанний хьалха вохуйтур ву-кх хьо, нагахь реза велахь, – вуьззинчу яхьйолчу кIентан къамелаца дог ийцира Мохьмада Ханпашин.

Цъхана ханна, вист а ца хилалуш, хуьлуш лаьттахух ца кхеташ санна, тийна лаьттира Ханпаша, гонаха даса а хьобжуш. Машенашкара охьабисина, гулбелла лаьтта нах а бара и тайпа озда къамел дечу клантах бляьрг буьзна, Ханпашин жоп хазаре сатуьйсунш. Тляьххье а, шен дагара къайленаш йовзийтира цо.

– Делахь, Мохьмад, хилларг хилла даьлла, ас муха оьцуьйтур ю хьобга сайна машена. Ца оьшу хIумма а. Далла хастам бу, кхин вер-ваккхар доцуш, хIара дирзина. Вало дIагIо. Тоха гIерташ ма ца тоьхна ахь. Кхин ма дийца. Цу тIехь барт хилийта вайшиннан!

– Цунах гIуллакх хир дац. Бовзийта суна а, кху гулбеллачарна а хьан деган лаам, – аьлла, Мохьмада ша ца витича, Ханпаша жоп делира:

– Суна эца лууш цъха машен ю тхан луларчу Иимранан. Цуьнан мах бIе эзар сом бу цо хIоттийна. И эца сайн аьтто цахиларна, цуьнга хьежа а хьежна, йитинера ас иза. Хьо реза велахь, цуьнга хьовсур ду вай, – аьлла шен лаам хазийтира Ханпашас.

Цу тIехь кхеран барт сецна, нахана шайгара адамалла гойтуш, Ханпаш вехачу Соьлжа-ГIала ваха новкъа велира хIара шиь, тIеххьа йохийначу Мохьмадан машенахь. Нах а шайн-шайн гIуллакхашка дIаса бахара, кхин Iедале а ца делира и гIуллакх.

Новкъа шаьш дIадоьлхуш Мохьмада шен дагара ца хоуьйтура Ханпашина, делахь а цъха ойла йора: «Оцу машенан бIе эзар сом мах хадийна а ма боху хIокхо, соьгахь, аьхка нехан цIенош дуттуш болх бина даьккхина, тахана схьаэцна долу хIара доьвзткъа итт эзар сом бен а ма дац, оцу мехах цо и схьаелча гIуллакх а хир ма дара суна, схьа ца лахь ахча эцна юха ван везар ву-кх со», – бохуш.

ДIакхечира хIорш Соьлжа-ГIала Иимран вехачу хIусаме. Кех чохьха бевлча, кхарна гира рагIу кIелахь лаьтта машен. Иимране мохь туьйхира Ханпашас. Араваьллачу Иимранна гира уьйтIахь машене бляьрг бетташ лаьтта ши стаг. Иимранах бляьрг кхетташехь:

– Ассаламу Iалайкум, Иимран! Хьеший оьций ахь? – аьлла вистхилира Ханпаш.

– Ва Iалайкум салам! Марша догIийла шу! Шу хIунда лаьтта арахь! Схьадуьйло, чугIур ду вай, – хьешашка маршалла хььттира Иимрана.

– Тхо чудаьхкина Iийр дац. ХIокху ахь юккучу машене хьовса даьхкинера тхо. ТIеххьачу мехах ахь елча эца а лаьара тхуна хIара, кхунна тIехь ойла сецна, цъха дагна а езаеллера суна хIара. Алахь, йохкар-эцар тIедаьлча стенах йохка аьтто хир бу хIара, – олуш, къамел дерзийра Ханпаша.

– Делахь, шу суна дуй тоьлуш а ца дохку, оцу бIе эзар соьмана тIера охьа ца волуш, масийтта а мах ца беш, дIавахар ма нисделла сан. ХIинца а кхин тайпа мах бан аьтто болуш а ма вац. Делахь а, шу суна тIедаьхкина хьеший ду, шун юьхь яр а сан декхар ду. Вайн дайн олуш ду-кх: «Оьцуш цаяьккхинарг, юккуш а ца яккхаелла». Цундела аш шайн лаам а бовзийта ма лаьара суна-м. Ас сайн аьтто берг шуьга дийцина, – олуш, хьешашка дош делира Иимрана.

Мохьмада ма-дарра дийцира шайна новкъахь хиллачу хьовзамах а, шаьш беанчу некъах а лаьцна. Иимрана, цецваьлла, леррина ладоьгIура цуьнан къамеле.

– Иимран, со Ханпашина хIара машен эца веьна хьобгара. Нисделларг сан бехк болуш, машен гальяларна хилла хIума ду. Кхуьнан машенан цъхайолу «меженаш» бен дийна йисна хIума яц. ХIара шена хьанал къахьобгуш, доьзал, да-нана кхобуш миска стаг ву, схьагарехь. Машенахь бен ас хIара денний-нанний хьалха вохуьйтур вац. Церан дог дохор, дуьне дохор санна хIума ду. Айхьа тляьххьара и машен юккур йолу мах мел бу алахьа соьга!

Иимран Ханпаше а, Мохьмаде а хьобжуш, цъха а дош ца олуш, вехха лаьттира. Цуьнан коьрте ойла хьийзара: «Ма чIогIа адамалла йолуш стаг ву хIара. Делан некъахь, хьанал, иштта бусулба стаг хилар ма доккха совгIат ду-кх. Хьаь-хьаьа дийр долуш хIума дац машен юха эцар. Мохьмадехь йолчу адмаллица йохье

ваьлла, ас адамаллин кхин а лакхара муьлха агIо гойтур яра-техья, – бохуш, луьстура цо шен коьртера ойланах...

– Мохьмад, хьо Ханпашина айхья йохийначу машенна дуьхьал соьгара и мелланах эца лууш ву? Айхья лун болу мах алал соьга.

– Имран, ас доьвзткьа итт эзар соьмах ахь йоьхкича и машин оьцур яра-кх хьоьгара.

– Схьалол хьайн куьг. Мах байтал вайшинга.

Мохьмада Имране куьйг дIакховдийра.

– БисмиллахИррохьманиррохьими! Вай бусулба нах ду. Делан дуьхья диканиш дарехь совдовла дезаш а ду. Хьо вуьззина бусулба нохчийн кIант ву. Хьо Делан некьахь, кьоман оьздангаллин некьахь хьанал стаг ву. Ахь гайти хьайн стогалла, оьздангалла, дайх йисна кьонахийн амалш а. Сан бакьо яц хьол эша. Вайн дегнаш догу йохьах... Ахь суна девзткье итт эзар сом ло оцу машинах. Цхьаь воьлуш, важа воьлхуш хила ца беза бусулбанаш. Дика а, вуон а вовшашца доькьуш хила деза. Ас Делан дуьхья, ахь сел хаза хIоттийначу гIиллакхана дакьа лоцу хьоьца. ДIалацал машенан догIанаш. Схьадагарде кхузткьа эзар сом ахча. Ткье итт эзар сом ас ахь бохучул а тIера дIадаьккхи хьуна. Реза вуй хьо оцу механа, Мохьмад?

Ханпаш цецваьлла, Имране, Мохьмаде хьежа велира. Мохьмад а виснера цкьа ша хIун эр ду ца хууш.

– Имран, оццул хьуна эшам беш мах бан ца веьна со. Ахь цхья итт эзар сом тIера даьккхича а суна доккха гIо-накьосталла хуьлу цунах. И тайпа хьан мах бохор бац ас, – олуш, Мохьмад вистхила воьлча, Имрана догIанаш цуьнан кера а луш, гIоза лелайойла хьан машин, Ханпаша. Мохьмад, хьан и Дала сагIа а йойла. ТIейогIучу заманахь зенах-зуламах а лардойла вай Дала. Дика ду-кх адамалла вайн кьомехь хилар. ХIинца вай чудахна, чай а мелла, шу шинна хьошалла дийр ду, – олуш, кьамел дерзийра Имрана.

Ханпашина бIаьргех хи делира и тайпа гIиллакх шен лулахочо хIоттийча. Амма ша хIун эр ду а, я хIун дан деза а ца хууш виснера иза.

– Имран, ас динарг даккхийчех дац. Со тахана хIара дан декхарийлахь вара. ХIокху Ханпашина хьалха со хатIа хиларна, сайн бехканна кхунна некьан хьовзам баларна. Со хьо вевзаш а, я хьуна со вевзаш а ца веьнера хьан хIусаме. Ахь динарг ду даккхийчех. Дела реза хуьлда хьуна! Ахья суна лаьцначу гIо-накьосталлина Дала Шен кьинхетамца бекхам бойла хьуна, – аьлла, Мохьмада Имранна баркалла аларца, цуьнан Iудика йира.

ДIасакьаьстира Ханпаший, Мохьмаддий а. Ханпаш шен керлачу машена а хиьна, Мохьмадана хьалха, гIеххьачул юьхьIаьржа а волуш, дагахь доцчу агIор кераеьначу «говрахь» шен дений-нанний тIекхача сихонца шайн хIусаме боьдучу новкьа велира.

Амма цхья барт хилира цу шиннан, ларамаза тасаделла доттагIалла даиманна а лело... Цу тIехь схьавогIу и шиь тахана а.

Шен бехканна хиллачу хьовзамехь Ханпашин йохийна машин Мохьмада юхаэцнера аьлла, цуьнан хIумма а ца кьеделла. Дала шена деллачу рицкьаца хьанал веах иза, хьаналчу некьехь доьзал а кхиабо. Хаьа цунна, Делан дуьхья дина диканиш кху дувьненахь а, бакь дувьненахь а Дала шалхонца бекхам беш, адамашна юхадерзош дуйла.

Алиев Мохьмад

Диц ца делла дика

Дийцар

1994 шарахь баьлладу тламах мохк меттабеьна а балале, юха а чу тлом беьна бала хьарчина бляьре дара адам. Цхьаь шен клантана, важ йолана, вуьйш доьзалшна белха дезаш нислора церан. Амма, хлара дуьне кхоьлличхьана халонаш лан лемина долу нохчийн кьам, кхиндолчу кьаьмнашна ша доьхна ца гойтуш, доьналлех ца духуш, и баланаш кийрахь а кьуьйлуш, хене долуш дара. Ишттачех яра Зайнап а, цуьнан доьзал а.

Тламах вадийна ша длавахийтинчу клантана сагатлуш, бляьргех оьгу хиш наггахь йовлакхан тлам хьокхий дла а дохуш, уьйтлахь нуй хьокхучу Зайнапана: «Нана, нана, гло дехьа!» – бохуш, оьрсийн маттахь цхьаь кхойкхуш хийтира. Юха а: «Нана, со кхузахь ву, гло дехьа суна». Аз шена хезначу юха а длахьоьжуш лаьтгачу Зайнапана гира, шайн хьаьжкляш чуюхкучу дона клеллахь воьжна, вериге цлийх вуьзна оьрсийн салти.

Тлеяха ца яхьаш ехха лаьттира Зайнап. «Нана, гло дехьа!» – олуш, кхетамчуьра велира саьлти. Эххар а едда тлеяхна дласатуьйхира и Зайнап. Садоьлуш хезара, амма кхетамчохь вацара – члогла лазийна волчух тера дара. Длакарчийна аркьал карчийра и Зайнап – глийла узам беш хезара. Глайглане елира зуда: «Йо сан Дела, хлокхунна хлун дан деза-те оха, оьрсий болчу дахна хлара кхузахь ву алахь, стенна а тхо бехке дан сахьт дац, мичара вели-те хьо тхан декьазчу коргошна, хьуна хлун дан деза оха?». Цлеххьана шен шийтта шо кхачьна волчу клантах, Исламах, бляьрг кхетта:

– Тледа горгам яхьа, Ислам! – аьлла мохь туьйхира Зайнап.

Салтичун юьхь цланйира кланта. Цул тлаьхьа шаьшшинна хьалха хлоьттинчу суьртах цецьяьлла сецира Зайнап. «Хьо-м бер ма ду, юьхь тле чо а балаза. Дала хлаллак бойла, наношна юххера а дохуш, шу кхуза схьаьжежориш!» – ойлане яьлла салтичунна юххе охьалахьелира Зайнап. Жимма хиьна лийра иза. «Дера со иштта ларх глудлакх хир ду моьттуш ма яц со», – аьлла, шен кланте гло а дойтуш, салти такхийна чувигира цаьршиммо.

Кхоно, шаьшиь парглатдаьлча, Ислама хаьттира:

– Нана, чу хлунда валийна вайшиммо хлара? Вайна дика болх хир буй-те хлара бахьанехь?!

– Вай, Ислам, салти велахь а, адам ма ду хлара, лазийна а ву. Берхлийтта шо делахь кхин хан хир йоцуш, бер ду-кх. Вайшиммо клелхьара ваккха веза хлара.

Кхин нене хеттарш дан ца хлоьттира клант. Чевнаш цлан а йина, кисанца длайихкира Зайнап. Ша и болх бина яьлча ойлане яьлла охьахира иза. Ойлане яьккхинарг цла веьча цлийнадас хлун эр ду цахаар дара.

Суьйранна, уьйтлахь цхьацца деш йоллуш хлара а йолуш, цла кхечира кхуьнан хлусамда Зайнди.

Зайнди даима глийла, миска, хьанал сискал йиьна стаг вара. Колхозехь трактор тлехь кьахьегна вара иза ша ишкол чекхьяьккхичхьана. Дика болх беш ву бохуш цле йоккхуш хилла а вара. Ша ваханчохь дика гайтарна, тлаьхьа ладегла ца оьшуш кьахьегарна, хийла совглаташ дина а вара ледало. Иштта масийтта трактор а хийцинера цо, дика болх барна. Тлаьхьара трактор колхоз йоьхначул тлаьхьа, кхечара санна, цкьачунна аьлла, цла ялийра цо. Амма тлом болабелча зачисткаш еш баьхкинчу оьрсийн тлемалоша цле тесна ягийра. Лулахой дика ца хьаьвзинехь хлусамаш а ягор йолуш яра.

Цхьаь ала лууш санна дласахьийзаш шен зуда а гина:

– Хлумма-м ца хилла, хьо ма йоьхна ю? – хаьттира Зайндис.

– Стаг, цхьана минотана охьахай ладоглахь соьга!

– Зуда, ах хлун леладо, хьуна хлун хилла, Ибрехлимах хлумма-м дац? – аьлла, шен Воронежехь волчу клантах цхьаь ду моьттуш вуьйхира Зайнди.

– Цуьнах х1ума дац, – аьлла, шена салти карор, и чохь хилар хайтира Зайнапа. К1антах сингаттам болуш х1ума доций хиъча, дехъа ваьлла шен тракторах йогуш дисинчу аьчкашна т1е охъахира Зайнди. Т1аккха, жимма оила а йина элира:

– Х1ун дийр ду, Дала кхоьллина адам ду-кха иза, г1о ца дича дер дуй цунна. Амма и х1окху чохь вуй хайита мегар дац цхъанна а, Ислам а ч1аг1ве, – аьлла, салти волчу чу вахара Зайнди. Цо шена дов дарна кхоьруш йолу Зайнап парг1атгьелира.

Шина дийнахь метта ца вог1уш наб йира салтичо. Цхъана дийнахь уьйт1ахь цхъаь деш йоллучу нене, чуйолахь, аьлла кхайкхира Ислам – метта а веъна, хала дахь а, къамел деш вара салти.

– Тхойшиь-м къамелаш деш 1аш ву, х1ара-м генара а ца хилла, – элира Ислама. Оьрси Ростов-г1алара хиллера, ши бутт хьалха салтичун декхарш кхочушдан валийна.

– Хьуна х1ун хиллера, хьо мичахь лазийна? – хеттарш дан елира Зайнап.

– Тхо машин т1ехь шун эвла йистехь йолчу базара дахнера, хьаькамех левчкьина. Тхан шофер со санна жима стаг вара. Цхъацца х1ума а эцна вухавог1уш, некъо голатухучохь иза гал а ваьлла, машин бердах яхара. Со меттавеъча Сергей велла вара... цхъаьна валийна вара тхойшиь армех.

– Ткъа хьо цигара д1а х1унда вахара, хьо лобхуш хир ма ву хьан накъосташа?

– Хаьа сунна... шун наха верна кхерапа со, шу ч1ог1а боьба къам ду бохуш дуьйцуш хезнера суна, со ц1ахь волуш.

– Нана, и машин чу яханчу дийнахь дукха эскар дар-кха цигахь, нехан керташкахула а лелаш бар-кх уьш, х1ара лобхуш хилла-кх цара, – аьлла, цаьршимма дечу къамелана юкъаиккхира Ислам.

– Муха ду тхо, бакъ дуй хьуна хезнарг?

– Цунах-м со цкъа ца тешара, дерриге къам бехке хуьлийла ма дац.

– Ц1е х1ун ю хьан?

– Сан ц1е Алексей ю, Нестеров фамили а ю сан, со Ростов-г1алара ву.

– Нана, вайн Ибрех1иман хеннара хир ву-кха х1ара!

– Дера ву Ислам, цуьнан хеннара ву-кх! – аьлла, Зайнапан б1аьргаш т1унделира.

– Хьан б1аьргаш чу хиш ма х1иттина, хьуна х1ун хилла? – цхъаь хилла моьттуш воьхна хаьгтира Алексейс.

– Хьан хеннара к1ант ву сан а. Воронежехь 1аш йиша ю сан, ткъа шо ду и цигахь шен доьзалца 1аш йолу. Т1амах к1елхьара ваьккхина, цига д1а вахийтина ас иза.

– Ткъа ц1ийнада мичахь ву хьан?

– Ден ваша ву цуьнан цомгуш, цуьнгара хьал хаа вахна иза, хьобга хьожуш верг иза ву, Ислама г1о до цунна.

– К1ант Воронежехула д1а х1унда вахийтина? Ц1ахь вита ца мегара?

– Мел хан ю бахара, Алексей, ахь хьой Нохчийчохь волу?

– Ши бутт.

– Т1аккха хьуна х1умма хуьийла дац.

– Х1ун хаа дезара суна?

– Хьайна хуур ду хьуна т1аьхьуо, – аьлла, жимма оила а йина, Зайнапа хаьгтира:

– Зачисткаш йо олуш хезний хьуна?

– Хезна, делахь а, х1инца а цу юкъахь хилла-м вац со.

– Зачистка йо аьлла эскар чу даьржира тхан юьрта. Кегий нах д1алахьийра цара. Цаьрца сайниг а вигира д1а. Д1абигна кхо де даьлча, буьйсанна итт сахьт долуш не1 туйхира. Аса не1 йиллича, суна гинарг ма гойла-кха цхъана а нанна – не1арехь лаьгташ сан к1ант вара, к1ант аьлча а, цхъа са дар-кх: йиттина, верриг 1аржвина. Шашь мичахь хилла а, хьан хьийзина а ца хаара цунна. Оцу кхаа дийнахь я кхалла х1ума, я мала хи а, ца делла бохура шайна.

– Ткъа ц1а муха веьнера иза? – хаьгтира Алексейс, Зайнапа дуьйцучух цецваьлла.

– Машенаш тлехь, буса цъханхъа дигна, охъадехкина бохура шаш, коьрта хлумнаш а йохкина; машенийн, адамыйн гловганаш севчача, коьртара хлумнаш длаяхъча, кху юьрта йистехь хиллера уьш. Иштта цла веанера сан клант. Уьшша-м ирс долуш хилла, дукха бу цара дла а буюгий тлепаза бойуш берш. Тлакха кхераделла Воронеже длавахийтира оха иза.

Ойлане ваьлла лара салти. Дикка вист ца хуьлуш а лийна, элира цо: «Хлунда лела-те дуьненахь иштта харцо?»

– Дера хаац, Алексей, суна-м, тхан къомана тлехь сих-сиха лелайо хлара харцонаш.

Зайнапа дийцира нохчийн къам 1944-чу шарахь дохийна дигарх а, цара хьегначух а. Тлакха цлехъяна хъалаиккхина:

– Алексей, ахь сада ла, арахь суьйре ю, сан даьхни ду чудерзо дезаш, – аьлла, Зайнап ара елира.

Цъяна суьйранна шен гуллакхаш дина а яьлла, чуььначу Зайнапана ойлане ваьлла карийра Алексей – ши клара дара Зайнапа лар иза кхобуш волу.

– Ас йовхха, хлинца яккхина шура еьна хьуна мала. Деглана ницкъ лур бу хьуна хлокхо, дла малал хлара. Тлакха хъайна хилларг а дуьйцуру ду ахь.

Вела а къежна, шура дла мелира кланта.

– Хлун хилла хьуна, дийцал хлинца?

– Нана, со дла ваха веза, со кху чохь вуй хаахь, шуна дика болх хир бац.

– Хьо хлинца а глеле ваьлла ма вац, цъяа ши де даьлча вуьгур ву хьо!

– Хлан-хла, шун гуллакх галдаккха ца лаьа суна, иштта а со бахъанехь боккхачу кхерам клеллахь лийна шу. Дла ваха веза со!

– Дика ду делахь, оха хьо дла вуьгур ву, амма цъяа дехар ду сан хьобга – хьо мичахь хилла, хъаьнгахь хилла ма дийцахъара ахь!

– Вай, шуна доккха баркалла эр ма ду сан хъаькамаша!

– Ца оьшу, дика болх хир бац цунах, сан жима клант ву, цлийнада ву, кхобру со.

– Дика ду делахь, дуьйцуру дац ас, – дош делира салтичо. Оцу буса Зайндис дла вигира иза. «Хьо мичахь вара?» – бохуш, шега мел члогла хеттарх, цо ца йийцира ша хилла меттиг. «Машен бердах яханчул тлаьхъа, сайх хилларг ца хууш, тилкхаз ваьлла хьуьнчулула лелла, суна со мичахула лелла а ца хаь», – иштта дара Алексейн жоп.

Цул тлаьхъа пхи шо даьлча цомгуш а хилла, Зайнап кхечира Ростов-гларачу больнице. Цига йигале Нохчийчохь дукха ядийна лелийра и Зайндис. Дохийна некъаш, ярташ, глаланаш, аьтта мохк, йохийна яра дукхох йолу больницаш а, болх беш йолчохь а дарбанаш дацара, ткъа лобраш банне а бацара, жимма кхеташ берш кчечу глаланашка дла а бахна, болх беш, шайн доьзалшца длагарбеллера.

Зайнапана оьшуш долу дарбанаш доцуш дара Ростовеца больницехь болчу лобрийн а, карийча а дукха мах бара церан. Глийлачу ойланца, мел хан йисна-те сан, бохуш лара Зайнап. «Духалург даьккхина а, иштта ца нислахь, цленош доьккина а, суна хьо ерзон дуьне-даьхни карор ду», – аьлла цла вахна Зайнди а хьевеллера.

Зайнапан лулахо яра юххерчу маьнги тлехь, Лидия Васильевна цле йолуш цъяа оьрсийн зуда. Цо дуьйцура: «Сан клант лийна Нохчийчохь, яккхийн харцонаш ю бохура цо шун къомана тлехь лелориш!» Оцу къамеле ла а доьглуш, неларе хьобжуш лаш Зайнап а йолуш: «Де дика дойла шун!» – аьлла, чувелира лекхачу деглаьхь волу тайна жима стаг.

– Мама, хьо муха ю, глелехь юй хьо? – бохуш, бер санна тле куьг а хьобкхуш, шен нана хьобстура оцу къонахчо.

– Хьо а муха ю, глелехь юй хьо? – аьлла, Зайнапе хъаьжча, тле воглавеллачохь висира клант. Зайнап эхь хетта дла ирзира. Сих-сиха юха а Зайнапе хьожура иза. Цъяа хан яьлча, хъалаглаьттина, Зайнапана тле а хлоьттина, сецира клант. Цецъяьлла шен кланта лелочух ца кхеташ лара Лидия Васильевна а. Цлехъяна гора а вужуш: «Нана, хьо яц хлара, хьуна хлун хилла, хьо ма глийла ю?» – аьлла, Зайнап мара а йобллина вилхара жима стаг. Зайнап цецъяьлла лара цо лелочух.

– Нана, со ца вевза хуна? – вуьхира клант.

– Алексей... – аьлла, коьртах куьг а хьабкхна, мела ладарш хилла охьабхьавдира Зайнапан б'аьргех хиш – йоблхура нохчийн нана а, оьрсийн клант а. Цаьршиммо лелочух кхетта, йоблхура Лидия Васильевна а.

– Мама, со клелхьара ваьккхина сан нохчийн нана х'ара ма ю! – элира Алексей.

Хьала а г'аьттина, Зайнапана хьалха гора а южуш, шен клант клелхьара вакхарна баркалла олуш корта талийра Лидия Васильевнас, шайн ладатехь дог'луш ма-хиллара.

– Аш х'лун леладо... Лидия Васильевна, мегар ма дац иштта, – бохуш йобхна хыйзара Зайнап. Дукха къамелаш деш лийра уьш. Алексейс дийцира ша Зайнапаг'лар лоьхуш дукха кехаташ яздар, амма цьбана тайпанара жоп доцуш ша виссар а. Зайнапа шайга цьба а кехат ца деанийла хайтира.

Т'аккха Зайнапа дийцира:

– Сан майра сих-сиха хьо гур вац-те олий, вьодура шу лийначу, амма хьох хилларг ца хууш дисира тхо, хьох дерг хатта а ца даьхьара.

– Шуна сох хилларг хуьийла а дацара, аш д'ла ма виггинехь, со Хан-Кала охьавигира, кхид'ла йолу хан цигахь чекхьелира сан.

Зайнапана хира, шен йоккха фирма а йолуш, дозана арахьа йохка-эцарца лелож юкьаметтигаш а йолуш, наха лара а лоруш Алексейх къонаха хилла хилар.

– Ас мицчара даийтина а хуна дарба дойтур ду, шек ма яла хьо сан шолг'ла нана! – бохуш, тешаллаш дора оьрсийн кланта.

– Ца оьшу сан клант, сан дукха хан ца йисна, – аьлла, йилхира Зайнап.

– Хьо елха ма елха, со хье ца луш схьавог'лу хуна.

Цьба-ши сахьт даьлча, массо а тайпана даарш, ткьа иштта зезагаш дохьуш вухавеара иза. Жимма луьйш-олуш лийна: «Со х'инца сиха ву балхана, кхана вухавог'лур ву со», – аьлла, д'лавахара Алексей.

Дукха хан ялале чувььначу лоьро хайтира: «Оьшу дарбанаш схьакхача дезаш ду, долу меттиг карийна, шек ма яла, хелха а юьйлуш д'лаг'лур ю хьо».

– Гой хуна, Зайнап, дика нах х'инца а болуш бу, хьо догдиллина лаш яра! – элира Лидия Васильевна.

– И дика стаг мила ву-м хьара суна, дукха ахча делла хир ма ду Алексейс.

– Х'лумма а дац, ахь шена дина г'луллакх диц ца дина цо! Вон дера дара хьо шена ца евзаш санна иза лад'лийнахьара. Ткьа суна и т'лаьхьо хийча стаг хетар вацара, цул т'лаьхьа хьалхалера клант а хир вацара цуьнах суна. Цьбаь бен воцуш, т'лехь да а воцуш, иштта хир вацар-те бохуш, хала кхийира ас иза, со тахна йоккхаюьйш ю иштта и волуш, суна тахна хии айса дика клант кхийнийла. Нанас шен доьзалхо хестош товш-м дацара, массо х'луманна хьо теш йолу дела боху ас, бехк ма биллалахь суна Зайнап.

– Бехк-м хьаха ца буьллура ас хуна, со йоккхаюьй шуьшиннех, сайниш а хир бац-те иштта дика к'ентий.

Дарбанаш схьа а кхьачна, уьш лелийча тоелира Зайнап. Больницера араьльча, т'лаьхавььна Ислам, Ибрех'лим, ц'ийнада Зайнди – уьш ша волчу д'лабигна, к'ирнах ц'ла ца бохуьйтуш хьошалла лелийра Алексейс.

Амма дог Нохчийчу ц'ла г'лертара Зайнапан. «Сих-сиха дог'лур ду, гергарло а лелор ду», – аьлла, дош даьккхира Алексейс цаьргара.

Ц'ла бог'лу некь бахбеллера Зайнапана. Вагонан коре а х'лоьттина, ойланаш еш йог'лучу цунна ша цомгуш хилчахьана, шен коьрте хыйзина ойланаш карлаевлира. «Хастам бу-кх хуна, Везан Дела, дог диллинера-кх ас сайха, г'луди-кха Ахь, тесна ца йити-кх Ахь со!», – бохуш, ша тоьларх йоккхаюьйш, охьайижа аларх охьа ца юьжуш, Зайнап лавгта коран серло т'лаьхь-т'лаьхьа г'леллуш, ц'ерпошто гена йоккхуш, Нохчийчу бог'лучу новкьахь д'лаяра.

Поэзия**Асхаб Алиев****Голос Мамы**

Шелохнется колос,
 В чистом поле голос
 Позовет меня.
 Нежен он и ласков,
 Будто бы из сказки...
 Памяти забава –
 Странная игра.

Даже до рожденья,
 Словно привиденье,
 Рядом был всегда.
 В ночь, под дождь с грозой,
 Душу успокоит
 И споет мне песню,
 За руку держа...
 Стал чуток взрослее,
 Он все также греет
 Сердце без огня.
 Если заболēju,
 Холит и лелеет,
 Сразу оставляет
 Все свои дела...
 Голос материнский,
 Высшая из истин –
 Свята и чиста.
 Мама понимает
 Все, всегда желает
 Лучшее на свете
 Своему дитя.

Поседеет волос
 И затихнет голос,
 Пролетят года.
 Зимы холоднее,
 Ночь еще чернее,
 И в душе ни звука,
 Я лишился сна...

Снежинки

Ты помнишь, мы падали вместе
 С небес отпечатками льда?
 Под нами по швам снова треснул
 Мир золота, слез и огня...
 Последний листочек сорвался
 Под гнетом холодных ветров.
 Не слышно осеннего вальса,

Лишь шепот и тишь белых снов...
 Искрясь, словно звезды на небе,
 Стремилась мы слепо к земле...
 Мы оба тогда стали снегом
 И жизнь посвятили зиме...
 И золото стало железом
 Под слоем декабрьских льдов...
 Попытки спастись бесполезны
 От тонких хрустальных оков...
 Собою все крыши покрыло
 Холодное войско зимы...
 И время немедля застыло
 До первых нападков весны...

3:00

Три часа, утра или ночи,
 Мне не важно, я просто не сплю.
 Тихим голосом ветер бормочет:
 «Баю-баюшки, баЮ, баЮ».
 Три часа, а может, четыре,
 Где-то там, на другом берегу.
 Точно так же в пустынной квартире
 Кто-то тоже не может уснуть.
 В три часа зачем просыпаться?
 Чем себя в это время занять?
 Не споешь, не закужишься в танце,
 Не проверишь на прочность кровать.
 Три часа, да и всякое лезет
 В черепную коробку мою.

План «поспать» понял я, бесполезен,
Я сегодня уже не усну.
Три часа... И, похоже, застыли
Стрелки дедовских старых часов.
Если вы меня все ж не забыли,
То спокойной вам ночи и снов.

Огонь

Шестнадцать строчек ни о чем
Горят на алых угольках,
Листок сворачивается в ком
Неспешно в пламенных руках...

Огонь прекрасен, но души
В нем нет, и это хорошо.
Его, как змЕи, языки
Ползут, сливаются в одно...

Не только лист, горит весь дом,
А с ним и мысли все мои,
Любимый мой бумажный трон
И шутовские колпаки...

Шестнадцать строчек обо всем:
О дружбе, жизни и любви...
Все это спичечным чирком
Так просто сжечь. Скажи: «Гори!»

Человек

Я не Бог. Я не вижу сквозь звезды
И не слышу за милю шаги,
Очень редко бываю серьезным,
Не читаю писанья Луки...
Я не Бог. Я могу ошибаться,
Прав на то у меня целых три:
Быть хорошим, плохим, тунеядцем
Я могу. Я такой же, как ты.
Я не Бог. Во мне много изъянов,
Их не надо стараться найти.
И тверезым, и будучи пьяным,
Я не Бог, но он где-то внутри.

к М...

Повеяло из окон вдруг тоскою,
Становятся свинцовыми года,
Которые прожили мы с тобою,
Не зная друг о друге ни черта...

Едва ли мы знакомы...
Но поверь мне...
Тебе лишь открывается душа
И только ты узнаешь, что за дверью,
Которую я запираю всегда.

Как странно, но я чувствую покой,
Свободу в откровенности своей.
Мне так уютно и легко с тобой,
Ты остров среди тысячи морей.

Вся жизнь как будто катится ко дну,
И вроде все отлично, но не так...
Я лодка, в шторм попавшая во мглу...
И ты теперь мой радужный маяк.

Не знаю, почему тебе пишу...
Слова текут рекой,
ложатся в строчки.
Мой разум не готов еще ко сну,
Но, думаю, пара поставить точку.

к М... (II)

Ты падаешь с перины
прямо в царство
Живых легенд, что встретишь
только в сказках –
Мир грез, где вечно
властвует Морфей.
В нем все: от злобных чудищ и до фей –
И все наоборот бывает часто...

Ты закрываешь веки, ну а я
За сотни верст
не сплю и представляю,
Как сон твой берегу, сижу у края,
Где нежится головушка твоя –
И, сидя так, под утро засыпаю...

Ты видишь сны, и кажется нечестно,
Что видеть их и быть в них не могу.
А вдруг ты попадешь во сне в беду?
Поэтому не нахожу я места
Себе и не могу никак уснуть.

Я не вижу небес

1

Я не видел ни розовых окон,
Ни потерянных синих небес,

Сквозь осколки
раздробленных стекол
Я прошел и в забвенье исчез...

Я не верил ни в счастье, ни в чудо,
Я забыл, что такое любить...
И, разлив свою память в сосуды,
Попытался ее оживить...

Я покинул свой мир и проснулся,
Но остался среди ржавых цепей...
И мой разум, что жалко прогнулся,
Стал добычей в объятьях сетей...

Я делил свои мысли на части,
И в душе их по полкам хранил,
Я лепил из фантазии маски,
И с презрением их я носил...

Я ушел и покинул отчизну
И не стал о себе горевать...
Навсегда разминулись мы с жизнью...
И теперь мне на все наплевать...

2

Я хожу по разбитым надеждам
И смотрю на застывшие души...
Я не вижу иллюзий, как прежде,
Но от этого мне только хуже...

Они льют свои слезы над телом,
Что в могиле немедля сгниет,
В своем ящике мраморном, белом,
Пока дьявол мне песни поет...

Я не знаю, что делать мне дальше,
Легче станет ли, если уйду,
Ведь не будет уже все, как раньше...
Я, наверное, просто умру...

Я гуляю среди тысячи стекол,
Среди тысяч огромных зеркал,
И не вижу ни розовых окон,
Ни небес, о которых мечтал...

3

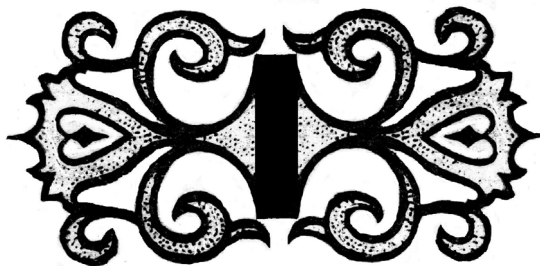
Я исчезну и мне станет легче,
И оплакивать некому будет...
Как огонь догорающей свечки,
Мое сердце навечно потухнет.

Растворюсь, словно пепел в пустыне,
Кану в вечность и в ней утону...
Как листочек с мечтами, в камине,
Так же я, от бессилья сгорю...

И застряну я между мирами,
В пустоте, что ничто не таит,
Капли слез моих станут дождями,
Ветром станет мой сорванный крик...

Я моля о прощении Бога,
Упаду на колени во мглу,
Отдышусь, успокоюсь немного,
Свою участь покорно приму...

И, всмотревшись в себя ненароком,
Осознаю я с болью вконец,
Что не вижу ни розовых окон,
Ни потерянных синих небес...

Дебют**Хава Гамаригова**

Родилась в 1994 году в Грозном. Окончила городскую среднюю школу № 106 г. Студентка 3 курса экономического факультета Современной гуманитарной академии в г. Хасавюрте (Республика Дагестан). Пишет стихи с детства на русском и чеченском языках. Публикуется впервые.

**Позабыв, что было,
навсегда...**

Я забуду через боль твои глаза,
Сердце научу я по-другому биться,
Больше буду верить небесам
И парить свободно, словно птица.
Мой полет твой голос не прервет
И твой взгляд на землю
Не опустит...
Пусть тебя другая позовет
И, как я, в бессилье, не отпустит.
Пусть она сумеет удержать
То, что я разрушила когда-то,
И в твоей пустеющей душе
Не разбудит прежнюю утрату...

Опять уходишь не спеша,
Опять одной встречать закаты.
Мы словно умерли с тобой –
Мы оба в этом виноваты.
Не понял гордости моей,
А я твою не принимала.
Тебя любила я – не знал?
Меня любил? – и я не знала!
Пусть будет так,
Как есть сейчас:
Со мной – другой,
С тобой – другая.
Пред вечностью в любви такой
Признаемся, лишь умирая...

Я в глаза смотрю твои шальные,
В них горит, как прежде, огонек.
Ни к чему слова твои больные,
Все равно б вернуть меня не смог.
Я б ушла, как сделала когда-то –
Позабыв, что было, навсегда.
Для меня внезапная утрата
Ничего не значила тогда.
Уходила я и постепенно
Забывала милое лицо,
Я искала среди тысяч слабых
Сильное, надежное плечо.
Но в ночи твои глаза шальные
Снились мне: все тот же огонек
Говорил, что ждет меня любимый,
Что забыть меня еще не смог...

Обожгли холодные слова...
Боже, как же я это стерпела?
Как не содрогнулась вся Земля –
Как она удар сдержат сумела?
Почему не раскололись небеса
От моей безумной дикой боли?
О Всевышний! Я прошу Тебя:
Пережить все это дай мне воли!..

Лейла Кусаева**Бабушка Мо**

Рассказ

Это была не первая моя вылазка. Однако я чуть было не попался, как зеленый салага. Я бежал через чужие дворы, петляя между домами по темным, хорошо знакомым переулкам. Шум погони накатывал, как волны прибоя, то хватая за пятки, то мерно отступая назад. Ночь... я искал у нее приюта, отчаянно взывая к бесстрастным звездам и темным заиндевевшим окнам. Кровь из простреленного плеча липкой струйкой просочилась через куртку. «Проклятые копы...». Злой на них, на себя, на хозяина, вернувшегося домой в неурочный час, я толкался в закрытые двери подъездов и, чертыхаясь, прятался от света фар проезжавших машин. В эту злополучную ночь я и познакомился с бабушкой Мо. Конечно, это не было ее настоящим именем. Это прозвище я дал ей позже. В тот момент для меня она была просто старой женщиной, высокой, немного сгорбленной, в старомодном пальто и серой шали, плотно обвязанной вокруг головы. Я стоял у угла дома, наблюдая, как она неторопливо набирает код домофона на двери, и раздумывал, как мне, не выдавая себя, попросить о помощи. В голове мелькнула картинка: толкнуть в подъезд, зажать рот рукой, приставить нож. Мне нужна была комната, квартира, где я мог бы провести ночь, обработать и перевязать рану. Однако к горлу сразу подкралась тошнота. Нет, на насилие и мокруху я не был способен даже в этих экстремальных условиях. Издалека послышался вой сирен, и я, отбросив сомнения, спешно преодолел расстояние до подъезда.

– Деца! Деца!¹ Помоги мне!

Она обернулась. Пронзительные черные глаза смотрели подозрительно и недоуменно.

– За мной гонятся кровники, деца! Если не поможешь, меня убьют!

Я лгал, не краснея. Мне было не до сантиментов.

Она молчала с минуту, видно раздумывая, потом резко отворила дверь и легонько потянула за рукав куртки в подъезд. Ее квартира находилась на втором этаже. Одинокая старая женщина в маленькой двухкомнатной квартире. Мне определенно повезло.

Я примостился на краешке дивана в зале и только тогда почувствовал ноющую боль в плече. За мной в зал шла дорожка из красных пятнышек.

– Деца, у тебя случайно не найдется чем перевязать?

Она зашла в зал, неся вату, бинты и спирт. Я отметил про себя, что без пальто она выглядит моложе и, видно, когда-то была красивой женщиной. Это угадывалось в аккуратных чертах лица и до сих пор стройной, худощавой фигуре. На левой щеке слегка виднелся узкий бледный шрам в форме полумесяца. «Бабушка со шрамом... бабушка Мо²», – усмехнулся я про себя.

Поставив медикаменты на журнальный столик, она вначале вышла из комнаты, но тут же вернулась обратно со словами:

– Сынок, давай я тебя перевяжу. Я медсестрой два года работала. Какой-никакой опыт есть. А то как же ты сам с плечом?

Я действительно вряд ли бы справился и потому не дал себя долго уговаривать. К счастью, рана была сквозная, и старушка живо наложила мне повязку. Потом она разогрела борщ и настояла, чтоб я поел. Я сидел на кухне сытый и благодарный ей за помощь. В последние годы на мою долю редко

выпадало человеческое тепло и участие. При моем образе жизни в этом не было ничего удивительного. Тем не менее в тот миг я остро осознал, как мне не хватало дружеского родного плеча, на которое я мог бы опереться в трудную минуту.

Я смотрел, как она сует возле кухонной плиты, ставит чайник, раскладывает печенье и конфеты по вазочкам. У меня было странное ощущение, что она рада мне, как дорогому гостю. Ее седые волосы, прикрытые большим черным платком, и высокий светлый лоб воскресили в памяти другой образ – образ из детства: село... моя бабушка печет пирожки, а я, босоногий мальчуган, в летних шортиках бегаю вокруг нее, с нетерпением выжидая, когда они будут готовы.

– Почему они тебя преследуют, сынок? Что ты им такого сделал? – ее мягкий голос вдруг вернул меня к действительности.

– Это долгая история, деда. Наши семьи враждуют уже много лет. Я оставил семью и приехал из другого города в надежде, что они прекратят преследование, но они и здесь меня нашли, узнали, где я живу. Дед, я очень благодарен тебе за все. Завтра утром я уйду. Прости за неудобства, что тебе причинил.

Говоря все это, я сам удивлялся своей наглости, однако отступить было поздно.

– Но куда же ты уйдешь? Если они нашли твоё жильё, то будут стеречь тебя там, – она огорченно вздохнула и продолжила: – Я знаю, что нужно делать. Нужно обратиться в полицию.

– Нет, нет, деда. Этого нельзя делать ни в коем случае. «Только этого не хватало», – подумал я про себя, лихорадочно соображая, какие аргументы привести в защиту своих слов.

– Почему?

– Я в курсе, что в полиции работают их родственники. Если полиция узнает, где я, то, считай, – пропал.

От волнения, что она ненароком может меня сдать, меня прошиб холодный пот. Видимо, она поверила моим словам, так как произнесла успокаивающим тоном:

– Хорошо, сынок. Раз так, не будем к ним обращаться. Но тебе нужно на время укрыться. Если хочешь, можешь остаться у меня, пока не придумаешь, как быть дальше.

У меня будто камень с души слетел. Я не собирался задерживаться у нее надолго. Тем не менее несколько дней, пока в городе будут идти поиски, затаиться в таком месте – это была заманчивая перспектива.

– Но, деда, что Вы скажете соседям?

– А это не их дело. Хотя... вот... придумала! У меня племянник живет в Саратове, приблизительно твоего возраста. Он никогда здесь не бывал, так что в лицо его никто не знает. Скажу, что он приехал на несколько дней погостить.

Я было хотел поблагодарить ее, но она, как будто поняв мои намерения, вдруг замахала руками:

– Не нужно ничего говорить. Ради сына помогаю, ради сына...

– Я... так у вас сын есть? – эти слова вырвались помимо воли. Я был несколько удивлен, так как с самого начала почему-то решил, что у нее нет семьи.

Она как-то странно улыбнулась на мои слова и протянула:

– Есть... сын... – она вышла из кухни и вернулась, неся фото в рамке. На меня с фотографии смотрел симпатичный паренек лет шестнадцати-семнадцати. Строгие черные глаза, как у матери. Я вернул фотографию.

– А где он сейчас, деда?

– Он... он погиб... – она произнесла эти слова тихим сдавленным голосом, но потом быстро взяла себя в руки и продолжила:

– Погиб. Уже пятнадцатый год пошел со дня его смерти. Добрый он у меня был очень. Людей любил. Если мог чем-то помочь, никому не отказывал. Я... ты не обижайся сынок, но я, когда ты ко мне на улице подошел, как раз о нем вспоминала. Может, и не помогла бы, если не он. А так... хотела сначала отказать, но вдруг сердце как будто схватило. Подумала: «А как бы он поступил?» Так что не меня, а его нужно тебе благодарить.

– Не говорите так, деца. Дети на родителей чаще всего похожи. Не будь у вас доброго сердца, и у него бы не было.

– Не знаю... не знаю... – она печально покачала головой, потом, подумав, добавила: – Время уже позднее, сынок. Я постелю тебе в зале. Спокойной ночи!

В ту ночь я долго не мог уснуть. Мне было жаль эту женщину. Жаль, что у меня нет такой матери. Жаль, что не в моей власти вернуть ей сына. До утра мне снились моя бабушка и старушка со шрамом. Во сне они почему-то были похожи, как близняшки. Обе глядели на меня укоризненно-ласковым взглядом, а я тянул их за рукава в какой-то темный подъезд, приговаривая: «Там живет бабушка Мо».

Следующая неделя пролетела незаметно. Бабушка Мо меня ни о чем больше не спрашивала, чему я был несказанно рад. Благодаря ее заботливому уходу и хорошему питанию, я быстро пошел на поправку и к концу недели моя рана полностью затянулась. Решив, что мое появление на улице теперь относительно безопасно, я тепло распрощался с ней и вернулся к своей прежней бандитской жизни. Но странно... с этого дня непонятная тоска стала иногда грызть меня изнутри. Не знаю, как это случилось, но за ту неделю, что я провел у нее, я успел привязаться к этой старушке. Может быть, потому, что я чувствовал: она, как и я, безнадежно одинока в этом холодном мире. Может, потому, что она напоминала мне мою бабушку.

Раз в месяц я останавливался под ее окнами с щемящим душу желанием увидеть ее серебристо-седую голову, услышать ласковый и грустный голос.

Я не смел показаться ей на глаза, так как сказал, что уезжаю к своей семье. Я мучился полгода, прежде чем решил про себя, что раз у меня нет другой семьи, судьба послала мне ее в лице бабушки Мо. Я решил, что расскажу ей правду о себе. Я думал, она поймет. Я хотел, чтоб она поняла.

В один из сентябрьских дней я постучался в знакомую дверь. Она бесшумно открыла ее, даже не спросив моего имени, будто чувствовала, что я приду.

– Деца... – я несколько запинался от волнения. – Деца, я... был в городе, решил узнать, как у вас дела... все ли хорошо? Как поживаете, деца?

Я смотрел на нее и не мог узнать мою бабушку Мо. Ее лицо сильно осунулось, под глазами залегли огромные темные круги, спина сгорбилась еще больше. Что-то случилось, что-то нехорошее, непоправимое. Что-то внутри стало кричать мне: «Уходи! Уходи! Скорее! Просто уйди отсюда!»

Бабушка Мо как-то криво и безрадостно улыбнулась мне и промолвила:

– Это ты, сынок? Хорошо, что зашел.

Она посторонилась, давая мне пройти в квартиру. В зале был полумрак из-за сдвинутых штор. На журнальном столике вразброс лежали какие-то лекарства. Я взял одну упаковку, прочел: «Корвалол». С волнением подумал: «Приболела».

Она внезапно появилась из кухни:

– Сынок, продукты закончились, я быстро куплю и вернусь.

– Деца, ничего не нужно. Я просто поговорить хотел. Я...

– Нет, нет! Все разговоры потом. Я быстро, – она торопливо схватила сумочку и вышла из квартиры.

Я расположился в зале. Время шло, но бабушка Мо не возвращалась. В конце концов меня сморил сон, и я сладко задремал на диване.

– Ну что? Попался? – от незнакомого вкрадчивого голоса меня будто ударило током. Я дернулся, но прежде чем успел сообразить, в чем дело, и встать с дивана, чьи-то руки швырнули меня на пол, скрутили и надели наручники. Комната была полна полицейских. Первой мыслью было: «Выследили, сволочи!» Потом я вдруг осознал, что все еще нахожусь в квартире бабушки Мо.

– Где она? – я зло смотрел на полицейского.

– Кто? – насмешливая и самодовольная ухмылка разлилась по лицу копа, как масло по сковороде.

– Ты знаешь кто. Где она? Где? Что вы с ней сделали? – я был в ярости от мысли, что с бабушкой Мо могло по моей вине что-то произойти. Правда, последовавшие за этим дружные удары дубинками быстро привели меня в чувство.

Двое дюжих в погонах спустили меня по лестнице. На улице перед подъездом собралась праздная толпа зевак. Бабушки Мо нигде не было видно. От отчаяния мне хотелось плакать.

По дороге в участок водитель стал расспрашивать следователя, как ему удалось выйти на мой след.

– Честно говоря, хозяйка квартиры помогла, – коп довольно потер руками и потом стал орать на меня, нагнувшись к самому уху: – Чего, вы, идиоты, к бедной женщине пристали?! Мало вам, что сына ее шлепнули?! Все вам мало, бандюганы, да?!

Брызги его слюны долетали до моего лица, мне стало противно, в горле сильно пересохло, я плотнее придвинулся к окну.

Водитель удивленно присвистнул:

– А что? Грабители сына ее убили?

– Да. Представь себе. Лет так пятнадцать тому назад дело было. Она тогда золотом торговала и, видно, кто-то наводку дал, что у нее деньги водятся. Пробрались к ней в квартиру, стали пытаться, лицо изуродовали, гады. Сын в этот момент от друзей вернулся, попытался вступить, ну, они его и порешили, а сами сбежали.

– Странно, а что этот в ее квартире днем делал?

– Не знаю. Вот выяснять будем. Факт только, что старушка позвонила сегодня и сказала: «Мол, так и так, видела по телевизору грабителя, так он сейчас у меня в квартире. Приезжайте, забирайте». Правда, вела она себя немного подозрительно. Два раза звонила, трубку бросала после ответа диспетчера. Только на третий раз сказала, в чем дело.

– А они, того... случайно не заодно?

– Посмотрим. Выясним. Все выясним. А? – полицейский коротко хохотнул и похлопал меня по плечу.

Мне дали десять лет.

¹ Деца (чеч.) – тетя.

² Муо (чеч.) – шрам.

Проза**Валид Докаев****Прозаические миниатюры****Маленькая история кота Идриса**

У нас был серый кавказский кот... Смышленный, дверь открывал когтями – на ней обивка была, специально для Идриса – так мы называли кота. Он был аккуратен в доме и стыдлив.

Припозднившись, мой любвеобильный Идрис заползал по глиняной стенке к стеклу и давал ногтями по стеклу: мол, пустите в дом...

Много лет он был членом семьи.. Но век кота недолог.. Он смертельно заболел лет через восемь-десять, уже не помню... Стал вырывать червями...

Мы его отнесли за тот берег железного моста и оставили.

Я был уже на середине моста, обернувшись, видел: он стоял усталый, но гордый и прощался... Было так больно!

Мне было около 15-ти лет.

Люди боялись заразиться.

Тогда я протестовал и обвинял взрослых. Теперь я знаю, конечно, что в сходной ситуации я бы поступил так же, когда ты отвечаешь за семью...

Жизнь – странная штука...

Но она такова: жестокая и удивительно трогательная...

Ну, вот... Написал...

Я давно хотел с тобой проститься снова, мой дружок: прощай, Идрис!

Прости нас за то, что мы люди...

С целью наживы

Татьяна Кирилловна Филева перед началом урока рассадил нас под особым ракурсом.

– У нас будет комиссия из района. Не подведите меня, если хотите сдать экзамены! Зарубите себе на носу, – добавила она свою излюбленную присказку.

Возможно, это было излишне. Учительница имела горбинку на носу – небольшой дополнительный носик. Что, впрочем, не делало ее лицо некрасивым. Глаза. Вот что настораживало в ней.

Четверка мушкетеров заулыбалась. Учительница пригрозила подозрительным улыбкам.

Урок русской литературы.

Валид, Шамиль, Рамзан и Асланбек расселись в своей боевой позиции.

На последней парте в первом ряду от двери сидели посланники таинственной комиссии: девушка лет 30-ти и мужчина лет 35-ти.

Следующие два стула заняли Шамиль и Валид. Впереди сидели Рамзан и Асланбек.

Валид был круглым отличником.

Мать его была библиотекарем, и еще до начала школьных занятий он успевал прочитать уйму книг.

Рамзан был хорошистом.

Шамиль – одаренным юношей, но пока он не спешил раскрыться.

Асланбек же... этот не дружил со школой.

Парень кампанейский, верный друг. Но твердая тройка была в его обозе неотъемлемым атрибутом.

Валид после тщательного изучения физиономий гостей решил, что девушка ничего из себя не представляет.

«Некрасивая, тянется к мужчинам, никто не будет обращать внимания, поэтому выбрала такую сферу – больше возможностей для знакомств», – прошептал Валид разбойникам только что состряпанное на гостью досье.

Урок шел к середине. Татьяна Кирилловна спрашивала хорошистов. Задавала наводящие вопросы. И, главное, избегала эту четверку.

Творчество Чехова была разложено по косточкам.

Но тут, решив блеснуть, «зарубительница на носу» задала фатальный вопрос:

– С какой целью Чехов отправился в Сахалинский острог?

Рамзан, мгновенно оценив наживку, повернулся и мигнул Валиду:

– Подскажи Асланбеку, пусть получит оценку на хаялю. Валид, знаешь ответ?

Валид высокомерно развел руки, мол, об чем базар!

Асланбек с недоверием покосился на наглую рожу друга, пробежался по этим трем физиономиям, как по клавишам, и нерешительно поднял руку.

Острог – слово незнакомое. Сахалин далеко. Что там делал Антон Павлович? Вы знаете? Хорошо, подсказка: острог – тюрьма. Что делал Чехов на Сахалине в тюрьме? Да, я к вам обращаюсь, высокородные дамы и господа! Ага.

Так вот, никто этого в классе не знал, кроме Татьяны Кирилловны и Валида. Включая комиссию. Особенно комиссию.

Чувствуя подвох и не зная, как выйти из ловушки, в которую сама себя загнала, пытаясь блеснуть академическими знаниями, учительница старательно избегала единственно поднявшего руку Асланбека.

– Стенна вахна и цига? (Зачем он туда поехал?) – спросил тихо Асланбек, перетащив губы влево.

– С целью наживы.... С целью наживы... – шептали сначала Валид, затем Шамиль.

Член блистательной комиссии понял, что назревает интрига и от нетерпения потирал руки.

– Ну, кто скажет?

– Можно я, Татьяна Кирилловна. Я! – почти кричал Асланбек.

– Спросите его! – кричали мушкетеры ехидно.

Татьяна Кирилловна растерялась, Валид повернулся в поисках заступничества к комиссии.

Те посмотрели на учительницу и произнесли приговор:

– Руку же поднимает!

Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки...

Учительница покорилась.

Асланбек поднялся и попросил повторить вопрос.

– С какой целью Антон Павлович Чехов посетил на Сахалине острог и пробыл там около полугода? – спросила Татьяна Кирилловна.

Татьяна, бедная Татьяна,
С тобой теперь я слезы лью,
Ты в руки злобного тирана
Уж отдала свою судьбу.

– Антон Павлович Чехов посетил на Сахалине острог и пробыл там около полугода, – попугайничает Асланбек, схватив обеими руками памяти текст Татьяны Кирилловны, и добавляет роковые слова: – С целью наживы.

Та аж дернулась.

– Как можно поехать в острог с целью наживы?! – в ужасе спросила она.

Асланбек уже открыто и враждебно повернулся к Валиду, который подставил его.

– Вай а ца доьлха Казахстане шабашке, иштта вахна-кха иза а. (Мы же ездим в Казахстан на шабашку, так и он поехал на заработки), – невинно и безапелляционно дополнил Валид.

Кивнув, успокоенный Асланбек добил учительницу:

– Ну, мы же ездим в Казахстан на шабашку.

И, когда класс начал сознать, что произошло очередное представление четверки, и закипать смехом, убитая горем Татьяна выскочила из кабинета.

Комиссия была в восторге...

На грядках Времени

Странно... Я вдруг ощутил, что время – пространство событий – стоит в одной точке: все, что со мной было в жизни за сорок лет, как будто было в один день.

Я ощутил не метафоричность этого – само время стояло рядом...

И то, что произошло двадцать лет назад – армия, и школа, и годы детства – все было так животрепещуще...

Будто было полчаса назад...

Поистине, время самой долгой жизни можно собрать с одной грядки...

Афористика

Человек, живущий обидами, не будет победителем. Не позволяй эгоистам закрасться в твою душу: твоя обида – именно и означает, что они добились своего.

Можно отнять у птицы небо, можно срезать крылья и разбить сердце, но невозможно остановить полет ее – она рождена птицей!

Мечта – это дыхание сердца!

Все знания мира – прямо перед нами, дверь к знаниям ведет не наружу, а вовнутрь тебя. А ключ к этой двери получают у Творца.

Любовь – это один бокал на двоих, и каждый положил в него все свое очарование и свое сердце.

Смерть заставляет нас вспоминать о вечности, а любовь заставляет нас понимать цену Жизни. И жизнь протекает между грезами любви и страхом смерти. Все остальное не характеризует человека как Человека. А что такое жизнь, кроме любви и ненависти?

Страшно, когда молчат люди, которые дороги тебе. Но во сто крат страшнее, когда начинает говорить тишина.

Непобедимым человека делает не его мужество, а его неистребимая улыбка.

Каждый рассвет несет тебе счастье на ресницах лучей...

Иногда оставляй эту землю, и тогда небо будет расступаться столько, сколько ты летишь...

Однажды человек просыпается и понимает: его никогда не было здесь... он никогда и не просыпался.

Чем яснее мы понимаем бесконечное величие Создателя, тем четче мы осознаем нашу миссию – быть Человеками.

Возвращаясь в Прошлое, мы рискуем проникнуть в Будущее, минуя Настоящее.

Прежде, чем поговорить с кем-то, поговори с собой... ты узнаешь цену своим словам. И если даже твоя оценка окажется неправильной – слова будут уже продуманными.

Если тебе перешла дорогу черная кошка – не притворяйся, что ты ее не видел: она заподозрит неладное.

Жизнь течет между двумя: забыть и вспомнить.

Посеешь хаос – пожнешь анархию.

И истинный источник света – не солнце... Ибо солнце само не отвечает за происхождение своего света, как человек не знает, за что он приговорен к жизни...

Судный день начался в тот момент, когда мы получили свободу выбора.

Дело даже не в том, что ты есть, а в том, что тебя не будет...

Сон иных облагораживает ночь.

Мир шепчет мне очень нежно: «Не привыкай ко мне – я обречен убить тебя».

Человек не может забыть Солнце, как не может забыть Создателя. Бог сделал свет напоминанием о своей милости и сделал тьму предостережением. Дело в том, что тьма – только производная от света: когда ты отварачиваешься от света, попадаешь во тьму.

Человек создан счастливым, но трудно донести счастье в одной упряжке со смертью.

Есть свет, что указывает на светоносную силу. Есть разум, что указывает на сверхразум. Есть время, что указывает на вечность. И есть смерть и жизнь, что указывает на Того, кто властвует над Жизнью и Смертью. И эта вечная сверхличность называется Богом.

Ощущение надвигающейся старости делает нас моложе, если мы часто смотрим в небо...

Стучит к нам Бог. Каждый миг стучит. И это отдается стуком в сердце...

На всех тебя не хватит, посему ищи друга верного и врага благородного.

Человек никогда не бывает один. Один бывает только Бог. И это навсегда!

Мир – это всего лишь один и тот же повторяющийся день... Всего лишь земля, крутящаяся вокруг оси. Всего лишь Земля, бегущая по одному и тому же маршруту вокруг солнца... И только сердца уходят все дальше и дальше...

Добрый нрав – предтеча озарения.

Все, что рождено умереть, на первый взгляд выглядит неполноценно. Но это создание Бога Единого.

Рациональный человек стремится подчинить врага, а эмоциональный – уничтожить.

Драматургия**Муса Ахмадов****Люди в ночи****Действующие лица:**

ДОВТ – боевик
 ДЕНИ – милиционер
 АЙШАТ, девочка, 15 лет
 ШАМА, мальчик, 12 лет
 ХЕДА, его сестра, 5 лет
 1-ЫЙ БОЕВИК
 2-ОЙ БОЕВИК
 НАДЕЖДА ПЕТРОВНА
 ОФИЦЕР
 СЕРЖАНТ
 СОЛДАТЫ
 СТАРИК
 ЛЮДИ

Картина первая

Развалины Грозного, 2002 год. В одном из полуразрушенных домов сидит Довт.

ДОВТ. Хвала Всевышнему! Что же происходит на свете?.. Не могу понять... Вчера во сне видел своего школьного друга – к чему бы это... Берс ушел в праведный мир два года назад. Во сне он сидел на берегу реки у развесистой груши, мыл маленькие зеленые плоды в этой чистой воде. Не переживай, Берс, хоть и нет у тебя брата, чтобы отомстить за тебя, знай, у тебя есть друг. И когда я доберусь до того, кто это сделал, ты увидишь... Правда, он клялся, что не убивал тебя. А вдруг это действительно не он?.. Это меня и сдерживает.

А может, Берс пришел во сне, потому что переживает за своих детей? Слышал, что их мать погибла, а они где-то прячутся в городских подвалах.

Я должен их разыскать.

Что же это за война такая?! Все войны рано или поздно заканчиваются победой или поражением. Только чеченской войне конца не видно...

Настал и мой час... Час охоты.

Где же дети Берса? Пришло время Одинокого Волка.

Внезапно раздается гул танков и автоматная стрельба. Женский голос: «Ва, спасите, спасите!»

ДОВТ. Опять будут мучить людей под предлогом зачистки. Надо помочь безвинным. Выстрелами отвлеку их ...

Выходит. Раздается пальба. Довт скрывается от преследующих его военных.

Картина вторая

Ночь. В подвале многоэтажного дома – дети. Они спят кто где. Им снятся сны, в которых раздаются детские голоса и голоса их родных. С улицы слышна сильная стрельба. Шама просыпается.

ШАМА. Пусть мой сон будет к добру. Мама и папа в нем были живые...

В этот момент просыпается Айшат, вытирает слезы.

Айшат, ты плачешь?

АЙШАТ. Нет, я плакала во сне. мне снились мама и папа. Я знала, что они уйдут, как только я открою глаза. Оттого и плакала.

ШАМА. Пусть к добру будет твой сон. Я пойду на поиски еды и вернусь. *(Выходит)*.

МАМЕД *(просыпаясь)*. Мама! Где же она? Она ведь только что была здесь.

АЙШАТ. Мамед, это был сон, мама еще не пришла.

МАМЕД. Айшат, а когда она придет по-настоящему, а не во сне?

АЙШАТ. Придет, Мамед, скоро...

МАМЕД. И папа тоже придет с ней?

АЙШАТ. Да, они придут вместе.

В это время просыпается Хеда.

ХЕДА. И мои папа с мамой вернутся, они принесут мне много всего: бананы, яблоки, шоколад...

АЙШАТ. Конечно, много всего принесут.

МАМЕД. И мне принесут... Хлеба, молока, масла...

АЙШАТ. И тебе принесут.

ХЕДА. Я хочу есть!

МАМЕД. И я проголодался.

АЙШАТ. Подождите, Шама пошел за едой.

ХЕДА. Ва-а, Шама-а! Я хочу есть!

МАМЕД *(плача)*. Ва-а, Айшат, и я хочу есть!

АЙШАТ. Мамед, не стыдно тебе! Ты же мальчик! Мальчик не должен плакать!

В это время заходит Шама, Хеда подбегает к нему.

ХЕДА. Шама-а, я голодна!

ШАМА. Подожди, Хеда, я принес хлеб...

В это время в дверях останавливается Дени и прислушивается к разговору.

МАМЕД. И я хочу хлеба.

ШАМА. И тебе дам. *(Разделив хлеб на три кусочка, кладет на стол)*.

Я не смог пойти далеко. Всюду стреляют... Этот кусок хлеба дала бабушка из соседнего подвала...

АЙШАТ. Как хорошо, что ты принес хлеба. *(Разделив свой кусочек на две части, отдает Мамеду и Хеде)*.

ШАМА. Поешь и сама, ты же так долго не выдержишь.

АЙШАТ. Ты же выдержишь?

ШАМА. А я на улице съел немного.

Айшат молчит. Хеда с Мамедом едят хлеб.

Надо закрыть дверь. *(Закрывает дверь)*.

ХЕДА. Не закрывай, папа с мамой скоро вернутся.

ШАМА. Когда они придут, мы им откроем... На улице много плохих людей, если они зайдут, нам не поздоровится.

МАМЕД. Я еще хочу есть.

ХЕДА. И я хочу.

АЙШАТ. Потерпите немного, Шама еще принесет.

МАМЕД. А я мяса хочу!

ШАМА. Так я и мясо принес.

МАМЕД. Давай его сюда!

ШАМА. Мясо надо сначала сварить. Айшат, носи кастрюлю с водой.

Айшат, налив в кастрюлю воды, ставит ее на печь. Шама из черного пакета кладет в нее два камня, пряча их от детей. Айшат сначала удивленно смотрит на него, затем, поняв Шаму, улыбается.

МАМЕД. Дай посмотреть на мясо.

ХЕДА. И мне дай посмотреть...

Довт натыкается на Дени, стоящего в дверях. Узнав его, хватается за автомат. Когда же понимает, что остался незамеченным им, с осторожностью останавливается и прислушивается.

ШАМА. Пока не сварится, на мясо нельзя смотреть.

МАМЕД. Почему нельзя?

ШАМА. Мясо уменьшается, когда дети смотрят.

ХЕДА. Тогда я не буду смотреть.

МАМЕД. И я не буду.

Хеда отходит. Мамед тоже молча отходит.

ШАМА. Идите оба сюда, я вам пока сказку расскажу. (*Хеда с Мамедом подсаживаются к нему*). Жила-была мать-коза. И было у нее три козленка: одного звали Животик, другого – Два Животика, ну а третьего – Три Животика.

МАМЕД. Да ну, слышал я эту сказку.

ШАМА. Тогда расскажи другую!

МАМЕД. Я? Как-то раз я с мамой и папой поехал в село к бабушке с дедушкой. Бабушка дала мне творог со сметаной и кукурузную лепешку, и еще я с папой и дедушкой пошел на сенокос. Там росла большая яблоня, а на ней было много красных яблок.

АЙШАТ. Это очень хорошая сказка.

ХЕДА. И я хочу рассказать сказку... И я хочу... В прошлом году я, папа и мама ходили на новогоднюю елку. Елка была большая-пребольшая, на ней было много-премного игрушек. А Дед Мороз подарил мне из своего мешочка подарочек... еще он сфотографировался со мной... Шама, а когда к нам придет Дед Мороз?

ШАМА. Когда на улице пойдет снег...

ХЕДА. Когда же пойдет снег?

ШАМА. Через месяц.

ХЕДА. А я хочу, чтобы Новый год наступил прямо сейчас.

В этот момент Мамед подбежал к печке и попробовал сдвинуть крышку с кастрюли. Крышка с шумом упала на пол. Все повернулись в его сторону. Мамед заглядывает в кастрюлю.

МАМЕД (*плача*). В кастрюле нет мяса.

ХЕДА. А что в ней?

МАМЕД. Там камни.

Хеда с плачем бросается на Шаму и бьет его кулачками.

ХЕДА. Ты нас обманул! Ты обманул нас!

Айшат и Шама, растерявшись, не знают, что делать.

Картина третья

На улице.

ДЕНИ (*вытирая глаза*). Что же это?! Ведь это же дети Берса, которых я ищу. (*Обернувшись, увидел Довта и схватился за оружие*).

ДОВТ. Не тронь автомат, ты опоздал. (*Направляет на него дуло своего оружия*).

ДЕНИ. А-а, Довт, это ты?

ДОВТ. Да, Дени, это я. Посмотри на этих детей... Мы ведь ради них воюем... А вы, вместо того, чтобы встать в наши ряды, выступили против, и вот к чему это привело.

ДЕНИ. Если бы вы не пошли за теми, кому эта война выгодна, эти дети были бы сейчас дома, со своими родными.

ДОВТ. Не уверен. Каждые пятьдесят лет наш народ уничтожают.

ДЕНИ. Я не смогу переубедить тебя, но и на твой путь никогда не встану. Ваши идеи послужили причиной страдания целого народа.

ДОВТ. Все это ради будущей свободы чеченцев.

ДЕНИ. К чему этот разговор? Стреляй, раз ты задумал.

ДОВТ. Так же, как и ты выстрелил в нашего друга Берса?

ДЕНИ. Я не стрелял в него.

ДОВТ. Как не стрелял? Когда на телевидении мы оказались друг против друга, он встал между нами...

ДЕНИ. Да, это правда. Берс хотел примирить нас. Он был лучше нас... Он знал, к чему это приведет. Он кричал нам: сделайте шаг навстречу друг другу. Примиритесь!

ДОВТ. И потому ты убил его?

ДЕНИ. Я его не убивал. Когда он встал между нами, погас свет... Раздался выстрел... Когда загорелся свет...

ДОВТ. Когда загорелся свет, Берс лежал, а в твоих руках было дымящееся оружие.

ДЕНИ. Но я не нажимал на курок.

ДОВТ. Ты хотел выстрелить в меня, но попал в него.

ДЕНИ. Это неправда.

ДОВТ. Я убью тебя! Говори правду! (*Направляет на него автомат*).

ДЕНИ. Правда то, что я не убивал Берса. Стреляй!

ДОВТ. Как же ты можешь говорить правду? Ты же внук стукача Далхада.

ДЕНИ. Мой дед работал на советскую власть. Он пытался следовать закону. А твой дед Бага всячески этому препятствовал... Под видом абрека угонял чужой скот.

ДОВТ. Замолчи! Я убью тебя!

ДЕНИ. Убьешь, так убьешь! Стреляй!

Довт опускает автомат.

ДОВТ. «Стреляй!» У меня была возможность убить тебя, как только увидел.

ДЕНИ. Что же ты не убил?

ДОВТ. Не знаю... не смог... Хоть ты и заслуживал смерти. Дети... да, из-за этих детей не убил... Мы же тоже были когда-то детьми...

ДЕНИ. Мы и друзьями были... Нас было трое: Берс, ты и я.

ДОВТ. Но ты разрушил эту дружбу. Ты убил Берса.

ДЕНИ. Я не убивал его! Я поклялся на Коране... Хотя никто не требовал от меня этой клятвы... Что я должен сделать, чтобы снять с себя это несправедливое обвинение?!

ДОВТ. Ты, наверно, успокоился, зная о том, что у него нет братьев, чтобы отомстить за него... Но я отомщу за него!

ДЕНИ. Отомсти!

ДОВТ. Вчера я видел Берса во сне...
 ДЕНИ. И он сказал тебе, чтобы ты убил меня?
 ДОВТ. Нет...
 ДЕНИ. Что же тогда?
 ДОВТ. Потом с этим разберемся. Сейчас нужно поговорить с детьми... Жаль их...
 ДЕНИ. Правильно. Сначала поговорим с детьми.
 ДОВТ. Давай, проходи вперед.
 ДЕНИ. А сам не хочешь идти впереди?
 ДОВТ. Я доказал тебе, что мне можно доверять. А кто знает, что ты замыслишь?
 ДЕНИ. Вот о чем говорили наши предки: Да не умрем мы, потеряв веру друг в друга!

Стучат в дверь.

ГОЛОС ШАМЫ. Кто там?
 ДЕНИ. Дед Мороз.
 ХЕДА. Дед Мороз?
 ГОЛОС ШАМЫ. А ты хороший человек?
 ДЕНИ. Дед Мороз не бывает плохим.

Шама открывает дверь, они входят.

Картина четвертая

ДЕНИ. Не бойтесь, дети, мы вам ничего плохого не сделаем.
 МАМЕД. Вас же двое.
 ХЕДА. А где же Дед Мороз?
 ДОВТ. Не один, а два Деда Мороза.
 ХЕДА. Дед Мороз таким не бывает. У него белая борода и красная шапка.
 ДЕНИ. Но сейчас идет война. А во время войны Деду Морозу тоже положено ходить в военной форме.
 МАМЕД. А где же тогда подарки?
 ДЕНИ. И подарки есть. *(Достает из кармана орешки)*.
 ДОВТ. И я принес вам подарки. Подходите, дети, ешьте лепешку. *(Достает лепешку)*.
 ДЕНИ. А теперь расскажите-ка, дети, как вас зовут?
 ХЕДА. Меня зовут Хеда.
 МАМЕД. А меня Мамед.
 ШАМА. Ее имя Айшат, а я Шама.
 ДЕНИ. Красивые имена. Дай вам Всевышний долгих лет жизни!
 ДОВТ. Амин!
 ХЕДА. Раньше Дед Мороз давал подарок за стихотворение.
 ДОВТ. И я дам. Прочитай-ка.
 ХЕДА.

Эй, взрослые, подождите.
 Моя корзиночка пуста:
 Без конфет и куклы Барби
 Она не радует меня.
 Вы же тоже были детьми,
 Веселились, как могли.
 Вам Мороз дарил подарки.
 А что видим мы?
 Холод войны, оружие, гул...
 Бомбы, снаряды и слезы родных.
 Если завтра иль сегодня,

Не убьете Дракона войны,
Мы на большом самолете
Аж в Африку улетим.

ДОВТ. Эх, живи ты долго! Очень хороший стишок! Кто тебя ему научил?

ХЕДА. Шама научил, вот с этого журнала.

ДОВТ. Ну, тогда держи орехи от Деда Мороза... *(Достает из кармана орехи)*.

МАМЕД. И я тоже знаю.

ДЕНИ. Что ты знаешь?

МАМЕД. Я знаю песенку котенка.

ДЕНИ. Ну, так спой.

МАМЕД.

Я пушистый, я гордый.
Я котенок бабушкин.
Бабуля наливает молоко –
Я весело его лакаю.
Когда бабуля ругает –
Я горько плачу.
Я лишь в окошко видел снег:
Мама родила меня у печки,
Там я и вырос.

ДЕНИ. О-о, это была красивая песенка. Она заслуживает подарка. *(Достает из кармана конфету)*.

ДОВТ. Стихотворение прочли, песенку спели, вот если еще станцуете, будет настоящий праздник.

АЙШАТ. А как же танцевать без гармошки?

ДОВТ. А гармошка и не нужна. Я напою мелодию.

ДЕНИ. А я по табуретке барабанить буду.

ШАМА. Не хочу я танцевать.

ДЕНИ. Да ты что? Если девочка хочет танцевать, стыдно парню отказывать ей.

ДОВТ. Давай, давай!

Довт напевает:

Умерши, не воскреснем.
Постаревши, не помолодеем.
Родившие нас матери
Не родят нас снова.

Дени барабанит. Шама с Айшат танцуют.

ДЕНИ. Станцевали хорошо, особенно девочка. Поэтому девочке – подарок – шарф. *(Сняв шарф со своей шеи, вешает на плечи Айшат)*.

ДОВТ. Да и парень не промах! Поэтому и ему надо сделать подарок – перчатки. *(Достав из кармана перчатки, отдает их)*. Хоть и великоваты слегка, зато руки не замерзнут.

ХЕДА. И все-таки Новый год не таким бывает!

ДЕНИ. А каким, расскажи...

ХЕДА. Взявшись за руки, вот так, водят хоровод вокруг елки, поют песенки.

ДЕНИ. И мы так же поступим, беритесь за руки.

МАМЕД. Айшат будет елочкой!

Дети пытаются образовать круг, взявшись за руки.

Довт и Дени становятся с ними.

Новый год, Новый год!
Приди ты с миром к нам!

Новый год, Новый год,
Ты счастья принеси.

ХЕДА. А знаете, что еще на елке бывает? Там играют в кошки-мышки.
МАМЕД. Хорошо, тогда я – кот, а ты – мышка.

Хеда убегает, Мамед бежит за ней. Другие поют:

Мышка, мышка, беги,
Беги далеко!
Кошка, не спи,
Быстро мышку лови.

*Дени с Довтом должны взяться за руки, иначе их круг
остается разорванным.*

ХЕДА. Возьмитесь за руки, не пропускайте кота.

*Довт и Дени берутся за руки. Долго бегают кот и мышка.
Потом кот ловит мышку. Хеда плачет.*

ДЕНИ. Хеда, что с тобой? Ничего страшного, что мышка поймалась. Теперь ты будешь кошкой, а Мамед – мышкой.

Хеда плачет еще громче.

ХЕДА. Мама с папой не возвращаются...

ДОВТ. Они вернутся.

АЙШАТ. Конечно, вернутся. И мои с Мамедом родители придут вместе с ними.

Шама, подав знак, отводит Дени и Довта в сторону.

ШАМА. Наши родители умерли. И их тоже... Мы малышам не говорим, скрываем от них.

ДОВТ. Я знаю, ты сын Берса.

ШАМА. Ты знал моего отца?

ДОВТ. Я был его другом. Это я дал тебе имя Шама.

ШАМА. Как хорошо, что ты нас нашел!

ДЕНИ.: Я тоже учился с твоим отцом и был его другом. Да смилостивится над родителями вашими Всевышний!

ДОВТ. Да простит их! Иди, Шама, к детям. Нам поговорить надо.

Шама подходит к детям.

Что будем делать с детьми?

ДЕНИ. Надо спасти их.

ДОВТ. Я отвезу их в горы к родственникам.

ДЕНИ. Да ты что?! В горах людям самим тяжело, да и бомбят сейчас там.

ДОВТ. Что же тогда делать?

ДЕНИ. Я отвезу этих детей в Кабарду... в санаторий. Там безопасно и есть возможность учиться.

ДОВТ. Тогда быстро отправляйся с ними в дорогу с детьми. Если придут мои товарищи, мне будет трудно им объяснить, кто ты.

ДЕНИ. Дети, собирайтесь. Мы уходим.

ШАМА. Куда?

ДЕНИ. Туда, где нет войны... В теплый и светлый дом.

ХЕДА. Там будут куклы?
 ДЕНИ. Будут.
 МАМЕД. Там будет много-много хлеба?
 ДЕНИ. И хлеб будет, и все будет.
 АЙШАТ: Куда ты нас везешь?
 ДЕНИ: Подальше от войны, не бойся, там много наших земляков.
 ДОВТ. Быстрее одевайтесь и берите только необходимое.
 АЙШАТ. У нас ничего нет, кроме того, что есть на нас.
 ДЕНИ. Идемте тогда.

В этот момент на улице раздается шум машины.

Подождите, я посмотрю. (*Выходит*).
 ГОЛОС ОФИЦЕРА. Стой! Кто такой? (*Останавливается*).
 ДЕНИ. Замначальника райотдела милиции Ахаев Дени! (*Дени показывает удостоверение*).
 ГОЛОС ОФИЦЕРА. Что ты здесь делаешь?
 ГОЛОС ДЕНИ. Плановый обход квартала силами райотдела.
 ГОЛОС ОФИЦЕРА. Помощь нужна?
 ГОЛОС ДЕНИ. Спасибо, нет пока.

Слышно, как отъезжает машина. Дени заходит.

ДОВТ. Ушли?
 ДЕНИ. Ушли.
 ДОВТ. Милость Всевышнего безгранична.
 ДЕНИ. Слава Всевышнему!
 ДОВТ. Быстрее в путь!
 ДЕНИ. Да, пора. Но прежде я бы хотел, чтобы ты мне поверил.
 ДОВТ. Сейчас не до этого!
 ДЕНИ. Этот мир для меня стал горше желчи. Как мне жить, если меня обвиняют в том, чего я не делал?!
 ДОВТ. Как бы там ни было, все уже случилось. Давай больше не будем об этом.
 ДЕНИ. Ты должен знать правду.
 ДОВТ. Но ты же не сможешь всем ее доказать. В нашем селе все обвиняют тебя...
 ДЕНИ. Перед односельчанами я поклялся в своей невиновности, для меня главное, чтобы в меня поверили дети Берса и ты...

Раздается какой-то шум. Вбегают два боевика.

1-ЫЙ БОЕВИК. Кто здесь?
 ДЕНИ: Кто бы здесь ни был, здесь дети, уберите оружие!
 2-ОЙ БОЕВИК. (*увидев Довта*). Это ты, Довт?
 ДОВТ. Я.
 1-ЫЙ БОЕВИК (*заметив Дени*). А это кто?
 ДОВТ. Это мой товарищ.
 1-ЫЙ БОЕВИК. Мне что-то не нравится его форма...
 ДОВТ: Это наш человек, он нам помогает.
 1-ЫЙ БОЕВИК: Кажется, я его раньше где-то видел!
 ДЕНИ. А я вижу тебя впервые.
 2-ОЙ БОЕВИК. Довт, знаешь, что сделали наши парни?
 ДОВТ. Что?
 1-ЫЙ БОЕВИК. В Москве...
 ДОВТ. Что случилось в Москве?
 1-ЫЙ БОЕВИК. Так ты ничего не знаешь?

ДОВТ. О чем это я не знаю?

1-ЫЙ БОЕВИК. Подожди, радио настрою.

Включает транзистор, говорит диктор: «Уже 20 часов прошло, как в театральном центре на Дубровке чеченские террористы захватили около тысячи заложников...»

1-ЫЙ БОЕВИК. Молодцы! Сделали то, что нужно!

ДИКТОР: «... Среди них десятки женщин и детей...»

2-ОЙ БОЕВИК. А когда нас бомбили, не знали, что есть женщины и дети?!

1-ЫЙ БОЕВИК. Нас тут морят голодом и холодом, уничтожают, а сами спят в тепле, принимают ванны, ходят в театры... Ля-ля-ля... Так не пойдет! Если умирать, то всем вместе. Если жить, то всем и жить.

ДИКТОР: «... При попытке вырваться из здания театрально-концертного зала террористами застрелена одна из заложниц...»

2-ОЙ БОЕВИК. А сколько вы их здесь уничтожили?

1-ЫЙ БОЕВИК. Здесь тоже убивают безвинных.

2-ОЙ БОЕВИК. Войны не бывает, чтоб одним молоко лилось, а другим – кровь.

ДЕНИ. Разве они виноваты в том, что здесь уничтожают людей?

1-ЫЙ БОЕВИК. Что ты сказал?

2-ОЙ БОЕВИК. *(направив автомат)*. Ты кто такой вообще?!

ДЕНИ. Я?

1-ЫЙ БОЕВИК *(щелкая затвором)*. Я уничтожу тебя, продажная шкура.

ДОВТ. Уберите оружие! Я же сказал – это мой товарищ.

1-ЫЙ БОЕВИК. Как может быть твоим товарищем говорящий такое?

ДОВТ. Каждый имеет право на свое мнение.

2-ОЙ БОЕВИК. Где-то я его видел. Похоже на то, что он оппозиционер... Эй, приятель, пока я не опустошил этот рожок, говори *(направляя автомат)*, кто ты есть?

МАМЕД. Дядя, не ругайся.

ХЕДА. Дядя, ты плохой!!

2-ой боевик удивленно смотрит на детей.

2-ОЙ БОЕВИК *(крича)*. Почему это я плохой?

ДОВТ. Если ты нормальный, не кричи на детей!

2-ОЙ БОЕВИК. Тогда скажи, кто это такой?

ДОВТ. Это мой односельчан, друг. Ты мне уже не доверяешь?

2-ОЙ БОЕВИК. Тебе доверяю.

ДОВТ. Вот и хорошо. Нужно быть терпеливым!

1-ЫЙ БОЕВИК. О каком терпении ты говоришь, Довт?! Пулеметной стрельбой с вертолета они убили трех моих сестер и четверых братьев... Младшему было всего пять лет! Пока во мне бьется сердце, я буду мстить.

ДОВТ. Всевышний дозволил кровную месть лишь в отношении того, кто причастен к убийству.

2-ОЙ БОЕВИК. Они все виновны, все, кто принадлежит к их национальности – и стар, и млад. Я не отпускаю никого, кто попадает мне в руки.

ДОВТ. Нельзя так сходить с ума: на этой войне нет человека, у которого не погибли бы близкие. Но все же люди сохраняют человечность... Если следовать твоей логике, горя на нашей земле будет больше...

2-ОЙ БОЕВИК. Горя? Да пусть горит синим пламенем весь этот мир! Когда в один день в мой дом попала бомба и погибли двенадцать человек – отец, мать, братья, сестры, жена, сын – я проклял этот мир: пусть взорвется атомная бомба и уничтожит его полностью! Меня не остановит ничто. Почему горе, которое выпало на мою долю, не должны пережить другие? Жаль, что я не с теми, кто сейчас в Москве... Я бы давно взорвал и это здание, и всех, кто там находится...

ДЕНИ. Послушай...

1-ЫЙ БОЕВИК. Тебе слова никто не давал!

ДЕНИ. У меня те же права на этой земле, что и у тебя.

2-ОЙ БОЕВИК. Нет! (*Передергивает затвор автомата*).

ДОВТ. (*Заряжая свое оружие*). Здесь у всех нас одинаковые права.

2-ой боевик отступает.

Дени, что ты хотел сказать?

ДЕНИ. Все, что он сказал, не имеет значения, потому что мы все смертны и каждый из нас понесет ответственность за свои поступки перед Богом в Судный день. Все наши поступки – хорошие и плохие – будут взвешены на чаше весов.

2-ОЙ Боевик. Я все это знаю сам и тебе могу рассказать. Перед Богом я сам отвечаю.

ДОВТ. Хорошо, что хоть там все именно так.

Стук в дверь. Все затихают.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Детки мои, как вы там?!

ШАМА. Это баба Надя. Баба Надя, иди к нам.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Я принесла вам баночку сгущенки.

Отдает банку Шама.

ХЕДА. Шама, открой.

МАМЕД. И я хочу...

В этот момент Надежда Петровна замечает посторонних.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А у вас тут гости...

1-ЫЙ БОЕВИК (*направляя автомат*). Как раз ждали вас.

ДОВТ. Надежда Петровна, вы ли это?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Да, я. А вы кто?

ДОВТ. Вы меня не помните? Я ваш ученик – Амаев Довт.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А-а, вспомнила... мой лучший ученик... ты же хотел стать историком... поступил в институт?

2-ОЙ БОЕВИК. До учебы ли тут, когда вы нас бомбите?! (*Направляет автомат*).

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Мы?..

ХЕДА. Баба Нада хорошая!

МАМЕД. Она нам принесла сгущенку.

ДОВТ (*загораживает Надежду Петровну*).

2-ОЙ БОЕВИК. Если эту тварь уничтожу, на моем счету будет ровно двенадцать.

ДОВТ. Ты что? Ты же чеченец! Как ты можешь направить оружие на пожилую женщину?!

2-ОЙ БОЕВИК. Мой дед, которого они убили, был старше.

ДОВТ (*становится напротив него*). Убери оружие! Так не вершат кровную месть. Вспомни наших отцов! Они не убивали своих врагов, когда находили их немощными, старыми, как эта женщина.

2-ОЙ БОЕВИК. Надоели мне эти сказки!

ДОВТ. Это не сказки... Это обычаи предков. Если кровник или враг в его доме принимал пищу или совершал молитву, чеченец не стрелял в него. Ты же собираешься убить человека, с которым не знаком!

2-ОЙ БОЕВИК. Эти обычаи остались в прошлом, Довт!

ДОВТ. Не для всех. Убери оружие!

ДЕНИ. Сказано вам убрать оружие!

*2-ой боевик опускает автомат. В этот момент зазвучала рация:
«Орел! Орел! Я Эмир!»*

1-ЫЙ БОЕВИК. Орел слушает.
ГОЛОС ИЗ РАЦИИ. Двигайся быстрее со своим товарищем в условное место!

1-ЫЙ БОЕВИК (*своему товарищу*). Пойдем, собаки наступают...

Двое боевиков убегают.

ДОВТ. Присаживайтесь, Надежда Петровна.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. У вас нет воды... я схожу за водой.

ДОВТ. Ничего не бойтесь... Пока я жив, никто вас пальцем не тронет.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Спасибо, пойду я.

Берет ведро и идет к выходу.

ДОВТ. А теперь, Дени, отправляйся с детьми в дорогу.

ДЕНИ. Хорошо. Пойдемте, дети.

Картина пятая

Надежда Петровна, Дени, дети идут к двери. Но в это время на улице раздается сильный шум. Всех загоняют в подвал. следом заходят солдаты.

1-ЫЙ СОЛДАТ. Заходите! Быстро!

2-ОЙ СОЛДАТ. А ну пошли, сволочи!

Слышен голос офицера.

ГОЛОС ОФИЦЕРА. Гоните всех в подвал!

Довт хватается за оружие, но Дени вырывает у него его.

ДОВТ. Мой автомат!

ДЕНИ. Его лучше спрятать...

Подталкиваемые солдатами, в подвал заходят люди: старики, молодежь, женщины, дети. Люди еле помещаются в подвале. Вслед за всеми появляется офицер.

ОФИЦЕР. Стоять, дикари!

Стреляет. Видит транзистор на столе.

Весело вам, транзистор слушаете? Посмотрим, кто будет смеяться последним!
(*Кричит на улицу*). Гони всех сюда!

СЕРЖАНТ. Заходим! Быстро!

СОЛДАТ. Встали! Твари!

Солдаты, толкая, вталкивают людей: пожилых, молодых, женщин, детей.

ОФИЦЕР. Все к стенке! Послушаем транзистор.

СТАРИК. Что вы от нас хотите? Зачем мучаете? Мы граждане России.

ОФИЦЕР. У вас нет гражданства, вы твари и бандиты!

СТАРИК. Не стыдно тебе говорить такое? Я тебе в отцы гожусь!

ОФИЦЕР. Молчать! Еще одно слово – и я пристрелю тебя!

СТАРИК. Это ты помолчи! Знаешь, кто я такой? Я от Днепра до Берлина дошел, расчищая нашу Родину от фашистов!

ОФИЦЕР. Где же твои медали?

СТАРИК. Укralи такие, как ты.

ОФИЦЕР. Врешь! Старый бандит!

СТАРИК. Бесстыжий щенок!

Пытается ударить офицера палкой. Офицер бьет его прикладом, старик падает.

ОФИЦЕР. Сталин хорошо знал, как вы воевали...

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Как вам не стыдно? Это же ветеран...

Люди оттаскивают старика к себе, дают воды.

ДЕНИ. Товарищ офицер! Я такой же российский офицер, как и вы, зам. начальника райотдела милиции, вот мои документы...

ОФИЦЕР. Зачем мне твои документы? Кто б ты ни был, ты – чеченец! А значит – бандит! Забрать у него оружие!

ДЕНИ. Отпусти женщин и детей!

ОФИЦЕР. Заткнись! Тут я решаю...

ГОЛОС ДИКТОРА: «...Террористы разрешили выйти из здания мусульманам и грузинам».

ОФИЦЕР. Ты посмотри на этих сволочей. Своих выпускают! Понятно, почему мусульман... А причем тут грузины?! Потому что отдали бандитам Панкисское ущелье в аренду. Ладно, и мы поступим так же. Кто тут христианин, не чечены есть?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Я христианка, русская я.

ОФИЦЕР. Раз так, выходи отсюда быстро. Мы тебя отпускаем...

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Я не выйду.

ОФИЦЕР. Ты христианка?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Христианка, русская – Надежда Петровна Волкова.

ОФИЦЕР. Ну, так иди. Они своих отпускают, а мы – своих.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Я не уйду!

ОФИЦЕР. Ну и ну! Почему же?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Если вы отпустите всех, и я выйду!

ОФИЦЕР. Ах ты, тварь, продалась этим чеченам! Я же не зря говорю: эти чеченские русские хуже этих туземцев! (*Прикрикнув на своего солдата*). Правильно я говорю?

СОЛДАТ. М-м, не знаю...

ОФИЦЕР. Что ты несешь? (*Бьет его*). На мои слова нужно отвечать: «Так точно!» – понял?

СОЛДАТ. Так точно.

1-ый солдат недовольный отходит.

ОФИЦЕР. Что же с тобой, тетка, делать? Сдохнешь с ними! Надежда Петровна Волкова... у тебя и фамилия для этих дикарей подходящая.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Я живу здесь шестьдесят лет. Я учительница. Многие из тех, кто находится здесь, мои бывшие ученики, мои родные и близкие... Я не уйду без них.

ОФИЦЕР. Посмотрел бы я на тебя, если бы ты столкнулась с их бандитами.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. А ты меня бандитами не пугай. Мало что ли я их видела! После 1-ой войны в мой дом забралась боевики. Тогда мои соседи, мои бывшие ученики пришли на помощь. С тех пор они оберегают меня.

ОФИЦЕР. Сказки! За эти сказки бандиты платят тебе деньги, чтобы ты эти сказки налево-направо рассказывала!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Никакие бандиты мне ничего не платят! Просто вокруг меня хорошие и добрые люди, которые мне помогают. Но тебе этого не понять...

ДЕНИ. Оттого, что такие, как ты, творят беззаконие, люди теряют уважение к военным, к структурам.

ОФИЦЕР. Молчать! Ваше уважение никому не нужно! Тихо! Я сказал, заткнитесь все! (*Становится слушать транзистор*) Слушайте...

ГОЛОС ДИКТОРА: «По просьбе детского доктора Леонида Рошаля террористы отпустили нескольких детей... Но подростки еще остаются...»

ОФИЦЕР. Ой, какие добренькие у нас стали террористы... деток отпустили... Что ж, и мы поступим так же. Есть здесь дети? Я спросил: дети есть?

Люди расступаются, показывая детей: Айшат, Шаму, Хеду, Мамеда...

Выходите!

ОФИЦЕР. Ну, пошли отсюда! Давайте, марш отседова!

ШАМА. И куда нам идти?..

ОФИЦЕР. Куда хотите! Хоть на все четыре стороны!

АЙШАТ. Это наш дом, вы и уходите!

ОФИЦЕР. Ах, гадюка! Свой чеченский характер показываешь! Ну что с вами сделаешь, вы выбрали свою участь!

СТАРИК. Дени, ты офицер, выберись отсюда под любым предлогом, уведи детей.

ДЕНИ. Я не оставляю вас.

СТАРИК. Ты сначала попробуй выбраться, а после вернешься с милицией и вытащишь нас...

ДЕНИ. Товарищ офицер! Я отведу этих детей!

ОФИЦЕР. Назад! Так дело не пойдет! Хитришь, мент? Не хотят сами уходить? Ну так пусть сдохнут тут вместе с вами. Вы все мои заложники. Ясно? Что хочу, то и сделаю с вами!

ГОЛОС ДИКТОРА. «...В здание, захваченное террористами, вошел депутат Госдумы от Чечни Асламбек Аслаханов. Он убеждает террористов отпустить заложников...»

ОФИЦЕР. Да ничего он не убеждает! Он, наверное, советы террористам дает, как сухими из воды выйти! Он, хоть и депутат, такой же, как и вы. Вы все бандиты! Все! Поэтому и детей я не отпущу!

СТАРИК. Послушай... в чем наша вина, что эти мерзавцы издеваются там над невинными людьми? Пусть Аллах покарает их!

ОФИЦЕР. Не верю! Свою шкуру хочешь спасти?

СТАРИК. Пусть проклятие Всевышнего падет на тех, кто издевается над невинными людьми!

ОФИЦЕР. Заткнись! Лучше прощайся с этим миром, у тебя не так много времени осталось...

ДЕНИ. Отец, оставь его, не стоит... (*Дени отводит старика в сторону*).

ХЕДА (*Дени*). Дядя, он меня убьет?! (*Плачет*).

ДЕНИ. Не плачь, Хеда. Я не позволю тебя обидеть...

МАМЕД (*Довту*). Этот человек сошел с ума?

ДОВТ. Да, сошел.

МАМЕД. Может, он выпил много водки?

ДОВТ. Да, из-за этого его голова разболелась.

МАМЕД. А когда его голова вылечится?

ДОВТ. Когда получит по башке.

ОФИЦЕР. А ну, прекратите базарить на своей тарабарщине! Слушайте транзистор – он вам и судья, и палач. Можно сказать, он – ваш Бог, потому что ваши судьбы в его руках. Так что слушайте своего Бога.

ГОЛОС ДИКТОРА. «... Минуту назад возвратился из театрального центра на Дубровке народный артист СССР Иосиф Кобзон...»

ОФИЦЕР. Давидович! Всюду они свой нос суют!

ГОЛОС ДИКТОРА. «...Вместе с Кобзоном вышли четверо заложников, отпущенных террористами...»

ОФИЦЕР. Ну надо же! Уважили Кобзона! Еще бы, они же платят этим деньги. Сначала заварят кашу, а потом спешат на помощь, как этот теперь. Места славянам не оставили. Сами все закрутят, сами и осудят, сами и скулят после, мол, страдаем... Окружили со всех сторон матушку-Россию!

ДОВТ. Тебе оставили работу палача...

ОФИЦЕР. Х-мм... Кто это сказал?

ДОВТ. Я.

ОФИЦЕР. А-а, это ты? Очнулся? Слишком умный для чеченца! Сейчас вырубим тебя, да только навсегда!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Аааа, знаете, Кобзон здесь начинал свою карьеру певца... у него даже песня есть о Грозном... всем она очень нравилась.

ОФИЦЕР. Да? И кто знает эту песню? Кто споет? Ну-ка...

Все молчат.

Кто споет эту песню, того я отпущу!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну что-же вы, неужели никто ее не помнит? Она же часто звучала по радио... лет тридцать назад... ой, совсем, старая, разума лишилась... вас же многих тогда и на свете не было или вы были совсем маленькими.

Дети, стоящие вокруг, улыбаются.

Товарищ офицер, если я спою эту песню, отпустите милиционера с детьми...

ОФИЦЕР. Ладно. Пой давай.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА.

Я на свете повидал немало
Древних и красивых городов,
Но таких, как Грозный, не встречал я,
Не видал нигде таких садов...

ОФИЦЕР. Ну да! Особенно теперь, похорошел ваш Грозный! Прямо кавказский Лос-Анджелес!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА.

Песня, лети, песня, лети,
Обойди все горы!
Песня, лети, всем расскажи,
Как живет наш город.

Здесь чеченец, русский, ингуш счастья
Добывают в творческом труде...

ОФИЦЕР. Ну, все, хватит! С этими дикарями какая может быть жизнь, а тем более счастье!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА *(продолжает петь все громче)*.

Дорогая, милая столица,
Расцветай...

ОФИЦЕР. Заткнись! Что ты песни распевашь, когда в Москве сотни людей в заложниках сидят у террористов...

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА *(поет еще громче)*.

...Песня, лети, всем Расскажи,
Как живет наш город!

ОФИЦЕР. Заткнись, я сказал!

Хватает Надежду Петровну за руку, толкая ее, та падает.

СОЛДАТ. Вы что! Она же мать! Как же мать можно ударить?

ОФИЦЕР. Замолчи, тварь! (*Бьет прикладом солдата – тот падает*).

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Вы же сами сказали петь...

ОФИЦЕР. Да, сказал! Мне тут концерты закатывать не надо!

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ну, тогда выполните данное вами обещание!

ОФИЦЕР. А что я обещал?

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Отпустить с детьми этого молодого человека...

ОФИЦЕР. Тихо! Тихо, я сказал! Послушаем, что тут ваш Бог говорит!

ГОЛОС ДИКТОРА. «...Несколько минут назад в театральном-концертном зале раздались выстрелы... Боевики расстреляли одного из заложников...»

ОФИЦЕР. Так, так!..

В подвале стоит тишина.

Я исполню то, что ваш Бог велел. Он только что по транзистору объявил, что один из вас должен отправиться к нему с пулей промеж глаз...

ДЕНИ. Я, как служащий российской милиции, требую прекратить этот беспредел! Иначе, я обещаю, что тебя будут судить по всей строгости закона!

ОФИЦЕР. (*Стреляет в Дени и ранит его. Шум людей, крики и плач женщин*).

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Умоляю, Христа ради, не надо!

ОФИЦЕР. Молчать! Бог-транзистор выше Христа. Я не могу не исполнить того, что он требует. А транзистор-бог требует жертву. И сейчас мы выберем скотинку, чтобы уложить ее на алтарь. А милиционера оставим на десерт.

ДЕНИ. Я сейчас сделаю из тебя десерт!

ОФИЦЕР. Чтоооо?!

Люди загораживают Дени, выходит старик.

СТАРИК. Дени, будь терпеливым! Среди нас женщины и дети...

ОФИЦЕР. Молчать! Заткнулись все!

Вглядываясь каждому в глаза, проходит мимо заложников. Многие опускают взгляды. Довт же смотрит прямо.

Отведи глаза!

ДОВТ. (*Еще больше устремляет свой взгляд на него*). Я ничего постыдного не сделал, чтобы отводить глаза.

ОФИЦЕР. Ты подойдешь для жертвоприношения. Поставить его к стенке!

Солдаты выполнили приказ офицера. Офицер наставляет на него автомат.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Ради Христа, не делайте этого. Это мой лучший ученик. Он отличник, вежливый, воспитанный мальчик.

ОФИЦЕР. Что ты несешь?! Пошла вон!!!

Взводит курок. Надежда Петровна бросается наперерез.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА. Остановитесь! Ради Христа...

Выстрел – Надежда Петровна падает. Раздаются выкрики людей, дети плачут.

ОФИЦЕР. Нечего было лезть! Так ей и надо! Мерзавка! А ты сейчас отправишься за своей училкой!

Наставляет автомат на Довта, но в этот момент солдат стреляет. Офицер падает. Солдаты наставляют оружие на Дени и других людей.

СЕРЖАНТ (*выступает резко вперед*). Спокойно! Спокойно! Я старший по званию. Я беру командование на себя. Солдаты, слушай мой приказ! Опустить оружие! Опустить оружие! (*Солдаты опускают свои автоматы*). Наш товарищ погиб при исполнении служебного долга. Ясно? Забираем его и уходим! (*солдату*) Подними автомат!

Солдаты подняли убитого, выходят. Люди собираются вокруг тела Надежды Петровны.

СТАРИК. Я свидетельствую, что эта женщина была хорошим человеком. Тридцать лет мы были соседями. Она прожила свою жизнь достойно. Долгие годы она обучала чеченских детей и погибла, спасая чеченского парня...

ЛЮДИ. Да, хорошим она была человеком... Это правда.

СТАРИК. Завтра предадим ее земле... Дети, идите сюда, мы найдем для вас другое убежище.

ДЕНИ. За них не беспокойся... я их отвезу в безопасное место.

Люди, подняв Надежду Петровну, выходят.

Картина шестая

ДЕНИ. Рассвело...

ХЕДА. Хорошо, что наступило утро.

ДЕНИ. Да, хорошо. Нам пора уходить.

ДОВТ. Да, быстрее, пока еще что-то не случилось.

МАМЕД. Дядя, а ты с нами поедешь?

ДОВТ. Нет, Мамед, всем нельзя уходить... Кто-то должен остаться дома... Я останусь...

ГОЛОС ДИКТОРА. «...Только что завершилась операция по обезвреживанию террористов, захвативших в заложники около тысячи человек. Все террористы уничтожены. К сожалению, не обошлось без жертв среди заложников...»

Тишина.

ДОВТ. И снова пострадали невинные люди.

ДЕНИ. Довт, я не убивал Берса.

ДОВТ (*оборачивается*). Что?

ДЕНИ. Я не стрелял в ту ночь!

ДОВТ. Верю... Теперь верю... Но кто же его убил?

ДЕНИ. Тот, кто выключил свет в ту ночь... Кто привык творить зло во тьме.

ДОВТ. Значит, кто-то третий сеет между нами раздор...

ДЕНИ. Да, Довт, да. Я это давно понял...

ДОВТ. Дени, ты, наверное, знаешь, что я ушел из отряда, я сам веду свою борьбу.

ДЕНИ. Я слышал... поэтому тебя называют Одиноким Волком.

ДОВТ. Несчастливая судьба у одинокого волка... у волка, отставшего от своей стаи. Когда я вступил на путь борьбы за свободу, я очень ненавидел вас и, если бы год назад наткнулся на тебя, не моргнув, отправил бы на тот свет. Но сейчас все изменилось... тогда я многого не понимал...

ДЕНИ. И что тебя так изменило?..

ДОВТ. Я никак не могу забыть эту картину... Холодная осенняя ночь... Мы трое пошли в село, что находится за опушкой леса. Наш командир не говорил по-чеченски... только на русском немного... «Мы идем уничтожить врага Аллаха», – сказал он... Постучали в дверь одного дома на окраине села, вышла женщина.

«Дома хозяин?» – спросил напарник. Женщина ответила отрицательно, но, не поверив ей, мы оттолкнули ее и вошли в дом.

Старуха качала колыбель. В стороне молился тот, кого мы искали... Было время после полуденного намаза... Когда мы вошли, старуха выбежала вперед: «Ради ангела в этой люльке – не убивай его!» Но наш эмир даже не взглянул на нее, отдал нам приказ стрелять. Я не стрелял! Но мой товарищ выстрелил... Когда мы вошли в лес, я сказал им, что на этом наши пути расходятся. Но эмир сказал: «Мы не можем так просто расстаться», – он потянулся за своим оружием. Однако я опередил его. Он навсегда остался лежать в той чаше. Второй быстро скрылся. Тогда я понял, что отряд, к которому я примкнул, сражается не ради веры, не ради чеченского народа. У них свои, не понятные мне, цели. С тех пор я и стал Одиноким Волком. Мой лес – эти городские развалины. Мой долг – помочь тем, кто остался в этих развалинах.

ДЕНИ. Мы слышаны о тебе, и я думаю, что твое место – в наших рядах. Один ты ничего не добьешься. Мы должны быть на одной стороне.

ДОВТ. В течение этих четырех лет я следовал за многими командирами... Но никто из них не был обеспокоен судьбой своего народа.

ДЕНИ. Есть люди, которые обеспокоены судьбой своего народа и которые трудятся ради него, не жалея своей жизни... Однажды, когда мы проезжали по одной из городских улиц, взорвались две машины из нашей колонны... Эту засаду сделали враги Аллаха... Наша машина не пострадала при этом теракте... Я выжал до упора газ, стараясь отъехать подальше от места взрыва, но наш руководитель, сидевший сзади, тронул меня за плечо: «Куда же ты? Разворачивайся», – сказал он. На всеобщее негодование остальных пассажиров он в приказном тоне ответил: «Мы не можем оставить в беде наших товарищей!» И мы развернулись... В тот день я понял, что для этого человека дорожке собственной жизни является жизнь своих товарищей и своего народа...

ДОВТ (*задумавшись*) Мне надо подумать... Ладно, не задерживайся. Возьми детей и уходите.

ДЕНИ. Оставайся свободным.

ДОВТ. Идите свободными.

Дени уходит с детьми

ДОВТ. Сбереги вас Всевышний.

Проходит время, Довт находит игрушку Хеды. Взяв ее, выбегает на улицу, чтобы отдать. Дети уже далеко, он возвращается. Сам себе:

Ушли...

Довт слышит голоса тех, кто был в подвале.

Как много всего произошло сегодня... Дени, воюющий против нас, которого я считал своим жестоким врагом, спас меня от солдат. А русская женщина спасла меня от смерти ценой своей жизни. Значит, не такие уж мы и враги... Тогда зачем мы проливаем кровь друг друга?..

Он находит куклу и бежит вслед за детьми с криком: Хеда!

В этот момент Довт видит вереницу беженцев, несущих фотографии пропавших без вести родственников. Довт становится за ними и уходит.

Занавес.

Перевод с чеч. Лидии ДОВЛЕТКИРЕЕВОЙ

Память**Вахид Адуев****Патриот с судьбою эмигранта**

Прошло почти семьдесят памятных лет с тех пор, как 23 февраля 1944 года чеченский народ, как и многие другие народы Советского Союза (официально не менее 14), ложно обвиненный в коллаборационизме (в пособничестве нацистам), сталинскими приспешниками под руководством «вождя народов» был насильственно выслан со своей исторической родины. В рамках спецоперации под названием «Чечевица» в считанные часы всех чеченцев и ингушей погрузили в неотапливаемые товарные вагоны и выслали в Сибирь и Среднюю Азию. Позже, 25 июня 1946 г., в газете «Известия» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета от 7 марта 1944 г. «О ликвидации Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики и выселении ее населения». Чеченцев и ингушей обвинили в добровольном сотрудничестве с немецкими формированиями и массовом выступлении против Красной Армии. И это в те дни, когда десятки тысяч представителей чеченцев и ингушей самоотверженно сражались и гибли на фронтах Великой Отечественной войны. Приговор был суров: народ выслали без права вернуться на прежнее место жительства.

13 лет лишений и голода, более 200 тысяч смертей, повсеместное ущемление прав, сопровождающееся арестами, и позорный статус «спецпереселенца» с клеймом изменника родины – такова цена, которую заплатил народ, прежде чем вернуться в Даймохк (Страну отцов).

Предательство руководства страны в последующем отразится не только на образе жизни, но и на гражданском сознании высланных народов, что во многом определит восприятие себя как единого народа, оказавшегося перед общей бедой. Именно в такие периоды истории разгула коварства и волюнтаризма политиков, ущемляющих права целых народов, в умах созревает великая гуманистическая идея, носителями которой стали Абдурахман Авторханов, Салаудин Гугаев, Хамид Умаров и многие другие борцы против произвола «чекистской инквизиции», отстаивающие честь и достоинство чеченского народа.

О жизни и деятельности известного политолога, историка и публициста Абдурахмана Авторханова сказано и написано немало. Правнук бесстрашного абрека и внук мирного грамотного чеченца, он вобрал в себя и бунтарский дух, и страсть к образованию. Его учителями были соратники Ленина, его преподаватели в Институте Красной Профессуры и на курсах марксизма при ЦК были из окружения Сталина, но он никогда не был рабом сталинской системы и фанатиком коммунистических идей.

Объявленный коммунистическим режимом «врагом народа», он был вынужден скрываться от преследований за границей. Будучи в вынужденной эмиграции, Авторханов работал над анализом сталинской политической системы, изобличая идеологию и практику тоталитарного режима Советского Союза. Его классические труды, которые стали известны широкому кругу читателей нашей страны только с начала 90-х годов XX в., до сих пор остаются бестселлерами: «Ленин в судьбах России», «Происхождение демократии», «Технология власти», «Империя Кремля», «Народоубийство в СССР», «Сталин у власти», «Загадка смерти Сталина», «Сила и бессилие Брежнева», «От Андропова до Горбачева», «Мемуары» и другие.

Развенчать и разрушить империю Кремля стало целью жизни Авторханова. Как сказал сам Авторханов в своем первом интервью советской газете («Комсомольское племя», 1990 г. 31 мая), «единственная идея, во имя которой и смерть красна, – это идея борьбы с деспотизмом на родине или в изгнании». Он будто бы готов был крикнуть от всего сердца, от имени безмолвных голосов

репрессированных народов, что «красный» Карфаген должен быть разрушен!

Говоря о причинах депортации чеченцев и ингушей, Авторханов отмечал: «Мы свободолюбивы, но и доверчивы, эмоциональны, взрывчаты. Пользуясь этим, сталинские янычары часто провоцировали нас на многие необдуманные антисталинские восстания, чтобы на их подавлении заработать боевые ордена и повыситься в чинах. Так была подготовлена и наша депортация самими же сталинскими провокаторами».

Несомненно, и сегодня актуальным является его обращение к чеченскому молодому поколению, где он призывал: «Любите свою историю и изучайте ее, любите свой язык и развивайте его, любите рыцарские традиции, воспетые русскими гениями – Пушкиным, Лермонтовым, Толстым и нашим безмерным фольклором – славу наших предков... Не поддавайтесь больше провокациям. Запомните, что у нас нет иного пути к счастью и свободе, как через школы и университеты. Учитесь и размножайтесь».

Абдурахман Авторханов завещал: «Перенесите на родину мои кости тогда, когда в газете «Правда» появится информация о том, что я помилован».

Салаудин Гугаев

21 октября 2008 г. в Грозном состоялась международная научная конференция, посвященная 100-летию Абдурахмана Геназовича Авторханова. По итогам конференции был принят ряд важных решений, в частности – переименовать одну из центральных улиц г. Грозного его именем. Так состоялась реабилитация в памяти и в истории чеченского народа его достойного сына и патриота, отдавшего свою жизнь делу справедливости, – Абдурахмана Авторханова.

Соратником А. Авторханова и настоящим патриотом в эмиграции был и Салаудин Гугаев, о жизни и деятельности которого известно не так много. Салаудин Гугаев внес огромный вклад в борьбу против антинародной сталинской тирании, в дело восстановления честного имени чеченского и ингушского народов и их возвращения на историческую родину.

Уходя с родного села Шатой на фронт, после наставления отца Гугаев обещал, что обязательно вернется в родные пенаты. Он сдержал свое слово, но для этого долгого возвращения длиною в жизнь ему понадобилось почти полвека.

22 июня 1941 года, в первый день войны с Германией, полк С. Гугаева оказался в плену. Началась долгая, мучительная жизнь в концлагерях – сначала в Австрии, а затем – в Германии. Несмотря на все ужасы, через которые ему пришлось пройти, пленник вермахта ни разу не проявил малодушия, не струсил, оставался образцом мужества и твердости духа для своих товарищей. Долгие годы Салаудин томился в немецких концлагерях, испытал страшный труд в каменоломнях, чудом был освобожден кавказцами из белой эмиграции.

Позже, после освобождения, С. Гугаев перебирается в Соединенные Штаты Америки, где он начинает периодически публиковаться, выступать в эфире радиостанций «Голос Америки» и «Свобода», пытаясь привлечь внимание свободного мира, глав демократических государств к этническому террору, осуществляемому сталинским режимом. Стал организатором множества митингов и демонстраций в защиту репрессированных народов СССР, в которых приняли участие тысячи человек по всем Соединенным Штатам – от границы с Мексикой и до Канады.

Наиболее значительным вкладом, который внес Гугаев в дело реабилитации репрессированных в СССР народов, явилось его обращение по данному поводу в Организацию Объединенных Наций 1 июля 1955 года, накануне приезда

на Генеральную Ассамблею ООН Н. Хрущева. В документе была раскрыта античеловеческая суть жестоких сталинских акций, приводились факты, цифры, свидетельства очевидцев. (Доставить послание до адресата помогла сотрудница аппарата ООН). И когда обращение было зачитано на заседании организации, оно произвело эффект разорвавшейся бомбы. После приезда Н. Хрущева ему в жесткой форме напомнили о фактах нарушения прав и свобод целых народов в СССР. Именно тогда ему пришлось снять свой ботинок и стучать им по столу, пытаясь успокоить разъяренных участников ассамблеи. Салаудин получил официальный ответ из секретариата ООН о принятых по его письму мерах.

Сам Гугаев об этом вспоминал так: «Наше обращение в ООН было подано в тысяча девятьсот пятьдесят пятом году, спустя два года после смерти Сталина. Мы знаем, что при его жизни никто не отозвался бы на наши проблемы и беды. Обращение было подписано двумястами пятьюдесятью северокавказцами, грузинами и азербайджанцами. В ООН нам обещали разобраться с чеченской трагедией в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году, но в том же году из-за конфликта на Суэцком канале началась война. Видно, наше дело было отложено на следующий год. А в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году наше обращение было доставлено в Кремль, и Хрущев начал свое выступление с таких слов: «В чем заключалась вина чеченских женщин и детей, высланных в Сибирь в тысяча девятьсот сорок четвертом году?» И на той конференции в Кремле было разрешено чеченцам, ингушам, карачаевцам, балкарцам и кумыкам вернуться на Родину. А про турок-месхетинцев, крымских татар мы в нашем обращении не упомянули, ибо не знали об их выселении».

По словам С. Гугаева, день, когда весть о возвращении его народа домой дошла до него, стал одним из самых счастливых дней в его жизни.

В течение многих лет Салаудин Гугаев разыскивал своих земляков, пропавших без вести. С этой целью во многих странах Европы, Америки, Турции ему удалось найти место проживания и смерти 35-ти чеченцев и ингушей. Эти наши соотечественники не сдавались в плен, а оказались в окружении вместе со своими полками, армиями и, зная, что происходит с теми, кто вернулся домой после войны, они остались за границей.

В США Салаудин пользовался большой известностью и уважением не только среди кавказцев, но и среди американцев. Там его называли на американский манер – Сал Гугай. В 80-х годах Конгресс США наградил Салаудина весьма престижной в Америке Почетной грамотой за заслуги в общественной и правозащитной деятельности.

9 января 2012 года на мероприятии, приуроченном к 55-й годовщине восстановления ЧИССР, было высказано предложение, учитывая заслуги перед родиной, назвать одну из улиц Грозного именем Салаудина Гугаева и тем самым увековечить защитника и преданного сына чеченского народа.

К сожалению, очень мало или почти ничего неизвестно о судьбе еще одного выдающегося чеченца, настоящего патриота своей родины и вынужденного эмигранта, близкого друга и товарища Салаудина Гугаева, Умарова Хамида.

О жизни и деятельности Умарова Хамида написано гораздо меньше, чем о его соратниках, Авторханове и Гугаеве.

Умаров Хамид Умарович родился в 1916 году в высокогорном селении Химой, расположенном на правом берегу реки Шаро-Аргун. Хамид рос в многодетной семье, у него было пять братьев и три сестры. О своем детстве Хамид вспоминал: «Наше село было окружено различными хуторами, летом мы жили в Химое, а на хуторе Ангучи зимовали, куда угоняли скот, где хранился заготовленный покос... В горах на красивой поляне находились двенадцать каменных сидений, их занимали во время собраний главы наших двенадцати тейпов (тукхумный совет). Почитали наши обычаи, за километр от села слезали с коня и садились на него на таком же расстойнии... Не разрешали нашим девушкам ходить без платка и препятствовали тому, чтобы они уходили замуж в другие села... Мать учила быть религиозным».

Хамид Умаров (справа)

Отец Хамида, Умаров Умар, был богобоязненным и глубоко верующим человеком, что, видимо, и явилось поводом для его ссылки в 1925 году в Магадан, где он и скончался. В этот период было сослано немало представителей духовной интеллигенции чеченского народа.

В Химое Хамид получил среднее образование, позже преподавал в начальных классах, а с 1934 по 1940 гг. работал секретарем сельского совета Химоя. Был женат. 7 февраля 1940 году призван на службу в ряды Советской Армии.

Во время войны в бою (в Полтавской области на Украине) Хамид получил тяжелые осколочные ранения. Истекающий кровью, он подполз к дереву и потерял сознание.

Ему не суждено было умереть так рано:

нашлись добрые люди, которые отнесли его в безопасное место и выжили.

В 1941 году Хамид попадает в немецкий плен. Он знал, что после плена в СССР ему грозит либо расстрел, либо лагерь. Ему удалось вырваться из фашистского лагеря. Он прошел через Германию в Италию, а потом в Австрию. Хамид вспоминал: «Будучи в Австрии, я работал у богатого крестьянина. Он прятал меня от англичан, которые хотели всех «перемещенных лиц» выдать Советам. Я хорошо трудился, хозяину я очень понравился. Он мне предложил навсегда остаться у него и жениться на его дочери. Но я не смог пойти на это».

В 1945 году ему чудом удалось спастись от расстрела, организованного Сталиным. По Ялтинскому соглашению, союзники выдворяли в СССР «русских». Английскому офицеру Хамид сказал, что он турок. Офицер спросил, как по-турецки будет вода, хлеб и еще что-то. Хамид ответил «су», «чурек» и все остальное, и офицер поверил словам, которые почти одинаково прозвучали на чеченском и турецком языках.

Позже Хамид попал в турецкий лагерь, где встретил свою будущую жену, карачаевку Беллу. Сам он об этом вспоминал так: «В лагере я встретил Беллу. Она мне очень понравилась. Я договорился с нею и ее матерью, что я ее «украду», так и сделал. Но нас нашли ее братья и грозились расправиться со мной. Белла заявила им, что она моя жена и меня не покинет. Ее братья не хотели, чтобы их сестра вышла замуж за чеченца». Будучи турецким подданным, он получил фамилию Озбек. Спустя более 10-ти нелегких лет, прожитых в Турции, Хамид перебирается в США.

Салаудин Гугаев, Хамид Умаров – одни из первых чеченцев, осевших в США. Вместе с ними перебрались еще несколько ингушей, бывших участников ВОВ из числа пленников вермахта – всего 17 человек. В разные годы пустили корни на земле Колумба потомки чеченцев, выселенных царским правительством в Османскую империю еще в 1865 году и позднее расселившихся в Сирии, Иордании, Турции.

Здесь, в США, Х. Умаров активно занимается общественно-политической деятельностью, встречается с конгрессменами, с президентом США Р. Рейганом, отстаивает интересы чечено-ингушской диаспоры в Америке. Вместе с Салаудином Гугаевым и другими товарищами – вайнахами, другими кавказцами, русскими, украинцами, поляками и евреями они устраивали марши против войны в Чеченской Республике, призывали к демократии на пикете

перед Российским посольством, вели общественную работу по разрешению трагедии, постигшей чеченский народ, помогали гуманитарной помощью пострадавшим в ходе военных действий и всячески старались разделить горе и боль своего народа.

В середине 70-х годов в Нью-Джерси, в городе Паттерсон, расположенном в 30-ти км от Нью-Йорка, на собранные средства вайнахской, карачаевской, балкарской, дагестанской, адыгской и других диаспор было приобретено здание, переоборудованное в Центральную северокавказскую мечеть.

Финансовый вклад сделала и королевская семья Саудовской Аравии. На прилегающей к мечети территории нашлось место и для небольшого кладбища, а также гостиницы для приезжих.

Учредителями этой мечети стали Салаудин Гугаев, Хамид Умаров, а также двое представителей диаспоры карачаевцев и один представитель дагестанской диаспоры.

За религиозность родные и знакомые называли его Абдул-Хамидом. Будучи одним из «патриархов» вайнахской диаспоры в США, для Умарова Хамида было неприемлемо разделение чеченцев по тейпам, разделение вайнахов на чеченцев и ингушей. «Это одно целое – единый народ, а разделяют нас для того, чтобы легче было властвовать и уничтожать нас по одному, как псов, возвышая одних и ущемляя других», – говорил он.

В суровые годы депортации многие вспоминали, что чеченцы, осознавая себя единым народом перед общим горем, были близки и тверды, как никогда, быть может, такими же узлами братства и сострадания скреплены между собой и представители вайнахской интеллигенции, и всей северокавказской диаспоры в целом, проживающей в Америке.

Хамид прожил нелегкую, но вместе с тем и счастливую жизнь. Он был счастлив рядом со своими верными друзьями, со своей любящей семьей. У него было два сына, две дочери, внуки. Но для него вся северокавказская диаспора была огромной семьей. Главной мыслью его постоянного ожидания было желание вернуться домой. Он был готов ждать всю свою жизнь встречи с родиной, терпеть утраты и лишения ради этого момента счастья.

Умарова Хамида не стало в июле 2008 года. Известный этнограф Я. Чеснов писал о Х. Умарове: «Характеризуя больше всего основное качество его личности – верность самому себе, которая стала основой верности родному селу, своему народу, гуманистическим принципам, – никогда Хамид не выпячивал свое «чеченство», и в этом он самый настоящий чеченец. Гражданин мира».

Незадолго до смерти Хамид хотел приехать домой, но, будучи в преклонном возрасте, он не смог бы вынести длительного перелета. Так и суждено было настоящему патриоту «без родины» закончить свой земной путь далеко от дома, разделяемому с родной землей океаном.

Он завещал посыпать свою могилу землей отцов. Его последняя воля была исполнена – комок земли с его родного села был привезен на его могилу.

Немецкому писателю И. Гете принадлежат такие слова: «Чужбина родины не станет». Кто может лучше понять истинный смысл этих слов, если не те, кто волею судьбы вынуждены были покинуть отчий край, скитаться, подобно пилигримам, по чужим странам, и каждый раз возвращаться домой, словно паломники на землю обетованную.

Им было суждено потерять свою родину, чтобы обрести ее вновь. Недаром говорят, что страдание формирует личность. Ни ссылки, ни угрозы расправы, ни эмиграция, ни тяжелая судьба не сломили их – напротив, сделали сильнее любовь к своему народу, своей родине и укрепили веру в счастливое будущее.

Мы не имеем права забывать о тех, кому зима 44-го стала «белым саваном», не имеем права предать их память. Наша святая обязанность – чтить поступки наших героев, патриотов своей родины, положивших жизнь на алтарь мира и справедливости. В этом и заключается истинный патриотизм, ведь любовь к отечеству неотделима от любви ко всему миру.

Портрет**Айнды Якубов****Адвокат с большой буквы**

В истории российской юриспруденции (включая и советский период) знаменитых юристов было немало. Одни достигали известности благодаря пиару с сомнительной основой, другие – изнурительным трудом, третьим же сопутствовала «госпожа удача» – то есть, они оказывались в нужное время в нужном месте, а там – «колея выносила».

Чеченская Республика также известна целой плеядой именитых юристов – представителей нашего народа, среди которых особое место принадлежит адвокату Абдулле Хамзаеву (10.05.1936 – 12.06.2004). Абдулла Хамзаев – Адвокат с большой буквы. В прошлом году ему бы исполнилось 75 лет. Юрист в третьем поколении. Его дед и отец верой и правдой служили российскому престолу, были офицерами царской армии.

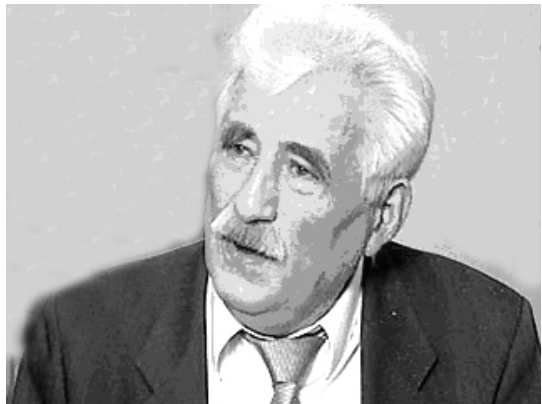
Абдулла Хамзаев родился, по одним данным, в Урус-Мартане, по другим – в Грозном, является представителем тейпа зумсой. 8-летним ребенком вместе со всей семьей был выселен в Казахстан как «враг народа». В Казахстане находился с 1944 по 1957 годы, тогда же потерял родителей. В 1961 году окончил Московский нефтяной институт им. Губкина, а в 1964 – заочное отделение Московского юридического института. С 1965 по 1979 годы прошел путь от следователя столичной прокуратуры до помощника Генерального прокурора РСФСР и СССР «по пересмотру судебных решений о смертной казни». Был следователем по особо важным делам Прокуратуры РСФСР.

В 1976 году Указом Президиума Верховного Совета РСФСР за особые заслуги А. Хамзаев получил звание заслуженного юриста РСФСР. Казалось бы, блестящая карьера для чиновника. Но в августе 1979 года он перешел в Московскую городскую коллегия адвокатов, где и трудился до конца своей жизни.

В истории нашего народа было много периодов, когда он нуждался в защите. В двадцатом веке, в первую очередь, это был период выселения. Сегодня все знают, что главным, хотя и далеким, защитником для чеченского народа в тот период был Абдурахман Авторханов.

На рубеже веков, когда прогнившая изнутри власть привела к развалу государство, занимавшее шестую часть Земли, наш народ вновь оказался нуждающимся в правовой защите. Митинговая пора конца 80-х годов привела республику к переменам во властных структурах. А последовавший в 1991 году путч в Москве ускорил смену власти.

Республика погрузилась во тьму. На политическую сцену вышла разношерстная масса. Появились «позиция» и «оппозиция». У одних власть отобрали, а другим – досталась не всем. В республике начался период, когда все растаскивалось и разворовывалось, не выплачивалась зарплата учителям, врачам... Да мало кому вообще она выплачивалась. Действовал лозунг: если волк – хватай, а если овца – терпи. И те из бывших «верхов» республики, кому не досталось или не хватило «сноровки», перешли теперь в оппозицию. А чуть позже перешли даже те, кто клялся, что с Джохаром пойдут до конца.

Видимо, имелось в виду, что пойдут до конца, пока не кончится то, что можно своровать.

Вскоре начались повторные митинги с участием тех же лиц, но уже с требованием отстранения от власти «Дудаева и его клики». Мне пришлось присутствовать на одном из таких мероприятий.

Это было перед началом первой военной кампании в Чечне. В Доме культуры им. У. Димаева в Урус-Мартане проходило очередное собрание так называемой оппозиции. Поясню, почему «так называемой». Дело в том, что к тому времени всем стало понятно, что никакой речи о независимости, свободе в республике не идет. У власти оказались проходимцы и воры. Выступая, некоторые деятели оппозиции, особенно перешедшие из стана Дудаева, постоянно обращались к «международному праву». В это время из зала громким и четким голосом был задан немного длинноватый вопрос, смысл которого был, примерно, таким: «Я больше 30-ти лет в юриспруденции. Но и сегодня не могу рассказать достаточно компетентно о международном праве. Где вы учились этому праву?» Ответа, естественно, не последовало. Как, впрочем, и ссылок на это право больше в тот вечер не прозвучало.

Вопрос этот был задан Абдуллой Хамзаевым. Я слышал его тогда в первый раз. И раньше не был с ним знаком. Но в зале его, оказывается, знали многие. Конечно, я читал где-то в газетах, журнальных статьях в 1991-93 гг. по «делу ГКЧП», что защитником ведущего путчиста, экс-вице-президента СССР развалившегося государства, Геннадия Янаева, был чеченец.

«Я с первого дня защищал Геннадия Янаева, когда другие адвокаты шарахались от этого дела как от огня. Мне не за что любить советскую власть, но странно обвинять в измене СССР человека, который этот СССР пытался сохранить», – говорил А. Хамзаев в одной из статей...

Это было не первым громким делом А.М. Хамзаева. В Московской и Генеральных прокуратурах СССР, где он проработал многие годы, вспоминают другое «дело» – московского крематория, которое он успешно расследовал. Следователем Хамзаевым тогда была разоблачена группа работников крематория, снимавшая с мертвых одежду и золотые коронки. После этого Абдуллу Хамзаева стали почитать в похоронных учреждениях. «Без очереди хоронили тех, на кого я укажу», – в шутку вспоминал Хамзаев.

Защитник понадобился нашему народу для сохранения чести и достоинства в период военных кампаний в Чеченской Республике на рубеже девяностых годов прошлого и начала нынешнего веков. Наиболее громким преступлением, совершенным российскими военными в отношении мирных граждан и имевшим международный резонанс, стало убийство Эльзы Кунгаевой в селе Танги-Чу в марте 2000 года. Преступление было совершено одним из подонков в составе российских вооруженных формирований, восстанавливавших «конституционный порядок» на территории ЧР.

Как известно, делу Буданова был дан ход, и судебное следствие велось в г. Ростове-на-Дону.

В журнале «Дош» было опубликовано интервью с А.М. Хамзаевым, из которого приведу небольшой фрагмент:

«← ...Какая обстановка в Ростове около суда?»

– Я себя очень комфортно ощущаю в Ростове. Кроме доброго слова и добрых пожеланий, я ни от кого не услышал ничего другого. Что касается каких-то пикетов, митингов, которые якобы устраивают у суда поклонники Буданова, – это неправда. В феврале месяце у здания суда, находящегося в центре Ростова, действительно собрались в общей сложности десятка два членов РНЕ («Русского национального единства»). Были там и анпиловцы, и местное ряженое казачество. Разные были лозунги. А у одного из участников на груди был плакат: «Чеченцев... по методу Берия». Большими буквами. Но такого сорта мероприятия затеваются по инициативе не трудящихся масс, а исключительно определенных политических группировок. Все эти мероприятия кем-то финансируются. В первые же дни, когда начался суд, я,

обращаясь к этим пикетчикам, сказал: «Я на вас не сержусь, не обижаюсь. Время тяжелое. Люди нищенствуют. Вам несколько дней будут платить за то, что вы здесь стоите, кричите. А когда перестанут платить, вы сами уйдете домой. Ну, все-таки, молоко, хлеб будете иметь». В общем-то, так оно и случилось. Сейчас дело рассматривается в другом суде – в Первомайском. Это на окраине города. Новенькое, хорошее здание. Там тоже при въезде в этот переулок стояла какая-то небольшая, даже совсем маленькая группа. Я с ними поздоровался, поприветствовал. Поговорили о Сталинграде, о том, о сем. Они знают, что я за донское казачество. Я им объяснил, что мне, как мусульманину, Богом было завещано уважать родственников жены. Я им тоже объяснил, что скоро им перестанут платить, и они сюда приходить не будут. Действительно, через несколько дней казна закрылась, и «патриоты», сторонники «русского офицера» разошлись спокойно себе по домам.

– Сколько времени продлится суд?

– Председатель суда, полковник Костин говорил, что все пройдет очень быстро. Но не получается. В судебном заседании в присутствии журналистов судья сказал как-то: «У Хамзаева не было бы сотен вопросов к свидетелям, если бы органы предварительного следствия качественно расследовали дело. Сегодня Хамзаев в судебном заседании пытается восполнить брак предварительного следствия.

– Вы можете вспомнить, почему вы стали защищать интересы семьи Кунгаевых?

– Об убийстве Эльзы Кунгаевой мне, как и многим гражданам Российской Федерации, в первую очередь стало известно по «тряпочному телефону». Эта история трагическая даже на фоне всех других чеченских историй. Убийство 18-летней девочки, которая, по общему убеждению, была изнасилована прежде, чем убита. И он ее не просто убил, она была задушена.

– Что значит по «тряпочному телефону»?

– Когда окажешься где-нибудь на людях, встретишься с кем-то, первый вопрос – «Что нового?» Что у нас дома делается? Какие наши перспективы? К тому же о деле Кунгаевой говорилось в средствах массовой информации. И заявление Квашнина, что таких подонков надо беспощадно изживать из рядов российской армии я тоже слышал. Я лично семью Кунгаевых не знал. Отец Эльзы утверждал, что знает меня заочно с того дня, как он в первый класс пошел, со своих семи-восьми лет. Он слышал, что в Москве есть единственный чеченец – советский прокурор, и этот прокурор – его сосед по Урус-Мартановскому району, Абдулла Хамзаев. Позже до него дошел слух, что я стал адвокатом. И когда предварительное следствие по делу об убийстве его дочери завершалось, он мне позвонил из Ингушетии. Представился, я выразил ему свое искреннее соболезнование. Раньше, через мигрирующих чеченцев Урус-Мартана я просил некоторых своих соплеменников передать семье Кунгаевых, что в тот день, когда им понадобится квалифицированная юридическая помощь, которая будет осуществляться без оглядки на какие-либо препоны, я буду к их услугам. То ли ему стало известно о моем предложении, то ли это была его собственная инициатива, но он обратился ко мне с просьбой представлять его интересы в суде.

– Что вы думаете о российском суде?

– В ходе судебного разбирательства всплывают некоторые криминальные эпизоды из жизни полковника Буданова, помимо убийства Эльзы Кунгаевой. Участвуя в деле шесть месяцев, я убедился, что суд предпринимает все мыслимые и немыслимые меры для того, чтобы ни в коем случае ничего побочного на поверхность не всплыло. Стремится любыми путями избежать появления в материалах судебного следствия каких-либо других отягчающих обстоятельств. В частности, Буданов и его начальник штаба Иван Федоров утверждают, что в последних числах марта выехали в село Танги-Чу для проверки поступившей информации, что якобы там в качестве чеченских рабов содержатся российские граждане. Таким образом, полковник Буданов в сопровождении группы

офицеров и до зубов вооруженной разведроты на трех боевых гусеничных машинах пехоты прикатил в село. Они говорят, что обнаружили двух рабов, один из которых пятнадцать лет содержался в чеченском рабстве. Этих освобожденных они и сдали в Урус-Мартановскую военную комендатуру. Это было буквально накануне убийства Эльзы Кунгаевой. Я выяснил, что один из так называемых рабов, по имени Александр, был плотником высочайшей квалификации, он на постоянной основе пятнадцать лет жил и работал в Танги-Чу. Для Висы Кунгаева он выполнял дорогостоящие плотницкие работы. На второй день после «освобождения» Александр вернулся в тот самый чеченский дом в Танги, где он безмятежно прожил пятнадцать лет и на сегодняшний день продолжает там жить. Все мои попытки вызвать в судебное заседание этого так называемого «раба», о котором знали и говорили многие свидетели, не увенчались успехом. Судья отказал, заявив, что этот свидетель к делу не относится.

Другой случай на поверку оказался такой же выдумкой. Второй из тех «освобожденных рабов» получает пенсию в Танги-Чу и имеет постоянную регистрацию в селе. Еще одна история. Двадцать пятого марта Будановым в Танги-Чу был задержан некий Иса Даргаев. Это 20-летний парень, от рождения инвалид. Он плохо слышит, но если говорить, повернувшись к нему лицом, он по движению губ понимает и отвечает. И, как все глухие люди, отвечает криком, на чеченском языке. По-русски он не понимает. Двадцать пятого марта Буданов его жестоко избил, загрузил со связанными проволокой руками и ногами в БМП. И оставил его в покое только по настоятельной просьбе жителей Танги, умолявших отпустить инвалида. Я ходатайствовал в суде о допросе Исы Даргаева, его матери и очевидцев избиения. Но суд мне в этом отказал.

Журналист Анна Политковская, знавшая Хамзаева лично, рассказала в эфире радиостанции «Эхо Москвы», что однажды в разговоре с ней Хамзаев заметил, что «всю жизнь жил и делал все только ради того, чтобы никто никогда не мог сказать, что он опозорил честь своего отца». «Думаю, так и было. Он сделал все, чтобы это сбылось, – сказала Политковская. – Когда адвокаты боялись даже приближаться к уголовным делам против военнослужащих, уголовным делам по воинским преступлениям, совершенным в ходе второй чеченской кампании, Абдулла Хамзаев это делал, и делал до последних дней».

Повторно мне пришлось о нем более детально услышать в 2003 году.

Как известно, в октябре 2002 года в Москве группой лиц был совершен теракт, ныне известный, как «Норд-Ост» на Дубровке. Сам теракт оставил после себя множество вопросов. Особенно это касается расстрела террористок после их усыпления. Кому-то, видно, было необходимо убрать свидетелей.

После теракта последовали следственные мероприятия. Выяснилось, что часть террористов имела паспорта, выданные в Карачаево-Черкесии. Меня туда занесло военное лихолетье, и я стал свидетелем «чисток», проведенных в тот период в Карачаево-Черкесии. Завели пропагандистские уголовные дела. В одном из них фигурировали и наши земляки.

Следственные действия велись более года. В Черкесске начался судебный процесс, длившийся несколько месяцев и «широко» освещавшийся федеральными телеканалами на начальном этапе. Речь на телевидении, естественно, шла о террористах и их пособниках, наших земляках, проживавших в то время в Карачаево-Черкесии, «подготовивших паспорта для террористов».

Далее рассказ от имени одного из родственников обвиняемых:

«Где-то через месяц-полтора после начала работы суда к участию был привлечен Абдулла Хамзаев. Он прибыл в Черкесск и, когда вошел в курс дела, заявил, что адвокатами здесь ничего не сделано. Хотя были привлечены проживавшие там адвокаты из числа чеченцев и считавшие себя «асами» в защите прав подзащитных. Это предложение можно было бы считать пиар-акцией или обычной практикой очередного вымогателя денег от подследственных. Но...

К началу участия в заседаниях суда Хамзаев сделал несколько запросов в различные инстанции и прибыл с ними в здание Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики.

Началось первое заседание суда с участием Абдуллы Хамзаева. В зале сидело несколько человек – родственников подсудимых. И унылая картина не предвещала никаких сенсаций. Когда он начал говорить, и судья, и прокурор отнеслись к этому, как к обычному выступлению очередного адвоката, который будет пытаться делать видимость для отработки оплаченных за свои услуги денег.

Но когда в своем выступлении Замбек (так его звали в Урус-Мартане) начал обращаться к уголовно-процессуальным документам и к томам уголовного дела: «На странице... приводится предложение..., оно не соответствует УПК статьи... и не является основанием..., я жду ответа на это предложение; на странице... приводится довод..., он не обоснован по следующим фактам..., я жду ответа на свои аргументы; страница... противоречит предложению на странице..., дознаватель не выявил...» и так далее, – и такими предложениями он заполнил почти все свое выступление, обвинение и суд были явно ошарашены.

Да, они знали, что Абдулла Хамзаев был адвокатом у Янаева, бывшего вице-президента СССР, обвиненного в измене Родине после неудавшегося в августе тысяча девятьсот девяносто первого года путча, вошедшего в историю как ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению). Но тогда подсудимые были амнистированы. И никакого суда не было. Так что адвокатом его в этом деле можно было считать лишь номинальным. Но теперь на заседании суда звучали предложения, которые заставили обратить на себя внимание и на которые необходимо было дать ответы.

Первые два дня заседаний суда после каждого выступления Хамзаева и судья, и прокурор только и занимались тем, что обращались к своим сотрудникам и помощникам: «Принеси УПК, принеси такой-то том дела, принеси то-то, проверь это...»

В дальнейшем, когда на заседание суда приезжал Хамзаев, а суд длился несколько месяцев, зал был забит до отказа лицами, практикующимися в республике в области права. Они приезжали слушать его выступления.

Федеральные каналы телевидения перестали транслировать репортажи из зала суда. Теперь интерес к делу у СМИ пропал. В уголовном деле появились трещины. В результате действий Абдуллы Хамзаева были полностью сняты с моих родственников обвинения в терроризме, в соучастии и пособничестве...» В информационных материалах Интернета сообщалось: смерть адвоката Хамзаева потрясла не только его друзей, но и процессуальных противников. Как заявил адвокат Буданова Анатолий Мухин, «господин Хамзаев был достойным противником, с которым было интересно и очень тяжело вести юридическую полемику в зале суда. Его яркие, образные выступления могли довести до белого каления, а могли заставить аплодировать даже самого полковника Буданова. На этом суде мы многому у него научились» (Такую оценку от оппонента получить не просто – А.Я.).

На своем последнем процессе в Ростове-на-Дону по делу спецназовцев ГРУ под командованием Эдуарда Ульмана, обвиняемых в убийстве мирных чеченцев, он практически не появлялся. «А в конце мая этого года, когда была неважная погода, сильно простудился, заболел воспалением легких и слег», – сообщил племянник Хамзаева, Рудимбек. 4 июня родственники вызвали «Скорую», которая отвезла Абдуллу Хамзаева в 55-ю горбольницу Москвы.

Тем не менее коллеги, чеченские адвокаты, решили выдвинуть его в президенты Чечни. «После убийства Ахмата Кадырова сформировалась инициативная группа из московских чеченцев, которая решила, что Абдулла Хамзаев – наиболее достойный кандидат на эту должность, – рассказал адвокат Муса Хадисов. – Мы решили, что автоматам в Чечне надо противопоставить мудрость. Именно таким мудрым и выдержанным человеком был Абдулла Хамзаев».

По словам адвоката Хадисова, вначале Абдулла Хамзаев не хотел баллотироваться, говорил, что из-за болезни не выдержит президентской гонки. «Но когда ему стало лучше, его все-таки уговорили выдвинуть свою кандидатуру. Мы связались с избиркомом Чечни, и там с радостью восприняли это известие. На днях я должен был поехать в Чечню, чтобы организовать сбор подписей и зарегистрировать Абдуллу Хамзаева кандидатом в президенты».

По словам родственников, «до минувшей пятницы Абдулла, действительно, чувствовал себя неплохо, но потом у него начался отек легких, резко повысился сахар в крови». Врачи перевели его в реанимационное отделение, но помочь уже ничем не смогли. Абдулла Хамзаев скончался в воскресенье, в четыре часа утра.

Днем 13 июня родственники забрали его тело, которое по мусульманскому обычаю было обернуто в белое полотно, и отвезли в мечеть, расположенную у Павелецкого вокзала. Туда московские чеченцы, друзья и просто знакомые пришли проститься с ним. А потом родственники Хамзаева отвезли его в Урус-Мартан и похоронили на родовом кладбище.

По словам родных, в последние годы он сильно страдал от сахарного диабета и болезни сердца. Во время процесса над Будановым, на котором он представлял интересы семьи потерпевших, Кунгаевых, адвокат несколько недель провел в больнице и даже перенес клиническую смерть. Именно этот судебный процесс, считают родные адвоката, сильно подорвал его здоровье.

Абдулла Хамзаев умер 12 июня 2004 года. Ему не суждено было дожить до логического завершения своей судьбы преступником Будановым, который пережил его на 7 лет. Однажды Абдулла Хамзаев сказал: «Понимаете, я не мог остаться в стороне от этого дела. Не мог отказаться от участия в нем. Поступив так, я считал бы, что жил на свете зря».

Он на свете зря не жил. Вот строки из анкеты на номинацию «Премия мира»:

– С какого года организация/общественный деятель начали заниматься миротворческой деятельностью, связанной с войной в Чечне?

– С 1994.

– Основная деятельность организации/ общественного деятеля, связанная с миротворческой деятельностью в рамках вопросов, связанных с войной в Чечне.

– Основное направление миротворческой деятельности заслуженного юриста РФ, адвоката Хамзаева можно охарактеризовать принципом «Мир через правосудие».

Деятельность Хамзаева уникальна: не имея практически никакой финансовой поддержки от доноров, он в течение длительного времени выступает в качестве представителя потерпевших – жертв военных преступлений – как на доследственном этапе, так и в ходе предварительного следствия и в судах различных уровней (включая Европейский суд по правам человека).

Деятельность Хамзаева столь огромна, что для хотя бы краткого ее описания понадобится значительный объем, явно выходящий за разумные рамки настоящей анкеты. Поэтому заявитель нашел уместным приложить к ней свою статью «Адвокат Хамзаев», которую просит рассматривать в качестве неотъемлемой части настоящего документа. В этом материале уважаемые члены Правления «Ялтинской инициативы» найдут основные (хотя и далеко не исчерпывающие) сведения по настоящему вопросу анкеты. Хотя надо полагать, что многие аспекты деятельности Абдуллы Хамзаева известны им и без этого.

Здесь же я хотел обратить внимание лишь на один момент, может быть, малоизвестный посторонним людям. Работа по «делу Буданова», длившаяся с 2001 по 2003 годы и сопровождавшаяся длительными командировками, серьезно подорвала здоровье адвоката. Осенью 2001 г., постоянно выезжая по требованию судьи Костина на заседания суда, носящие чисто формальный характер (было заранее известно, что заседания отложат из-за болезни подсудимого, потом занятости одного из его адвокатов), Хамзаев перенес

на ногах вовремя не продиагностированную пневмонию. Это привело к серьезному осложнению, завершившемуся остановкой сердца и клинической смертью. Абдуллу Майрбековича с трудом удалось спасти.

По моим подсчетам, на участие только в одном процессе Буданова (я могу судить, так как мы долгое время работали вместе – вплоть до принятия нового УПК, после которого я, как общественный обвинитель, не смог участвовать в процессе) Хамзаев потратил не одну тысячу долларов своих личных сбережений. А лечение стоило ему 200 долларов в сутки в течение нескольких недель, и тут семья уже вынуждена была продавать имущество. Пишу об этом столь подробно, потому что кроме меня об этом мало кто знает, а сам Абдулла из-за присущей ему скромности говорить об этом никогда не стал бы.

(Как ни печально сознавать, есть сведения и о том, что ряд наших земляков-бизнесменов из Ростова-на-Дону в период участия в деле Буданова сторонились его, их бизнесу «могла» угрожать опасность. – А.Я.)

Когда Хамзаев лежал в больнице после клинической смерти, защита Буданова и судья Костин, а с их подачи и большинство СМИ заявляли о том, что Хамзаев умышленно затягивает процесс и чуть ли не симулирует болезнь. Это было в высшей степени цинично.

Добиться первого, во всех отношениях прецедентного, обвинительного приговора по обвинению в преступлениях против гражданского населения военного такого высокого ранга Хамзаеву удалось не только ценой неимоверных усилий, но и ценой собственного здоровья; эта работа едва не стоила ему жизни. Хочется, чтобы уважаемые члены Правления «Ялтинской инициативы» приняли это во внимание.

– Основные целевые группы в сферах деятельности, связанной с войной в Чечне.

– Жертвы военных преступлений, потерпевшие по уголовным делам, возбуждаемым по фактам преступлений военнослужащих против гражданского населения; а также наиболее незащищенные слои населения Чеченской Республики.

– Ваша оценка деятельности организации/ общественного деятеля в сфере миротворчества, связанного с войной в Чечне.

– Особенно следует отметить, что Хамзаев – далеко не молодой человек, осуществляя за свой счет представление потерпевших – в том числе на многомесячных судебных процессах вдали от дома (со всеми вытекающими отсюда финансовыми последствиями в виде расходов на проживание, проезд, упущенную выгоду) – выступает одновременно и в роли юриста-правозащитника, и в роли благотворителя. Это обстоятельство позволяет говорить о Хамзаеве не просто как о юристе высочайшей квалификации, оказывающем квалифицированную помощь нуждающимся в ней людям, но и как о настоящем подвижнике. При этом он в высочайшей степени скромный человек, и ему совершенно не свойственно трубить о своих заслугах. Мне представляется, что пример Хамзаева в этом отношении для России и Чеченской Республики абсолютно уникален.

В основе миротворческой философии Абдуллы Хамзаева (насколько я понял ее за почти три года знакомства и совместной работы) лежит два положения. Первое – прочный мир невозможен без справедливости (это, кстати, добавлю от себя, подтвердил и крах Хасавюртских соглашений). И вовсе не потому, что возмездие за преступление является самодовлеющей целью. А потому, что ненаказанное преступление развращает души окружающих, общества. Потому, что оно создает убежденность, что можно убивать, насиловать, грабить и при этом жить счастливо, быть уважаемым человеком. А это провоцирует других людей, другие поколения на подражание. Не осужденное – юридически и морально – зло порождает новое зло, не осужденный геноцид таит в себе зародыш нового геноцида. Второе положение состоит в том, что кремлевско-чеченская война ни в коей мере не является этническим или религиозным конфликтом, что между русским и чеченским народами нет вражды и противоречий, если,

конечно, не путать русский народ с российским руководством. По своим убеждениям Хамзаев – интернационалист (кстати, интернациональна и его собственная семья). Прошу обратить внимание, что, например, в деле убийцы-контрактника Аносова Хамзаев представлял интересы всех потерпевших – русских и чеченцев, включая и интересы матери убитого Аносовым русского солдата – сослуживца.

Правовые убеждения Хамзаева лучше всего иллюстрирует его любимая цитата из Владимира Буковского: «Никакая революция не сделает нас счастливыми, пока люди не научатся требовать то, что положено им по закону» (цитирую по памяти). Именно эта убежденность легла в основу отказа Хамзаева от предложения Джохара Дудаева возглавить Генпрокуратуру или Минюст ЧРИ: «Твоя революция и моя законность не уживутся. Спасибо за приглашение. Но в одной упряжке мы станем врагами», – ответил он в мае 1993 г. президенту Ичкерии.

По моему мнению, сочетание высочайшего профессионализма и подлинного подвижничества в миротворческой и правозащитной деятельности Хамзаева делает его достойным претендентом на получение Премии Мира.

– Кто еще может поддержать вашу кандидатуру (не более трех лиц или организаций)?

– Информационно-аналитический центр имени Виктора Попкова.

– В каких изданиях публиковались материалы о деятельности организации/общественного деятеля?

– Материалы о деятельности Хамзаева публиковались в самом широком круге российских и зарубежных СМИ (печатных и электронных) – в основном, в связи с «делом Буданова», но не только. В качестве наиболее уделявших внимание Хамзаеву хочется назвать «Новые Известия», старое, «киселевское» НТВ, Радио Свобода, интернет-издание «Грани.ру», газету «Правозащита» и Информационный центр Общества Российско-Чеченской дружбы.

Информация о лице, заполнившем анкету: Ф.И.О. Дмитриевский Станислав Михайлович, сопредседатель Общества Российско-Чеченской дружбы. Межрегиональная общественная организация «Общество Российско-Чеченской дружбы».

Сейчас, рассматривая материалы про Муртазалиеву Зару, так и хочется сказать: «Прости, Зара, не было Хамзаева в живых, чтобы помочь тебе профессионально».

Да, Абдулла Хамзаев был человеком, испытавшим на себе все превратности судьбы своего народа в XX веке. Но он был человеком, их достойно прошедшим. Оценен ли он по достоинству? Увековечено ли его имя даже у себя на родине – в Урус-Мартане? Думаю, что нет. В эпоху тотального нигилизма, меркантильности, смещения аксиологических параметров такие люди, люди с большой буквы, каким, несомненно, был Абдулла Хамзаев обществу обывателей мало интересны...

P.S.: В настоящей статье мною были использованы как собственные, так и материалы с различных сайтов Интернета.

Роза Межиева

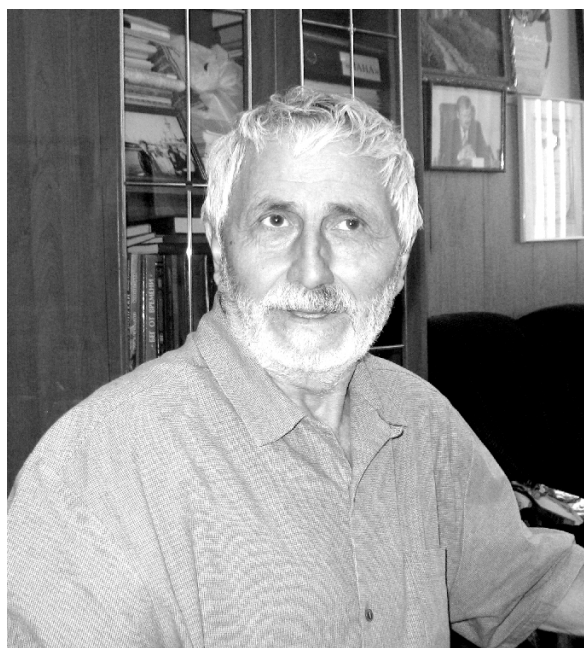
Наши гости, или Просто замечательные люди

Уходящий год для журнала «Вайнах» запомнится не только замечательными событиями в литературной и культурной жизни республики (журнал являлся одним из организаторов и координаторов литературного семинара молодых писателей и поэтов Северного Кавказа, впервые проходившего в Грозном в сентябре), не только новыми именами, ставшими открытием для читателей на страницах «Вайнаха», – но и просто замечательными людьми, гостями нашей редакции. А ими творческий коллектив журнала, слава Богу, не был обделен. Гости приходили разные – столичные, заграничные... Ну а нам, как поется в одной из песен Юрия Антонова, были по-особенному «милей» те, что и живут-

то не так далеко, а видется год от году получается все реже. Тем теплее и ценнее оказываются эти встречи, подобные тлеющим уголькам в камине, что не дают погаснуть очагу дружбы между народами Северного Кавказа и Закавказья.

Одним из таких замечательных событий стал визит гостя из Северной Осетии, известного осетинского писателя, Бориса Мустаевича Гусалова.

Небольшая биографическая справка: родился в 1940 году в Северной Осетии. Окончил филологический факультет Северо-Осетинского государственного пединститута имени Коста Хетагурова. В 1967-68 учебном году работал завучем и преподавал русский язык и литературу в Чечено-Ингушетии в

Иихой-Юртовской средней школе. Писатель, публицист. Пишет рассказы, повести и романы на осетинском языке. Первый роман, «Поделившие огни», был переведен на русский язык (в оригинале «И воздастся каждому») и увидел свет в 1987 году. А также были изданы следующие книги: сборник повестей и рассказов «Тот, высокий берег», романы «Красная полоса», «Остановка в пути». В этом году в г. Ростове-на-Дону вышел еще один роман писателя – «Услужник» (в осетинском оригинале «Билингва», по-скольку, кроме романа, в книгу вошли повесть, рассказы и статьи на осетинском языке).

Борис Мустаевич Гусалов – человек исключительно позитивный, легкий на подъем, с искрометным чувством юмора. На первый же вопрос – не «напряжно» ли было добираться к нам через «сопредельные территории»? – с ответом не промедлил: «Я сам говорил ингушам: «Легко! На Кавказе меня любят!»

За чаем с печеньем-конфетами разговор двух друзей – Мусы Ахмадова, чеченского писателя, и осетинского, Бориса Гусалова, за кажущейся непринужденностью, вскрывал проблемы, тематически довольно серьезные

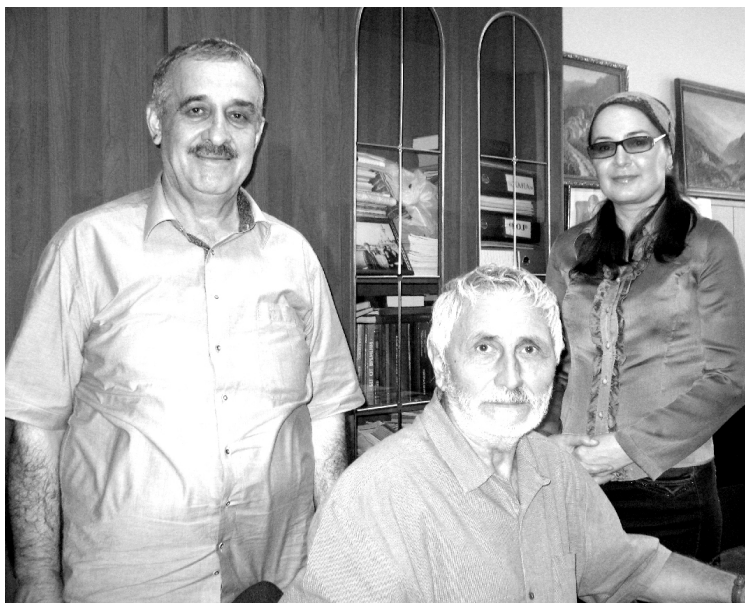
и болезненные для малых народов: трагическое прошлое, внушающее озабоченность настоящее и немалая тревога за место и роль этих народов в будущем...

Прогнозы ЮНЕСКО пугают однообразием как в отношении будущего чеченского, так и осетинского народов (да, впрочем, и всех народов Северного Кавказа): с такими темпами глобализации и ассимиляции языков малых народов через сто пятьдесят лет носители чеченской или осетинской речи могут просто исчезнуть как вид. А ведь народ жив, пока звучит его язык.

«Конечно, и правительство, и ЮНЕСКО помогают нам в поддержании и развитии осетинского языка. Выпускаются книги, учебники... Правда, качество последних не удовлетворяет – слишком «научнообразным» языком написаны. Работают театры как на литературном осетинском языке, так и на дигорском, я бы даже сказал, «реликтовом» диалекте. Доступна подписка на журналы на родном языке – для студентов делается скидка более чем в два раза, по сравнению с розничной ценой. Но все равно этого недостаточно. Молодежь читает и пишет, в подавляющем большинстве, на русском языке. Среди последних есть очень достойные наследники традиций именно русской литературы – например, Тимур Кибиров. Ведь литература – это явление языка. Эти молодые талантливые ребята вносят вклад в культуру нашей республики – но не в родной язык». И добавляет характерный для осетинской речи «извинительный» оборот речи: «Да простит меня этот стол» – в котором, с одной стороны, выражено уважение к пище и ее святость, достаточная для принесения клятв и приведения ее в свидетели, а с другой – просьба о прощении, если говоривший, без злого умысла, допустил в своем суждении неточность.

Признаться, за время этой беседы, хотя и говорилось о многом, что объединяет (или, напротив, мешает таковому) народы Кавказа – такая попытка «объять необъятное» – «взяться за перо» сразу же мешало чувство слабого «присутствия в теме». Досадно все-таки – о японцах или американцах, порой, знаешь больше, чем о внутренней жизни наших соседей по кавказскому региону. Пришлось срочно восполнять пробелы, используя имеющиеся под рукой печатные источники, заглянуть на соответствующие сайты Интернета. И сделать для себя неожиданное открытие – знакомство с исконными осетинскими традициями, осетинским же фольклором, мифологией – ощущение сродни... созерцанию в зеркале собственного отражения! Вот несколько примеров: «... женщина, как хранительница очага, пользовалась большим уважением и почетом... занимала свое, особое место в структуре осетинского общества. С этим уважением связано много старых осетинских традиций. Красива и благородна, например, древняя традиция немедленно прекращать поединок, если женщина бросает свой платок между дерущимися. Интересен и неоднозначен обычай «уайсадын» – когда невеста не имела права разговаривать в присутствии старших членов семьи: свекра, свекрови и братьев мужа. Этот обычай сохранился до наших дней». Кстати, у нас, чеченцев, этот обычай тоже здравствует по сей день. Или вот такой пример: «Молодые (в старину) не бегали на свидания и не встречались прилюдно. Даже когда парень и девушка любил друг друга, они могли встречаться изредка, тайком, вдали от взоров окружающих. Но если об этом узнавали отец или братья девушки, ее избраннику могло несдобровать. В случае же, когда парень случайно или умышленно хоть пальцем дотрагивался до девушки, он рисковал остаться без головы, потому что считался посягнувшим на честь рода. Единственным местом, где молодежь встречалась и общалась, были места проведения праздников и свадеб». Большим стыдом считалась трусость – «независимо от того, где она была проявлена, – при встрече ли с кровником или на войне. Своим поведением трус нарушал дружбу и товарищескую солидарность. Поэтому осетины проявленную на войне трусость справедливо расценивали как предательство. Трусливый человек покрывал свою голову и весь свой род позором. Человека, проявившего трусость на войне, в осетинском обществе бойкотировали и презирали...»

«Гарун бежал быстрее лани...» – читатель, ты, наверняка, не забыл эти строки

М. Ахмадов, Б. Гусалов, Р. Межиева в редакции журнала «Вайнах».

из знаменитой лермонтовской поэмы твоей школьной юности, сюжет которой был подсказан поэту старинным чеченским преданием? Или осетинским (кабардинским, ингушским, черкесским...)?

Национальные мужские и женские костюмы почти у всех северокавказских народов – ну прямо один к одному. Нартский эпос, судя по всему, тоже общий... Да что там, шашлык – и тот, один на всех! Хотя... конечно, отличия – те самые, что один народ делают однозначно осетинами, а другой – чеченцами или кабардинцами, бесспорно, тоже есть. А куда без них после Вавилонского столпотворения?!

Осетинский народ в языковом отношении делится на три основные диалектные группы: иронцев, дигорцев и кударцев (последние проживают в Южной Осетии). Иронский диалект послужил основой для создания литературного осетинского языка – так же, например, как язык «внутренних» чеченцев (главным образом проживающих на равнине) считается литературным для всех чеченцев. «Поползновения» в сторону «самостийности и незалэжности» у представителей какого-либо из «нелитературных» диалектов, наверняка, тоже имели место быть – а иначе откуда было взяться вот такой осетинской поговорке: «Нас и в одинарную-то веревку не хватит, а вы двойную хотите»?

Есть еще одно принципиальное отличие осетин от чеченцев – этот народ по своему религиозному мировоззрению поликонфессионален. Вайнахи (если употреблять здесь это собирательное название для трех народов, принадлежащих к одной нахской языковой группе) традиционно (во всяком случае, не менее трехсот лет) исповедуют ислам. Чеченцы и ингуши – самые крупные представители этой группы. Однако третий и самый малочисленный народ, входящий в нее же – бацбийцы, исповедует православное христианство и проживает на территории современной Грузии. Для многих чеченцев, отделенных от бацбийцев границей, проходящей по Главному Кавказскому хребту, этот факт малоизвестен и никаким образом на внутреннюю жизнь чеченского народа не влияет.

Похожее на осетинское «разнообразие и богатство в единстве» (а для кого-то и вызов) можно наблюдать сразу в нескольких странах Аравийского полуострова – в Сирии, Иордании, Палестине, Ливане, частично в Ираке и Иране. Города христианские здесь соседствуют с мусульманскими, а также улицы, кварталы и площади – где храмы христиан и мечети порой расположены напротив друг

друга. И в первые, и во вторые ходят верующие, говорящие на родном для них арабском языке. На вопрос, проходит ли такая условная «мировоззренческая» граница между районами, где компактно проживают представители того или другого диалекта, Борис Мустаевич отвечает: «Ни в коем случае! Просто у нас, в иронских селах, дома мусульман и христиан могут чередоваться через один-два, а в дигорских более компактно: за селом христианским следует мусульманское».

Сам Борис Мустаевич по вероисповеданию является мусульманином. И следующий вопрос к нему был таким: «К нам, чеченцам, ислам шел с востока, вместе с дагестанскими мусульманскими проповедниками. А как он пришел к части осетинского народа?»

«А вот к нам он пришел через кабардинцев», – и следом поделился одним семейным преданием. Еще в девятнадцатом веке его прадед Данил-хаджи совершил паломничество в Мекку. На обратном пути он остановился, чтобы отдохнуть и проведать родственников, когда-то покинувших родину и проживавших в одной турецкой деревушке. Этот был почти целый род – около восемнадцати домов на одной улице! Когда Данил-хаджи засобирался в дорогу, родственники предложили в подарок целое состояние – с каждого дома ему подарили по корове. Сам же Данил-хаджи испросил разрешения приобрести у них коня, ведь путь предстоял нелегкий – через заснеженный Батумский перевал. На что услышал: без проблем! Вон пасется большой табун лошадей – одна красивой другой – выбирай себе любую! Данил-хаджи пошел выбирать. Вот тут, улучив минутку, пока ее никто не видит, к нему подошла тетя с его материнской стороны и сказала: «Лошадей-то красивых много, но ты выбирай самую неказистую, лохматую и низкорослую». И, видя его непонимающий взгляд, пояснила: «Ни одна из этих красавиц не выдержит перехода через перевал – там же от холода и околеет. А та, про которую толкую, выносливая. Только, смотри, никому не говори, что это я тебе подсказала!» Вот так предки Бориса Мустаевича Гусалова, благодаря паломничеству в святую землю, сначала разбогатели, а после Октябрьской революции в 1917 году (с ее «экспроприацией» якобы «экспропрированного») снова остались ни с чем.

В условиях современной жестокой действительности, когда «темные силы» делают все возможное, чтобы противопоставить друг другу целые народы, а также верующих в Единого Бога, явленные имена Которого одинаковы для всех – Милостивый, Милосердный, Справедливый – это же как должны трудиться светлые и чистые сердца, чтобы в мире процветало то самое «разнообразие и богатство в единстве»?!

Вне всякого сомнения, на людей, причастных к созданию и сохранению духовной культуры своего народа, каковыми справедливо считают писателей и поэтов, возлагаются надежды особенные. В истории культурных отношений осетинского и чеченского народов такие примеры тоже есть – Коста Хетагуров, популярный осетинский писатель второй половины девятнадцатого века; писавший о чеченцах – и Дзахо Гатуев (вторая четверть двадцатого века), автор двух знаменитых (у чеченцев в первую очередь!) романов о легендарном чеченском абреке, защитнике бедного люда, Зелимхане Харачоевском: «Зелимхан» и «Абреческое племя». Читая произведения этого классика осетинской литературы советского периода, не оставляет уверенность, что наследие, оставленное им своему народу, в равной доле принадлежит и чеченцам...

Вот такие беседы за столом с символическими «тремя пирогами» (непременный атрибут осетинского стола, за которым собираются по праздникам и просто хорошие друзья) велись неспешно в редакции журнала «Вайнах» между двумя давними друзьями-писателями, не равнодушными к тому, какое будущее ждет наши народы и что нужно успеть сделать уже сегодня, «пока мы живы» – чтобы родная речь продолжала звенеть в ущельях и долах Кавказа еще не одну «десятивековую вечность...»

Муслим Гапуев

Рожденный под счастливой звездой

Окончание. Начало в №11.

В 2011 году Альбиев стал третьим на турнире в итальянском Сассари, на международном турнире памяти Анри Деглана стал победителем, на чемпионате России 2011 года занял непривычное для себя третье место. Это было связано с адаптацией в новом весе, многочисленными травмами, накопившимися за несколько лет, и семейными проблемами. Именно в тот период серьезно заболел отец Ислам-Бека – Сайд-Селим. Естественно, мысли сына были далеки от борьбы. О своих проблемах Ислам-Бек не рассказывал тренерам сборной, считая, что семейные проблемы – это глубоко личное. И вполне естественно, что у тренеров возникали к своему подопечному вопросы. Это потом, когда болезнь Сайд-Селима была излечена, все встало на свои места. Сейчас с высоты опыта он понимает, что любая, даже небольшая пауза в тренировочном процессе может влиять не только на качество борьбы, но и на травматичность. В спорте все взаимосвязано: одна недоработка тянет за собой цепочку проблем.

Победы Альбиева в 2012 году на турнире Гран-При «Иван Поддубный» (где в полуфинале он победил одного из лидеров сборной России в этом весе, Амбако Вачадзе), на Кубке европейских наций и яркое выступление на чемпионате Европы вселили надежду на то, что он набрал хорошие кондиции, которые позволяют ему попасть в олимпийскую команду. Отдельно хочется сказать про чемпионат Европы 2012 года, прошедший в Белграде. Начал Ислам-Бек уверенными победами над норвежцем Мариусом Томмесеном и Артаком Маргаряном, представляющим команду Франции. Однако в четвертьфинальной схватке с Георгиану Карпенем из Румынии судьи лишили Альбиева возможности бороться за золотую медаль. В третьем решающем периоде, когда Альбиев вытаскивал румына из партера на обратный пояс, тот явно зацепил опорную ногу Ислам-Бека, что запрещено правилами. Все это было хорошо видно на огромном экране, вывешенном на одной из стен Дворца спорта. Не заметить это могли либо слепые судьи, либо сильно ангажированные. Тренеры российской сборной пытались апеллировать, но изменить судейское решение не смогли. Надо отдать должное Альбиеву: в утешительной сетке он сумел собраться после досадного поражения, выиграть две схватки и стать обладателем бронзовой медали. Отлив у этой медали покажется золотым, если знать, что Ислам-Бек боролся с незалеченной травмой спины, к тому же с ангиной, простудой и насморком. Для тех, кто решит задать вопрос: «Почему он в таком случае не снялся?», отвечу: спортсмены – это люди, не знающие фразы «не могу».

Но все эти успехи-неудачи меркли перед грядущей Олимпиадой в Лондоне. Помыслы всех борцов были именно там. Но вначале туда надо было отобраться.

Надо сказать, что завоевать лицензию на грядущую Олимпиаду можно было на четырех турнирах. Первым и самым важным стартом был чемпионат мира в Стамбуле, прошедший в 2011 году. Российские спортсмены показали отличные результаты и, не откладывая дела в долгий ящик, завоевали в общей сложности 10 лицензий из 14 (по пять в греко-римской и вольной борьбе). Соответственно, на трех оставшихся лицензионных турнирах «вольникам» оставалось квалифицироваться в весовых категориях до 74 и 96 кг.

У борцов греко-римского стиля в категории до 66 кг в Стамбуле боролся Амбако Вачадзе, который неожиданно проиграл в первом круге малоизвестному хорвату Даниэлю Янечичу. Таким образом Вачадзе не только не защитил свой

титул чемпиона мира, но и не получил даже олимпийскую лицензию. Так же без лицензии осталась и категория до 120 кг, в которой Александр Анучин в 1/8 проиграл иранцу Баширу Бабаджанзаде.

Отсутствие лицензий особо никого в российской команде не беспокоило: никто не сомневался в том, что команда все же завоюет недостающие места на трех квалификационных турнирах в Болгарии, Китае и Финляндии.

19 апреля борцы отправились добывать олимпийские лицензии в болгарскую столицу на европейские отборочные соревнования. Условия получения олимпийской путевки в Софии были максимально жесткими: лицензии для своей страны зарабатывают только участники финальных схваток. У «вольников» добывать лицензию поручили чеченскому борцу Адаму Сайтиеву – олимпийскому чемпиону 2000 года и Абдусаламу Гадисову, который в том году стал чемпионом Европы. И надо сказать, выступили они блестяще: и Сайтиев, и Гадисов выиграли все свои схватки и обеспечили России максимальное представительство борцов вольного стиля на Играх в Лондоне.

Однако представители России в греко-римской борьбе вновь откровенно разочаровали: Амбако Вачадзе проиграл в четвертьфинале армянскому борцу Сасуну Гамбаряну. На той же стадии супертяж Хасан Бароев уступил представителю Армении Юрию Патрикееву.

Следующий шанс завоевать две оставшиеся лицензии представился российским «греко-римлянам» уже 27-29 апреля на мировом отборе в Китае. Туда отправились Юрий Денисов и Александр Анучин. На этом турнире было чуть проще заработать лицензию: их получали три лучших борца в каждом весе. Но, к сожалению, российские атлеты вновь выступили неудачно: Юрий Денисов уступил уже в первом круге Канатбеку Бегалиеву из Кыргызстана. Александр Анучин имел целых два реальных шанса получить путевку на Олимпиаду, но сначала в полуфинале уступил эстонцу Хейки Наби, после чего отправился в утешительный турнир. Там он одолел Мессода Гасим-заде из Азербайджана, однако в схватке за третье место уступил шведу Йохану Ойрену.

Таким образом, у российских борцов оставался всего один шанс завоевать две недостающие путевки: квалификационный турнир, который проходил в столице Финляндии с 4 по 6 мая. В Хельсинки отправились Хасан Бароев и Ислам-Бек Альбиев. Схема получения лицензии на турнире в Хельсинки была предельно проста: вышел в финал – едешь в Лондон, поэтому российским борцам нужно было выиграть по три поединка подряд, чтобы получить полный комплект путевок на Игры.

Надо сказать, что в то самое время, когда тренеры сборной позвонили Альбиеву и предложили поехать на последний лицензионный турнир, он лечил травму спины и воспаление обоих суставов плеч (или, по-научному, импиджмент-синдром), надеясь ближе к Олимпиаде залечить все болячки и набрать оптимальную форму.

Ислам-Бек, конечно, понимал, что ему придется в жестких баталиях добывать себе место в олимпийской команде, но что самого этого места может не быть, не приходило в голову даже в кошмарных снах. И вот этот кошмар стал потихоньку претворяться в жизнь, когда к последнему лицензионному турниру его категория оказалась «подвешенной».

В планы Ислам-Бека, естественно, не входило преждевременно включаться в бой – все были уверены, что Денисов неделей ранее завоюет лицензию. Но не ехать в Финляндию Альбиев тоже не мог: во-первых, после его отказа тренеры сборной в меньшей степени на него рассчитывали бы. А во-вторых, уже в случае победы, он мог претендовать на роль «спасителя России» и на определенный бонус при формировании олимпийской команды.

К тому же, была надежда, что все высококлассные борцы давно отобрались, а оставшихся – даже с травмой Альбиев как-нибудь переборет.

Перед отъездом в Финляндию Ислам-Беку удалось потренироваться всего пару раз – и это за полтора месяца. Один раз это были общефизические занятия, а на другой тренировке, в Олимпийской деревне, он провел спарринг с борцом

меньшего веса.

Ислам-Бек Альбиев выступал 5 мая. В первой схватке он с большим трудом в трех периодах победил не самого сильного борца из Мексики, Баррагана Кальдерона. Во время схватки Ислам-Бек с ужасом понял, что он не может обхватить соперника руками – сильная боль в плечах сковывала движения, причем левая рука совсем не работала. Даже спортивную куртку после схватки Ислам-Бек самостоятельно не мог одеть. В голову полезли тяжелые мысли, но Альбиев старался их отгонять. Во второй схватке невероятными усилиями ему удалось выиграть у Тициано Корриги из Италии – 2:0, 4:0. Следующей была схватка с азербайджанцем Виталием Рахимовым, с которым Альбиев встречался в финале Олимпиады. Было ясно, что Рахимов приложит все силы, чтобы взять реванш, тем более он видел, в каком разобранном состоянии находится российский борец (о том, что Альбиева страшно беспокоят травмы, он, скорее всего, не подозревал).

Перед всеми схватками в Ислам-Бека едва ли не тюбиками втирали мази никофлекс и финалгон так, что его кожа сделалась бесчувственной. Ну и, естественно, массаж – куда же борцу без него. Но и при этом левая рука едва двигалась. Приходилось рассчитывать на морально-волевые качества.

...Четвертьфинальная схватка лицензионного турнира Альбиев – Рахимов, безусловно, могла бы украсить финал самого престижного турнира. Ровно четыре года назад, в финале Игр в Пекине, эти борцы уже встречались друг с другом, но та схватка не была столь драматичной и напряженной. Судите сами: на последних секундах первого периода Рахимов выигрывает балл – 0:1.

Во втором периоде Рахимов прошел в корпус Альбиева и попытался перевести его в партер. До конца времени, отведенного Рахимову на техническое действие, оставалось 5 секунд – это очень много в борьбе, но Альбиев невероятным образом сумел отстоять. Затем положение верхнего в партере перешло к Ислам-Беку, и он его реализовал – 1:0. В третьем решающем периоде Ислам-Бек Альбиев, мобилизовав весь свой организм, все свои внутренние силы, опять же на последней секунде практически с ударом гонга проводит накат – 3:0, и победа в поединке за ним! Все зрители, невзирая на пристрастия, стоя аплодировали соперникам. Несомненно, это была схватка лучших борцов турнира. Казалось, в тот день фортуна была на стороне Альбиева...

Я спросил у Ислам-Бека, как же он смог бороться, а главное, выигрывать со столь серьезной травмой? «Все дело в том, что я жестко подчинил организм своей воле. К тому же, во время схватки уже действуешь на «автопилоте». Другое дело, что ресурсы организма не беспредельны и на долгое время в таком режиме тебя не хватает», – ответил он. Подтверждением этих слов стала следующая схватка Альбиева с армянским борцом Оганесом Вардересяном. Победитель противостояния получал олимпийскую лицензию. До Олимпиады Ислам-Беку оставался один шаг, даже не шаг, а шажок, учитывая, что его класс намного выше... Но это по теории. На практике же Альбиев был просто выхолощен и вряд ли кто мог противопоставить сопернику. Тем более, что его вызвали на ковер менее, чем через 15 минут после завершения предыдущей схватки, хотя по регламенту должно пройти не меньше четверти часа. Кто-то скажет, что это мелочи, но в большом спорте мелочей не бывает, особенно когда организм работает на пределе возможного. Ислам-Бек признается, что перед полуфинальной, а по сути, решающей схваткой, у него не осталось ни капли сил. Когда перед самым выходом на ковер старший тренер сборной России, ответственный за юниорскую сборную Рустем Мамбетов ободряюще хлопнул его по спине, Ислам-Бек чуть не упал – настолько он был изможден. «И самое страшное, – признается Ислам-Бек, – я от усталости даже не понимал важность этой схватки. Все было как в тумане». И как следствие – счет 0:1, 0:1 в пользу Вардересяна. Это была самая большая сенсация отборочных турниров. К сожалению для российского спорта, сенсация со знаком минус! К слову, Вардересян на Олимпиаде в Лондоне занял последнее 19-е место, а победитель этого лицензионного турнира турок Юксел Атакан стал 18-м. Спустя три месяца

после лондонской Олимпиады на турнире Голден Гран-при имени Гейдара Алиева в Баку подлечившийся Альбиев победил Юкселя Атакана.

Возвращаясь к теме лицензий в категории до 120 кг, Хасан Бароев сумел-таки завоевать заветную путевку на Олимпийские игры, так что без лицензии у России осталась лишь одна категория – та самая, в которой Ислам-Бек планировал завоевать свое второе олимпийское золото. Впервые в истории советской и российской борьбы сборная страны поехала на Олимпиаду в неполном составе. Но тренеры сборной, функционеры, представители российской спортивной общественности все же надеялись, что тогдашний Президент Международной федерации объединенных стилей борьбы (FILA) Рафаэль Мартинетти выпишет Ислам-Беку Альбиеву VIP допуск, наподобие того, что дают, к примеру, теннисистам. Поэтому, на всякий случай, в Лондон на Олимпиаду повезли и Ислам-Бека. Но чуда, к сожалению, не произошло.

Это фиаско с олимпийской лицензией Ислам-Бек Альбиев до сих пор считает одним из самых драматичных эпизодов в своей жизни.

Но была еще одна спортивная драма в его жизни, датированная сентябрем 2013 года. Именно тогда проходил чемпионат мира в Венгрии. Ислам-Бек попал в очень сложную группу, но, тем не менее, сумел на пути к финалу победить всех своих соперников. В первой схватке он чисто выиграл у невероятно сильного кубинца, призера чемпионата мира 2011 года, Педро Исаака Муленса Эрреры. В 1/8 финала Альбиев в упорной борьбе одолел Сасуна Гамбаряна из Армении – 6:5. Именно Гамбарян выбил Вачадзе на лицензионном олимпийском турнире.

В следующей схватке досрочно был побежден жесткий темповик, чемпион Европы 2012 Франк Штаблер из Германии. В полуфинале Альбиев, опять же досрочно, выиграл у экс-чемпиона мира и Европы Хасана Алиева, который просто был изможден победой в предыдущей схватке над действующим чемпионом Европы, хозяином ковра Томашем Лоринцем. Как видим, соперники у Альбиева были очень серьезные. Из другой сетки в финал вышел никому не известный Рю Хан Су из Южной Кореи. В отличие от Альбиева, с серьезными соперниками он не встречался. Разве что к таковым с натяжкой можно отнести серба Александра Максимовича – бронзового призера чемпионата Европы 2012 года. Сам выход в финал для корейца должен был стать событием вселенского масштаба.

Каждая схватка Ислам-Бека на пути к финалу для его болельщиков была «валидольной». И чистые или крупные победы Альбиева не должны никого вводить в заблуждение – добыты они в невероятно сложных противостояниях. Поэтому финал с неизвестным корейцем, у которого в официальном листе FILA не значилась ни одна победа на международном уровне, представлялся легкой прогулкой.

Это мнение усилилось после первого периода, который Ислам-Бек уверенно выиграл – 3:0. Наверняка, в тот момент было мало людей, сомневающихся в победе российского борца. Даже его перевязанная правая рука не бралась во внимание.

Но во втором периоде корейский борец сильно активизировался. Правда, вел он грязноватую борьбу. Но претензии не к нему, поскольку соперники порой все делают для победы, подчас переходя черту, а к судье.

К этому времени Рю Хан Су правдами и неправдами уже вел в счете – 4:3. Но тут Альбиев своей активной борьбой вынудил судью поставить корейца в партер. Ислам-Бек выбрал постановку сзади, чтобы сделать свой коронный захват. Для посвященных это означало, что на 99,9% он проведет техническое действие. По правилам этого захвата борец должен стоять на одном колене, а ступню другой ноги надо поставить между ног соперника. Это обязательное положение. Но кореец скрестил ноги, не давая Альбиеву шанса следовать правилам борьбы. Естественно, Альбиев указал судье на нарушение соперником правил, и как же он был удивлен, когда увидел перед собой третье предупреждение, означающее его дисквалификацию. Это был шок не только для всех болельщиков Альбиева, но и для здравомыслящих любителей борьбы, которым было ясно, что

именно такие судейские трюки, а прежде правила, позволяющие эти трюки совершать, чуть не вывели борьбу из олимпийских дисциплин. Как же обидно и несправедливо, пройдя тяжелейшую сетку, выйдя в финал, проиграть только по прихоти человека без имени, без регалий и, как выясняется, без чести и совести. Не хочется думать, что это все делалось в угоду члену Бюро FILA Ким Ик-Енгу – соотечественнику Рю Хан Су. Немного успокаивало то, что все видели и понимали суть происходящего. Специалисты борьбы в один голос отмечали блестящую борьбу Альбиева и тот судейский беспредел, который нужно в интересах самой борьбы жестко пресекать.

Кстати, там же в Венгрии не менее цинично засудили еще одного российского борца, Ивана Куйлакова. Что ж, спорт – это неразрывная часть жизни. И здесь, равно как и в других сферах, также идет постоянная борьба за место под солнцем. И для победы порой не брезгают никакими средствами. В этом контексте хочется отметить, что все свои победы за шесть лет выступлений на высшем уровне Ислам-Бек одерживал исключительно в честной борьбе.

После финальной схватки тренера Ислам-Бека – Умалта Тавбулатова многие поздравляли с отличным выступлением его подопечного. А великий борец греко-римского стиля Александр Карелин и президент Федерации спортивной борьбы России Михаил Мамиашили выразились коротко, но с глубоким смыслом: «С возвращением!» Имелось в виду, что Альбиев, спустя четыре года после триумфа на чемпионате мира в Дании, вернулся в элиту мировой борьбы.

Начиная с первых побед на всесоюзном и международном уровне, чеченские спортсмены всегда были примером для подражания: высоконравственные, одухотворенные, благородные, сильные духом и телом... Поэтому имена Асланбека Бисултанова (Дала гечдойла цунна), Бекхана Тунгаева, Салмана Хасимикова, Хамзата Джабраилова (Дала гечдойла цунна), Рамзана Себиева, Руслана Тарамова, Хаваж-Бауди Мулаева, Башира Вараева, Ислама Дугучиева, Ибрагима Самадова и других известны и уважаемы не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Ислам-Бек Альбиев продолжает славные традиции чеченского спорта не только ратными спортивными подвигами, но и достойным поведением вне борцовского ковра. И это действительно так!

Вспоминает Сайд-Селим Альбиев: «После пекинской Олимпиады к нам домой в Грозный приехали тренеры Ислам-Бека Феликс Аваков и Давид Кадилов. Среди прочих теплых слов они выразили благодарность за воспитание сына. И

еще сказали слова, которые впечатались в мою душу: «Отец, твой сын – это кусок золота. Он рожден под счастливой звездой». Для меня, как для отца, эти слова намного важнее всех медалей моего сына. Я понимаю, что не в ментальности чеченцев хвалить своих детей но, как говорится, из песни слов не выкинешь: Ислам-Бек – очень добрый и заботливый сын. А что еще надо родителям? Я хорошо понимаю, что медали и места на пьедестале – дело мимолетное, а уважение людей – это навсегда. Думаю, что Всевышний вознаградил нас таким сыном за те страшные тяготы, что нам пришлось пережить в годы войны. Тогда дважды до основания разрушали наш дом. Я оба раза его отстраивал. Несколько раз я был на волосок от смерти. Был случай, когда пьяные солдаты чуть не расстреляли меня. Хорошо, что подоспел их командир, оказавшийся порядочным человеком. Как-то даже мою машину подрывали контрактники. Повезло, что скорость была маленькая – только перед разорвало. Много чего было. Я думал, что с этими бередящими душу воспоминаниями доживу свой век. Но, к счастью, сегодня хорошего намного больше».

«Великой эпохе нужны великие люди», – сказал Ярослав Гашек. Именно сегодня, когда большое значение уделяют морально-нравственному воспитанию молодежи, важно, чтобы ориентирами были такие положительные герои, как Ислам-Бек Альбиев. Не случайно он избран сопредседателем Общественно-Экспертного Совета Российского профсоюза студентов.

Став знаменитым чемпионом, Ислам-Бек не перестает быть простым в общении человеком.

Он с благодарностью вспоминает всех тех, кто помог ему в становлении. С особой теплотой Ислам-Бек говорит о первом Президенте Чеченской Республики Ахмат-хаджи Кадырове (Дала гечдойла цунна), который, можно сказать, дал ему путевку в большой спорт. В 2004 году именно он оплатил поездку Ислам-Бека на турнир Гуревича в Москве. И Альбиев не подвел: завоевал первое место. Именно тогда специалисты борьбы обратили на него внимание.

В борцовской среде Ислам-Бек Альбиев пользуется заслуженным уважением. И не только за спортивные успехи. Искренность и порядочность Ислам-Бека снискали ему уважение и среди соперников. Кстати, о своих соперниках, будь то Аслан Абдулин, Адам Курак, Юрий Денисов, Амбако Вачадзе или же его земляк Чингиз Лабазанов, Альбиев отзывается очень уважительно, находя для каждого положительный эпитет.

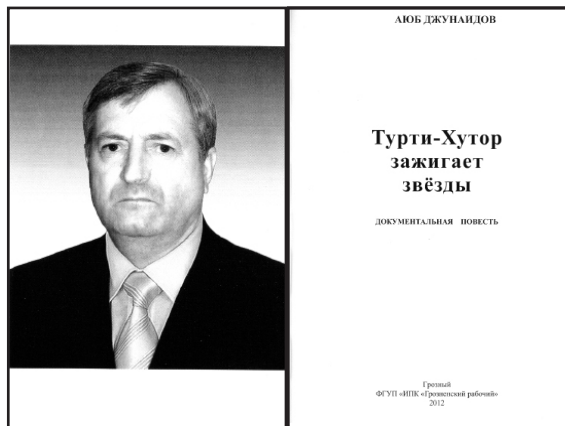
О трудолюбии Альбиева можно много говорить. Неспроста президент Федерации спортивной борьбы России Михаил Мамиашвили сказал про него: «Этот парень готов трудиться сутками напролет».

Ислам-Бек беззаветно предан спорту, но все же главным в его жизни является семья. Он не скрывает своей привязанности к родителям. Ислам-Бек женат и уже сам воспитывает троих сыновей. Приезжая со сборов домой, с удовольствием общается с тремя своими братьями: Казбеком, Эльбрусом и Имамом.

Я тесно общаюсь со многими выдающимися спортсменами прошлого и настоящего. Могу уверенно сказать, что таких воспитанных, вежливых, деликатных и думающих спортсменов немного. Особенно, если говорить о борцах – ребята дерзких, характерных, своенравных. Но, несмотря на всю кажущуюся мягкость, Ислам-Бек – парень с жестким характером. А иначе мог ли он выиграть к своим 25 годам все регалии в спорте? Не взятых вершин в борьбе для него не существует. Значит, остается повторять восхождения. И самой важной грядущей вершиной в его жизни должна стать Олимпиада в Рио-де-Жанейро.

Жизнь является не набором бессмысленных случаев и совпадений, а, напротив, цепочкой событий, связанных в единый вселенский план. Перед олимпийским Лондоном Ислам-Бек споткнулся; хочется верить, что опыт будет учтен, а судьба уберезет его от травм. И тогда...

Впрочем, забегать вперед – дело неблагоприятное.

Книжные новинки**С любовью к учителю...**

Недавно в Грозном вышла необычная книга – документальная повесть Аюба Джунидова «Турти-Хутор зажигает звезды». В ней автор рассказывает о жизни маленького горного села Турти-Хутор, что находится в Ножай-Юртовском районе Чеченской Республики. Главным (хотя и не единственным) героем повествования является уважаемый всеми сельчанами человек – Али Батаевич Хатамаев, бывший директор местной школы, более сорока лет своей жизни посвятивший педагогической деятельности. Личность на селе незаурядная, воспитавшая сотни

достойных выпускников. Как отмечает в предисловии к книге друг и однокурсник Джунидова Халим Бурчаев, герой повествования предстает перед читателями как «связующее звено между прошлым и настоящим турти-хуторцев, а также он прозорливо смотрит в будущее своего села. Все, что передали ему старшие поколения, он донес до своих питомцев, односельчан, и не только – Али Батиевич в лучших традициях нашего народа воспитал в селе и своих преемников. Один из них и есть автор этой повести». И все же, передать в краткой аннотации, насколько повесть интересна, написана хорошим, легким и живым русским языком, почти ничего не сказать: в ней нет навязчивого «морализаторства», «колонок» с сухим перечислением энных наград, грамот и медалей. Автору, действительно, есть что рассказать о своих героях-односельчанах – по-доброму, душевно и искренне. Эта книга (кстати, иллюстрированная), которую стоит иметь в домашней библиотечке. Хорошее пособие для практикующих педагогов – в качестве ориентира для расширения образовательного кругозора, обогащения собственного педагогического опыта.

К нашим иллюстрациям**Художница из Пригородного**

Художница Зарет Муртазалиева родом из села Пригородное Грозненского района Чеченской Республики. Любовь к изобразительному творчеству проявилась у нее в детстве и передалась, скорее всего, от мамы. Как вспоминает Зарет, мама, хотя и была домохозяйкой, постоянно что-то рисовала, лепила вместе с детьми фигурки из пластилина и даже рисовала цветы на стенах, не ограничиваясь обычной побелкой во время ремонта. Вот и Зарет повсюду брала с собой бумагу, карандаши, акварель – и объектом для ее рисунков «было все, всегда и везде». Самая первая в ее жизни персональная выставка состоялась, когда Зарет училась... во втором классе – организатором стала ее учительница, Рита Владимировна. То значение, которое придала учительница художественным работам Зарет, сильно повлияло на девочку и ее желание продолжать заниматься изобразительным творчеством.

В Детскую художественную школу №1 г. Грозного, в так называемый «вечерний» класс, Зарет пришла довольно поздно – после восьмого класса. За профессиональным образованием, сразу после восьмилетки, она отправилась в Махачкалинское художественное училище. Там, во время экзаменационного отбора, ее работы получили высокие оценки. Но девушку, тем не менее, не приняли. На попытку выяснить, почему такая несправедливость, директор училища сказал буквально следующее: «Мы в стране и так стоим на тридцать втором месте по уровню развития искусства. Поэтому возьмем свою». Вот так и привела ее «дорога жизни» в грозненскую художественную школу, которая, к слову, тогда считалась сильнейшей на Северном Кавказе, славилась своим

мощным преподавательским «косяком», связями с миром искусства столицы. Учителем Зарет был талантливый художник-педагог Ливн Валентин Валентинович. Его фрески украшали множество зданий по Старопромысловскому шоссе Грозного, пережили две войны и были сняты только в последние годы, во время общегородских ремонтных работ. В 1980 году Зарет поступила на литературное отделение филологического факультета Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н.Толстого. В годы учебы продолжала много рисовать, ее рисунки можно было увидеть в общевузовой сатирической стенгазете «Купорос». Студенческая выставка с таким же названием, организованная комитетом комсомола университета во время выезда в трудовой лагерь на виноградники, в Наурском районе, стала и ее первой «взрослой выставкой». Когда в ЧИГПИ открылось художественно-графическое отделение,

она была в числе первых его «ласточек» (в 1990-1995 гг.). Ее дипломной работой стал «Серебристый натюрморт». Художественное направление, в котором Зарет предпочитает работать: реализм, экспрессионизм. Жанры: портрет, пейзаж, натюрморт. Живопись, графика. Очень многое в плане мастерства ей дали выезды на Академическую дачу им. И.Е.Репина в Вышнем Волочке, являющуюся своего рода меккой для художников всей России, в 2004-ом, 2005-ом и 2010-ом годах. Там она получила бесценный опыт работы в творческих мастерских народного художника СССР Ивана Васильевича Рыбачука, Григория Леонтьевича Чайникова, Евгения Викторовича Ромашко, заслуженного художника России. Кстати, именно благодаря советам и оценке ее творчества этими мастерами кисти, Зарет стала больше уделять времени и труда работам в жанре пейзажа, хотя прежде отдавала предпочтение другим жанрам.

Дважды она побывала там, благодаря содействию Председателя Союза художников ЧР Вахи Умарсултанова, который периодически организовывал благотворительные выезды (за что очень благодарна ему) для чеченских художников. В последний, третий, раз поехала уже на собственные деньги.

В настоящее время Зарет работает в Центре культуры и искусства при Министерстве культуры ЧР (ГБУ «Учебно-методический центр») методистом по художественному образованию. В городской гимназии №3 ведет кружок изобразительного искусства. Есть еще одна работа (по контракту) в Центре «Медицина катастроф», где она дает мастер-классы по ИЗО-творчеству для детей, временно отстраненных от занятий в средних школах по причине болезни. Является членом Союза художников России. Ее картины принимали участие в многочисленных выставках как республиканского, регионального, так и международного уровня: в Днях Чеченской культуры в Москве, на выставке чеченских художников в Доме-музее А.П. Чехова в 2005 году; в государственном Кремлевском дворце (2011 год); на 11-ой Региональной выставке Юга России (Ростов-на-Дону, 2012 год). Персональная выставка Зарет «Блаженны миротворцы» прошла в московском Доме национальностей в 2006 году; а картина «Грозный – 2005» была отобрана на выставку чеченских художников, проходившую во Франции в 2010 году в рамках года России во Франции («Диалог культур в пространстве академической школы») в выставочных залах штаб-квартиры ЮНЕСКО.

На обложке представлены следующие работы художницы: 1 стр. – «Серебристый натюрморт», 2 стр. – «Долгожительница Пасихат», 3 стр. – «Река Мста», 4 стр. – «Грозный – 2005».

Роза Берсанова

Сведения об авторах и переводчиках

Алвади Шайхиев (1947). Окончил филологический факультет ЧИГПИ в 1970 году. В 1977-79 гг. учился на Высших двухгодичных литературных курсах Союза писателей СССР при Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Поэт, писатель, переводчик. Член Союза писателей СССР с марта 1976 года. Публикуется в периодической печати с 1961 года. Первый сборник стихов «Чувство» увидел свет в 1969 году. В разные годы в Грозном и Москве выходили поэтические сборники: «Пламя любви», «Огонь в очаге», «Трава-мурава», «Пульс», «Совесть», «Башни мужества», «Ночные птицы», «Заповедь» и другие. Стихи Алвади Шайхиева печатались в журналах «Молодая гвардия», «Современник», «Звезда», «Дон» и других.

Арби Альтемиров (1974). Родился в селе Гихи Урус-Мартановского района. После окончания школы, в 1991 году, поступил в Чеченский государственный университет (факультет филологии). С момента окончания вуза и по настоящее время работает в родной школе учителем чеченского языка и литературы. Победитель конкурса интеллектуального центра «Серебряная сова» в номинации «Учитель года». Почетный работник общего образования РФ. Почетный гражданин Урус-Мартановского района. Публиковался в журналах «Вайнах» и «Орга».

Супьян Халидов (1953). Родился в селе Полтавка Северного Казахстана. Окончил среднюю школу в с. Девкар-Эвла (Толстой-Юрт). Окончил ЧИГУ. Работал учителем чеченского языка и литературы, русского языка и литературы, корреспондентом газеты «Нефтехимик», редактором Чечено-Ингушского телевидения. В настоящее время – учитель чеченского языка и литературы в гимназии №7 г. Грозного. Публиковался на страницах местных периодических изданий, в коллективном сборнике «Луийренан аьзнаш» («Утренние голоса»).

Муса Ахмадов (1956). В 1979 г. окончил филологический факультет ЧИГУ. С 2004 г. и по настоящее время – главный редактор журнала «Вайнах». Народный писатель ЧР, заслуженный работник культуры ЧР, лауреат премии «Серебряная сова» (2006 г.) Автор 9 художественных книг. Автор учебников, методических пособий и программ по этике и чеченскому языку для школ и вузов. В 2002 г. пьеса «Волки» была издана отдельной книгой на французском языке в Париже и поставлена на сцене театра «Дом восточно-европейской пьесы» (март 2006 г.). В 2011 г. в Швейцарии вышла книга рассказов и повестей на немецком языке «Чтобы свечу не задует ветром». Произведения Ахмадова переведены также на английский и японский языки.

Валид Докаев (1968). В 1996 году окончил филологический факультет ЧГУ. По окончании вуза несколько лет работал по специальности в средней школе. Также работал в качестве замредактора в газете «Кавказский дом» (1995–1996 гг.). Пишет стихи, прозу, статьи публицистического характера. Публикуется с 1989 года в местной периодической печати, а также в советской центральной газете «Красная звезда».

Вахид Адуев (1984). В 2011 году окончил юридический факультет Чеченского государственного университета. Является аспирантом ЧГУ, ассистентом кафедры Гражданского права и процесса ЧГУ. Имеет ряд научных публикаций как в республике, так и за ее пределами. Печатался в республиканских изданиях: «Вести республики», «Молодежная смена», журнал «Закон и право», журнал «Нана», «Университетский вестник ЧГУ» и других, а также на различных Интернет-порталах. С 2009 – депутат молодежного парламента ЧР. Является автором учебно-методического пособия «Молодежный парламентаризм и его роль в формировании активной гражданской позиции».

Айнды Якубов (1956). Родился в Казахской ССР. Окончил механико-математический факультет ЧГУ в 1978 году. Работает зав.кафедрой геометрии и методики преподавания математики ЧГПИ. Автор более шестидесяти научных публикаций. Одна из последних изданных книг – «Ахмед Цебиев. Олимп и Голгофа ученого», Нальчик, 2009.

Роза Межиева. Редактор отдела публицистики журнала «Вайнах», историк, журналист, психолог. Пишет стихи, прозу, публицистические статьи. Публиковаться начала в школьные годы (стихи в газете «Комсомольское племя»). Участница Форума молодых писателей ЮФО в ст. Вешенской в 2005 г., 2-го и 3-го Сопещаний молодых писателей и критиков Северного Кавказа в Майкопе (2009) и Карачаево-Черкесии (2010), X Всероссийского форума молодых писателей и критиков в Липках (2010). Автор рассказов и поэтических подборок в журналах «Вайнах», «Нана», «Дон» (2006) и в журнале «Эльбрус Минги Тау» (2009) в переводе на балкарский язык.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки - 330 руб.

Содержание журнала «Вайнах» за 2012 год

День Памяти и Скорби

Обращение Главы ЧР Р.А. Кадырова, посвященное Дню Памяти и Скорби народов Чеченской Республики. V – 2

Юбилей

Адиз КУСАЕВ. Встречи. Стихи. I – 2
Роза МЕЖИЕВА. Творец счастливого пространства. I – 5

Шарип ЦУРУЕВ. Нохчаллах дош. Стихаш. I – 9

Леча АБДУЛАЕВ. Нохчийчоь. Стихаш. II – 2

Асет ХАЛИКОВА. Абдулаев Лечин поэзехь халкъан мукъамаш. II – 6

75 лет президенту Клуба писателей Кавказа – Салиху Гуртуеву. V – 11

Салих ГУРТУЕВ. Сон кизилового дерева. Стихи. Перевод с балкарского. V – 12

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. Возвышенным, как небо, сердце стало. V – 16

Балкан АНЗОРОВА. Желтая птица. Стихи. VII – 14

Адиз КУСАЕВ. Поэтесса из народа. VII – 17

Абузар АЙДАМИРОВ. Дороги моей жизни. Автобиографический очерк. X – 13; XI – 2; XII – 2.

Леча ЯСАЕВ. В этой жизни, корявой и хилой, было все – и почти ничего... Стихи. XI – 13

Поэзия

Марьям НОХЧИЕВА. Волчица. Стихи. I – 14

Супьян ХАЛИДОВ. Глурглезаш. Стихаш. I – 34

Гергарчарах лаьцна. Стихаш. XII – 32

Хава ГАГАЕВА. Вода моих песен. Стихи. I – 64

Мне говорят: «Здесь так не принято...» Стихи. VI – 28

Элора ЭЛЬЖАЕВА. Маржа-я1, хаза ду дуьне... Стихаш. I – 70

Асламбек ЯКУБОВ. Поздняя осень... Стихи. I – 73

Материалисту. Стихи. V – 43

Река Фортанга. Стихи. IX – 28

Башир ТИМУРЗИЕВ. Злая мачеха-судьбина не сломила нас. Стихи. II – 21

Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. Горькое эхо. Стихи. II – 46

Льома МИСИРБИЕВ. Бакъо яц. Стихаш. II – 48

Башир ВИСИТАЕВ. На войне как... Стихи. II – 68

Алвади ШАЙХИЕВ. Огонь любви ловить... Стихи. III – 8

Приметы счастья. Стихи. VIII – 16

Баллада о крепости. XII – 14

Вахид ИТАЕВ. Восточная легенда. Стихи. III – 15

Все началось еще тогда. Стихи. VI – 15

Мадина САКАЕВА. Дилхира, дилхира Иалам. Стихи. III – 26

Валид ДОКАЕВ. На языке Сердца. Стихи. III – 31

Я просто по-другому не умею. Стихи. VII – 28

Марьям ХАДЫСОВА. Родному дому. Стихи. III – 52

Муса БУХАДИЕВ. Е-е гора, кура к1ентий. Стихаш. IV – 16

Нохчалла. Стихаш. X – 62

Арби ПАДАРОВ. Экспромты. Стихи. IV – 49

Шарип ЦУРУЕВ. Не забывай... Стихи. IV – 51

Светлана КУРАЗОВА. Скорый поезд жизни. Стихи. V – 26

Первые стихи. IX – 22

Муса ШАМСАДОВ. Сан безам. Стихаш. V – 34

Дуьненан лазам. Поэми т1ера дакъош. XI – 65

Хасан САЙДУЛЛАЕВ. Сыграйте мелодию. Стихи. Перевод с чеченского Алвади ШАЙХИЕВА. V – 48

Руслан ЮСУПОВ. Осенью – весна. Стихи. VI – 20

Мовсар ИБРАГИМОВ. Всего, чего себе желаешь... Стихи. VI – 38

Альбика БАТАЕВА. Зама. Стихаш. VI – 52

Зулпа ШИШХАНОВА. Сан г1ала. Стихаш. VI – 53

Майрбек ЛУЛУЕВ. Ирск-кхоччуш. Стихаш. VII – 40

Асхаб АЛИЕВ. Буря. Стихи. VIII – 33

Голос Мамы. Стихи. XII – 37

Элина САЙДУЛАЕВА. Любовь, как первый снег, приходит. Стихи. VIII – 55

Ильмади ЦОККУЕВ. Доуг1учохь. Стихаш. IX – 43

Умар ЯРИЧЕВ. Выжил. Стихи. X – 23

Малика ХАМИДОВА. Ца лаьа. Стихаш. X – 61

Роза МЕЖИЕВА. Лирический дневник Ахмета Асхабова. XI – 40

Ахмет АСХАБОВ. Я мало видел, мало знаю... Стихи. XI – 42

Асет ХАЛИКОВА. Дашочу г1енаш-лахь шен ирсах лаба ца кхиьнарг... Стихи. XI – 56

Проза

Шамсуддин МАКАЛОВ. Рассказы. I – 16

Старик и цветы. Рассказ. VI – 22

Соседи. Рассказ. IX – 52

Исраил ГОРСКИЙ. Анатомия развода. Повесть. I – 38. II – 57. III – 62

Яхья УСУМОВ. Делан кхелана резакхилар. Шира дийцар. I – 67

Муса БЕКСУЛТАНОВ. Весы. Рассказ. Перевод с чеч. Лидии ДОВЛЕТКИРЕЕВОЙ. II – 9

До рассвета оставалось три часа... Они приходили утром, на рассвете... Рассказы. Перевод с чеч. Саламбека АЛИЕВА. VII – 2

Легенда о Сарсаке. Рассказ. Перевод с чеч. Михаила ЭЛЬДИЕВА. И доносился собачий лай. Рассказ. Перевод с чеч. Саламбека АЛИЕВА. IX – 8

Алвади ШАЙХИЕВ. Жребий. Главы из романа. II – 23

Горский характер. Возмездие. Рассказ старца. Рассказы. VII – 24

Асламбек ДАУДОВ. Шина лулахочун кьамел. Дийцар. II – 52

Мовла ГАЙРАХАНОВ. Рассказы. III – 11

Тауз ИСС. Дагардийцар. III – 17

Путешествие в полдень. Сатура. V – 29

Муса ШАМСАДОВ. Партин картолаша, хьуьнан хьакхарчий а. Дийцар. III – 28

Шаран ДАШАЕВ. Рассказы. III – 42

Здравствуй, сестра. Рассказ. VII – 48

Кутал. Рассказ. IX – 49

Последний аккорд. Рассказ. XI – 22

Муслим ГАПУЕВ. Байки из Чечни. Миниатюры. III – 54

Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. Моська. Рассказ. IV – 43

Милашка. Рассказ. VI – 31

Анарбек ЯНДАРОВ. История одной семьи. Повесть. IV – 54. V – 75

Ийса ОКАРОВ. Иедал. Дийцар. V – 22

Бекьна Iаж. Дийцар. VI – 48

Хьялим БУРЧАЕВ. Йагин хазахетар. Дийцар. V – 36

Ваха ДОКАЕВ. Повесть о Любви в статусах сайта «Одноклассники». V – 45

Прозаические миниатюры. Афористика. XII – 45

Руслан ИБАЕВ. Не достигать дна... Рассказ. V – 49

Фанза ХАЛИМОВА. Специальный репортаж. Рассказ. V – 51

Осколок. Рассказ. Старик и «гудермесское море». Фельетон. VIII – 57

Мохмад АЛИЕВ. Нуд. Забаре дийцарш. V – 69

Диц ца делла дика. Дийцар. XII – 33

Муса АХМАДОВ. В ожидании волны.

Рассказ. Перевод с чеч. Лидии ДОВЛЕТКИРЕЕВОЙ. VI – 2

Малика ЕЖИЕВА. Жить по расчету. Рассказ-быль. VI – 39

Марьям ХАДЫСОВА. Утро завтрашнего дня. Рассказ. О матери. Стихотворение в прозе. VI – 54

Анзор ДАВЛЕТУКАЕВ. Последний взгляд. Рассказ. VI – 61

29 маршрут. Дийцар. XI – 54

Зура ИТСМИОЛОРД. Я ненавижу тебя, Буратино. Записки Карабаса. VII – 54

Ася УМАРОВА. Сезон памяти. Повесть. VIII – 19

Мадина АБДУЛВАГАПОВА. Мышка. Рассказ. VIII – 37

Лариса БАДАЕВА. Жарадат. Отрывок из повести. VIII – 44

Элора ЭЛЬЖАЕВА. Учительница-жизнь, или Белый голубь – символ войны. Рассказ. VIII – 61

Адам САЛАХАНОВ. Рентген. Рассказ. VIII – 67

Зов могилы. Рассказ. XII – 40

Лейла КУСАЕВА. Персиковая невеста. Рассказ. IX – 25

Бабушка Мо. Рассказ. XII – 41

Фариза МЕЖИДОВА. Комната Артура. Рассказ. IX – 31

Саид-Альви ЛУЛУЕВ. Потерянная любовь. Рассказ. IX – 55

Муса БАКАРОВ. Зеламха. Книги юккьера дакья. IX – 60

Вахид ИТАЕВ. Белый конь. Повесть. X – 25

Амин ДАВДИЕВ. Ирча сурт хлинца а бляьргашна хьалха... Дийцар. XII – 21

Гарби АЛЬТЕМИРОВ. Адамалла. Дийцар. XII – 29

Голоса друзей

Хусей БОСТАНОВ. Шаптал. Рассказ. I – 72

Анастасия КУЗЬМИЧЕВА. Круги по воде... Стихи. II – 55

Мариян ШЕЙХОВА. Четыре лилии на черном. Стихи. IV – 39

Николай БУСЛЕНКО. Чеченские мотивы. Расовый круг. Как умирал Чехов. Стихи. V – 66

Александр ЕВСЮКОВ. Здесь. Близко. Рассказ. VI – 17

Роза АГОЕВА. Чего ты ждешь... Стихи. VII – 21

Григорий АРОСЕВ. Первая песнь. Стихи. VII – 42

Магомед КУДАЕВ. Добрейшей Души Кёкей. Очерк. VII – 75

Ангелина ЯРОСЛАВЦЕВА. Рикошет. Стихи. X – 85

Ольга ЕРМОЛАЕВА. Грибоедов. Поэма. XI – 16; XII – 24.

XX-чу б1ешарийн нохчийн литература

Ибраһим ЮСУПОВ. *Нене.* Стихаш. VII – 35

История

Малика ГОРТИКОВА. Историческая литература о предпринимательстве в Чечне во второй половине XIX – начале XX вв. I – 75

Асет АБУБАКАРОВА, Мадина АХМАДОВА. День Победы приближали, как могли. I – 81

Вахит АКАЕВ, Магомед ДАДУЕВ. Депортация чеченцев – абсурдность официальных причин и необходимость объективного изучения. II – 72

Вахит АКАЕВ, Магомед СОЛТАМУРАДОВ. Накшбандийский шейх Элахмулла: духовная деятельность и жизненные коллизии. VI – 65

Вахит АКАЕВ, Асламбек АКАЕВ. Арабские завоевания и распространение ислама на Кавказе. VIII – 72

Бела ШАВХЕЛИШВИЛИ. Что посещешь... (О переселении чеченцев в Грузию). V – 84

Адиз КУСАЕВ. Говорит и показывает Грозный... К 85-летию чеченского радио и 55-летию телевидения. VI – 74

Гилани ИНДЕРБАЕВ. Жизнь, продолжающаяся в преданиях и легендах. IX – 70

Портрет

Иса ОКАРОВ. Светлые дороги Эдильхана. Очерк. I – 88.

Айнды ЯКУБОВ. Адвокат с большой буквы. Очерк. XII – 71.

Библиография

Лиза АДМИСИЕВА. «О Кавказской линии...» И. Дебу. I – 92

Путешествие И.А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам. VIII – 80

Дебют

Лейла КУСАЕВА. Скорбный путь. Стихи. II – 50

Мозаика. Рассказ. VII – 59

Ирби АЛЬТЕМИРОВ. Велаш да реза! Стихаш. II – 70

Турпал-Ела ТУРЛАЕВ. Весет. Стихаш. III – 40

Асхаб АЛИЕВ. Вечер. Стихи. V – 54

Адам САЛАХАНОВ. Исповедь экстремальщика. Рассказы. V – 57

Элора ЭЛЬЖАЕВА. Здесь все так же, как и прежде... Стихи. V – 73

Сайхан ИСРАИЛОВ. Замано хлун боху? Стихаш. VI – 58

Асет ШАХГИРЕЕВА. Вдохновение. Стихи. VI – 60

Исмаил ХАБАЕВ. Слово о языке. Стихи. VII – 37

Тамара ДЖАМАЛДИНОВА. Нохчийчоь. Стихаш. IX – 47

Гунки ХУКИЕВ. Из записок солдата эпохи застоя... Рассказы. XI – 45.

Хава ГАМАРИГОВА. Позабыв, что было, навсегда. Стихи. XII – 40

Память

Кати ЧОКАЕВ. Не дам в обиду, или Возвращение к теме участия чеченцев в ВОВ. II – 80

Лариса БАДАЕВА. Борз-Али из Харачоя. Очерк. IV – 62

Зура ИТСМИОЛОРД. Оторванные лоскутки. IV – 67

Вахит БИБУЛАТОВ. Представленные к Герою. V – 3

Роза МЕЖИЕВА. Герой из Атагов. V – 7

Саламбек АЛИЕВ. Наш постоянный автор. VII – 31

Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. Из цикла рассказов «Бригада № 6». VII – 33

Дукуваха АБДУРАХМАНОВ. Человек и эпоха: Ахмат-хаджи Кадыров. Отрывки из книги. VIII – 2

Эдильбек ХАСМАГОМАНОВ. Семейный портрет в интересе эпохи. Рецензия. VIII – 7

Магомед ДАДУЕВ. Герсолта не стало. VIII – 92.

Вахид АДУЕВ. Патриот с судьбою эмигранта. XII – 66

Драматургия

Муса АХМАДОВ. Нуц хьовзор. Во-вшахкхетар. Пьесаш. VII – 66

Люди в ночи. Пьеса. Перевод с чеч. Лидии ДОВЛЕТКИРЕЕВОЙ. XII – 49

Абу ИСМАИЛОВ. Эдал. Драма в стихах. Перевод с чеч. автора. IX – 2; X – 49; XI – 61; XII – 16.

Назманах

Бай-Ела ТЕВСИЕВ. Дег1аста. VIII – 9

Жукка ТЕПСУРКАЕВА. Вайн Далла хастам бу! Зорбане кечийнарг Абдулаев Адам. VIII – 14

Хилларш-лелларш

Гарби БЕЧУРКАЕВ. Перпиньянехь.
IX – 38
Шолийн Чора. XI – 57

Критика и литературоведение

Халим БУРЧАЕВ. Нахи в исламе.
II – 82
Саламбек АЛИЕВ. «Вайнах»–2012:
читательское послесловие и послевкусие.
II – 87

Субран ИНАРКАЕВА. Жанр малой
прозы и его особенности в творчестве со-
временных чеченских авторов. IV – 76
Казбек ГАЙТУКАЕВ. Две тенденции
в изображении Кавказа в русской литера-
туре. VI – 85
Руслан ЯСАКОВ. Талисман гор. Ре-
цензия. VI – 92

Хроника культурной жизни

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. Белый
дом в цветущем саду. II – 93
Люди в ночи. III – 90
Роза МЕЖИЕВА. Сакура в цвету. IV –
81
Чеченский режиссер – триумфатор
международного кинофестиваля в Италии.
VIII – 94

Культурология

Тауз ИСС. Чеченский космос. Эссе.
VII – 90

**К 10-летию выборов
Президента ЧР**

«Моя задача не остановить войну, а
покончить с ней навсегда...» С Исмаилом
МУНАЕВЫМ беседует Иса ОКАРОВ. X
– 5

10 лет Конституции ЧР

Эдильбек ХАСМАГОМАДОВ.
Референдум – десять лет спустя. III – 2
Роза МЕЖИЕВА. Дорога к миру через
референдум. III – 4

Литературное наследие

Михаил ЛОХВИЦКИЙ. Громовой
гул. Отрывок из повести. III – 21

Гочдар

Антон ЧЕХОВ. Хамелеон. Пурстоп
кхалхар. Стомманиг а,вуткьаниг а. Гочди-
нарг Абу ИСМАЙЛОВ. III – 34.

Оратор. Дийцар. Гочдина БУРЧАЕВ
Хьаблим. VI – 45.

Хирурги. Дийцар. Гочдинарг БУРЧАЕВ
Хьаблим. IX – 45

**БАЙРОН, КИПЛИНГ, ПУШКИН,
ЛЕРМОНТОВ, ФЕТ, БЛОК, ЕСЕНИН.**
Стихаш. Гочина Х. Хатаев. VI – 42

Екатерина ГАБАШВИЛИ. Тинин
хелхар. Дийцар. Гуьржийн маттера
гочдинарг МАРГОШВИЛИ Султан. X –
57

Языкознание и культурология

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА.
Ментально-семантические нюансы языко-
вых средств выражения. XI – 67

Свидетельства очевидцев

Хадид ГАЛАЕВ. Университеты спец-
переселенца. III – 78

Публицистика

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА.
Нравственно-этические ценности чечен-
цев и современный мир. III – 85

Саламбек АЛИЕВ. Очень нескучная
история. IV – 86

Честный и несчастный частный
сектор, или Особенности национального
фермерства. VIII – 85

Муса Бакаров: сердце на месте. IX – 65
Айнды ЯКУБОВ. Национальные исто-
ки формирования математической науки в
Чеченской Республике. IX – 80

Муслим ГАПУЕВ. Борец на все вре-
мена. Очерк о Бувайсаре САЙТИЕВЕ. IX
– 86

Рожденный под счастливой звездой.
Очерк об Ислам-Беке АЛЪБИЕВЕ. XI – 87;
XII – 83.

Роза МЕЖИЕВА. Наши гости, или
Просто. замечательные люди. XII – 79.

**25 апрель -
Нохчийн меттан де**

Зарина АЛИЕВА. Даймехкан аматаш.
Хетарг. IV – 2

Мохьмад МАМАКАЕВ. Со вина де.
Поэма, стихаш. IV – 6

Мохьмад ДИКАЕВ. Дай баьхначу
махкахь. Стихаш. IV – 9

Муса АХМАДОВ. Кхаа вешех туйра.
Дийцар. IV – 11

Муса БЕКСУЛТАНОВ. Гучувала.
Дийцар. IV – 18

Докка КАГЕРМАНОВ. Нохчоллин
генаш, я сан деган пхенаш. Стихаш. IV –
29

Арби ВАГАПОВ, Абу-Магомед ДЖАМАЛДИНОВ. Характеристика нахских заимствований из картвельских языков. IV – 32

День города

Эдильбек ХАСМАГОМАДОВ. Грозный – центр мира. X – 2

Дукуваха АБДУРАХМАНОВ. Человечек и эпоха: Рамзан Кадыров. Отрывки из книги. X – 8

Адиз КУСАЕВ. Баллада о Заводском районе. К 120-летию Грозненской нефтяной промышленности. Отрывок из поэмы. X – 12

VI Совещание молодых писателей Кавказа

МОЛОДЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ ВСТРЕТИЛИСЬ В ГРОЗНОМ. X – 63

Насрудин ЯРЫЧЕВ. Поэты. Стихи. X – 65

Айгюн МАМЕДОВА Стежки-дорожки, или Путешествие по родным местам. X – 67

Вадим КЕРАМОВ. Эти закатные отблески света... Стихи. X – 72

Мадина АБДУЛВАГАПОВА. Моя чеченская война. Рассказ. X – 74

Зураб БЕМУРЗОВ. Эпюды. Стихи. X – 77

Елена МИЛОСЕРДОВА. Быть мышкой. Стихи. X – 79

Николай РЕДЬКИН. Веселые лоси. Рассказ. X – 81

Наше интервью

Иса ОКАРОВ «Время собирать камни...». IV – 72

«Собирать свою историю по крупичкам...». VII – 85

Саламбек АЛИЕВ. Римские каникулы Аси УМАРОВОЙ. XI – 72

Путевые заметки

Саламбек АЛИЕВ. Один день в Итум-Кали. V – 89

Магомед ЦУНЦАЕВ. Приключения в стране пирамид. XI – 78

Фольклористика

Ваха РАСУМОВ. Чеченские народные танцевальные песни. X – 91

Рецензия

Муса БАГАЕВ. Этнопедагогика и чеченцы. X – 87

И в шутку, и всерьез

Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. Аппликации для Турандот. Афоризмы. III – 92

Сентенции концептуального. Афоризмы. V – 93

Книжные новинки

Роза БЕРСАНОВА. Земля отцов. I – 95

В поисках национальной идентичности. IV – 95

Вижу футбол. V – 95

С любовью к учителю. XII – 89

Роза МЕЖИЕВА. Новые писатели. II – 95

Чеченские писатели. VI – 95

Обет. VIII – 95

Морфология чеченского языка. IX – 95

Новые писатели. X – 95.

Саид-Альви ЛУЛУЕВ. Обязанный быть поэтом. III – 94

Мадина АБДУЛВАГАПОВА. «Топонимия Чечни», «Мир просветителя». VII – 95

Лидия МАХМУДОВА. Вкус айвы. Молодая кавказская литература: Проза, поэзия, критика, публицистика. XI – 94

К нашим иллюстрациям

Сацита ИСРАИЛОВА. Искусство вне времени. I – 95

Художник из Дуба-Юрта. IV – 95

Лидия МАХМУДОВА. Без пустоты. II – 95

Запечатлеть мгновение. III – 95

Роза МЕЖИЕВА. Мир глазами молодых художников Кавказа. V – 95

Источник вдохновения. X – 95

Роза БЕРСАНОВА. Европейский ренессанс чеченского художника. VI – 95

Художница из Пригородного. XII – 89

Мадина АБДУЛВАГАПОВА. Вдохновение Жизнью. VII – 94

Простые истины. VIII – 95

По ту сторону холста. IX – 95

Зура ИТСМИАЛОРД. Абрек Зелымхан в творчестве Зайнди Аласханова. XI – 93

Сведения об авторах и переводчиках

I – XI – 96; XII – 91.

Содержание журнала «Вайнах» за 2012 год.

XII – 92.